

10.335

1960

5

ქართული
ბიბლიოთეკა

ЛИТЕРАТУРНАЯ

ГРУЗИЯ

1960

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

О Р Г А Н
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ

Год издания четвертый

64.796

С О Д Е Р Ж А Н И Е

КОНСТАНТИНЭ ГАМСАХУРДИА. Слово о пятистах болнисцах. Новелла.	3
ТИЦИАН ТАБИДЗЕ. «Картлис цховреба». Вступление к поэме.	11
РОСТОМ БЕЖАНИШВИЛИ. Хроника одной деревни. Часть первая.	13
АЛИО МИРЦХУЛАВА. Весна. Стихи	33
АЛЕКСАНДР АБАШЕЛИ. Женщина в зер- кале. Научно-фантастический роман. Продол- жение.	34
ГЕОРГИЙ МАЗУРИН. Новые стихи.	52

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ГОДЫ

И. В. ТЮЛЕНЕВ. Битва за Кавказ. Из книги «Через три войны». Окончание.	54
---	----

ВЕЛИКОЕ СЕМИЛЕТИЕ

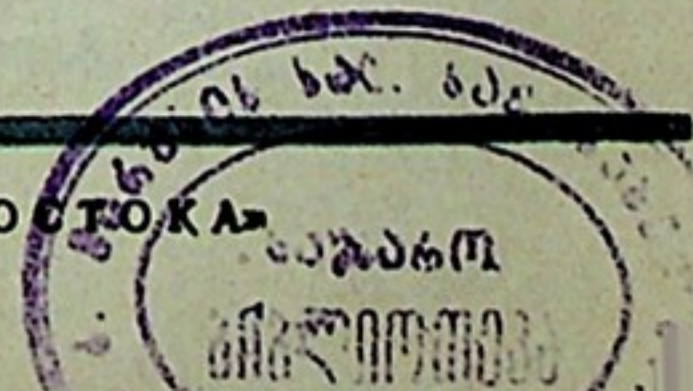
Н. НОВИЦКИЙ. Города для радости. Заметки журналиста.	67
---	----

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

БЕСО ЖГЕНТИ. За драматургию большого идейно-эстетического звучания!	73
ПАВЕЛ АНТОКОЛЬСКИЙ. Кто виноват?	81
КОНСТАНТИН ЧИЧИНАДЗЕ. «Витязь в тигро- вой шкуре» в переводе Ш. Нуцубидзе.	83

См. на обороте.

5
МАЙ
1960

СРЕДИ КНИГ

С. МАРИНАШВИЛИ—Великому Лени-
ну — поэты Грузии; СЕРГИ ЧИЛАЯ —
Песни о мостах дружбы и мира; Г. БУХ-
НИКАШВИЛИ — Новая книга о К. А.
МАРДЖАНИШВИЛИ. 89—93

ДОКУМЕНТЫ, ПИСЬМА, ВОСПОМИНАНИЯ

Ш. СААКАДЗЕ. «Колокол» и Грузия. 94

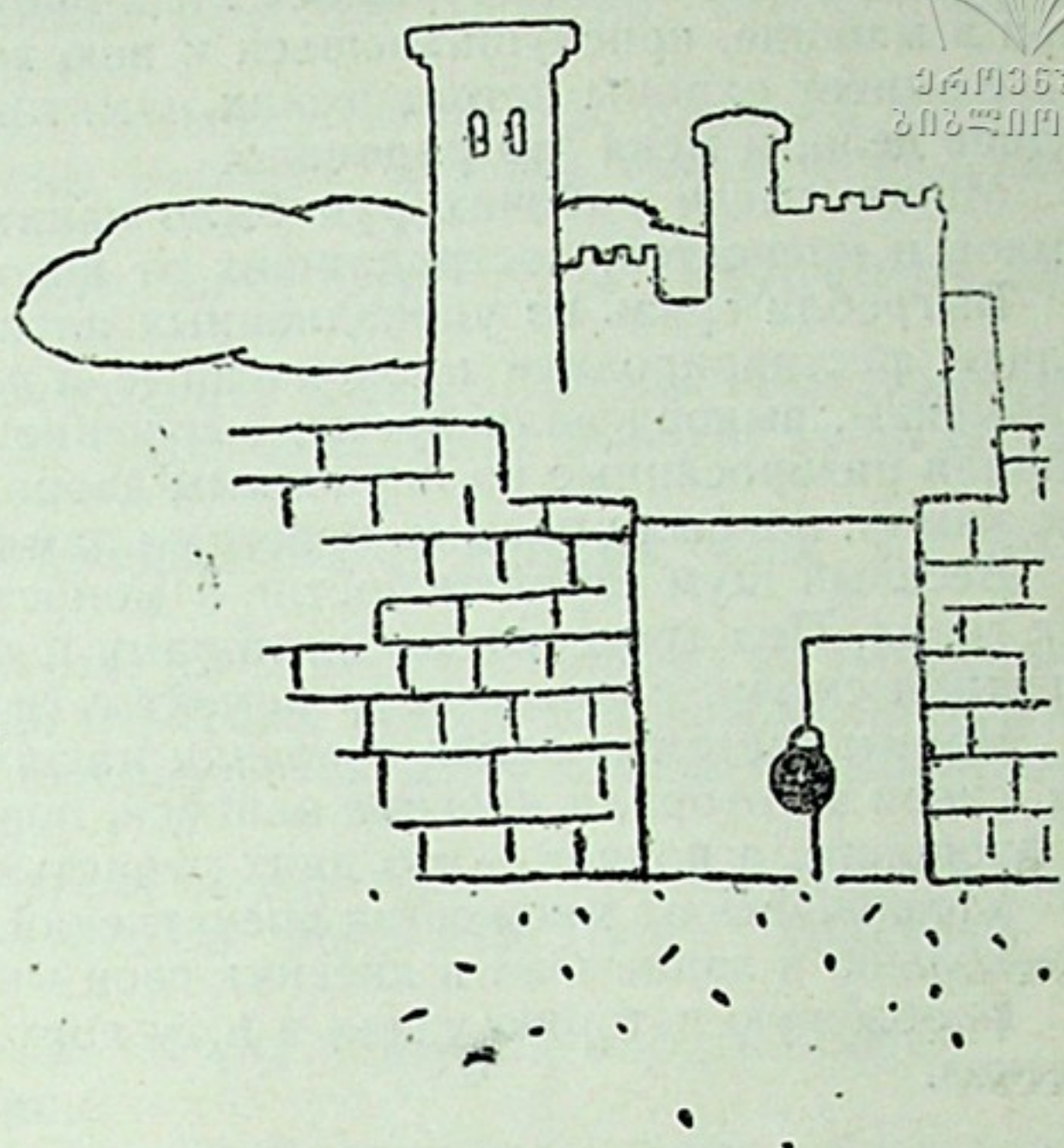
Редактор К. ЛОРДКИПАНИДЗЕ

Редакционная коллегия:

Э. АНАНИАШВИЛИ, М. ЗЛАТКИН, А. КУЗЬМИЧЕВ, А. КУТЕЛИЯ,
В. МАЧАВАРИАНИ, Э. ФЕЙГИН, Д. ШЕНГЕЛАЯ.

Ответственный секретарь М. ЗАВЕРИН.

Адрес редакции: Тбилиси, ул. Махарадзе, 14, тел. 3-87-88.

Константиноэ Гамсахурдиа

Слово о пятистах болнисцах

НОВЕЛЛА

Перевод с грузинского Л. Платоновой

1

Рис. 3. Церетели

В прошлом году отправились мы с моим другом Давидом на довольно старомодном «форде» в Болниси. Машина была донельзя облешая и разболтанная. Человек чванливый, верно, погнушался бы и сесть в нее.

В Тбилиси уже появились новые блестящие лимузины, и машинам старого типа оставалось только доживать последние дни на пыльных проселках да на крутых горных дорогах.

Старенький «форд» Комитета охраны исторических памятников был предназначен для разездов по районам. В то время шло восстановление памятников грузинской архитектуры, и мы на этой машине исколесили чуть ли не всю республику — побывали в Бедиа, Гелати, Кинцвиси, Цроми, Руиси, Атени, Уплисцихе, Тигва, Тири, Мцхета, Уджарма, Энисели, Цугругашени и Дманиси.

Давид руководил работами по реставрации памятников старины, я же знакомился с культурой древней Грузии. И притом в глубине души таилась надежда: может во время нашего путешествия что-нибудь новое откроет мне либо человек, либо камень, либо земля...

«Форд» сослужил нам большую службу, хотя, признаться, странствовать в нем было нелегко. В пути, бывало, то рессоры сломаются, то мотор засопит на подъемах, словно загнанная лошадь. Слезешь с машины, поднажмешь изо всех сил и с грехом пополам тащишь ее по грязи.

А в зимнюю ночь заберешься куда-нибудь в лесную глушь и, сидя до зари в машине, прислушиваешься к вою волков...

Комитет охраны исторических памятников делал большое и благородное дело, и меня это радовало.

Много тысяч рабочих рук было занято восстановлением храмов, замков и крепостей, пострадавших от вековых бурь.

Выгребли грязь из упраздненных алтарей, обновили старинные базилики, реставрировали прокопченные и затянутые паутиной фрески и орнаменты, выкорчевали кусты, выросшие на куполах и колокольнях, собрали разбросанные по церковным дворам узорные плиты и краеугольные камни, покрыли новыми навесами памятники древности.

Веселый шум стройки достиг и монастырей, затерянных в безлюдных горах. Под трехсотлетними липами и дубами раскладывали костры, кипятили смолу, размешивали цемент с гравием.

Новым светом засияли творения наших великих зодчих и живописцев, снова заговорили древние надписи, повествующие о славных деяниях прошлого, а подчас — и о днях ненастья.

Утомившись от множества впечатлений, я забирался куда-нибудь на колокольню и записывал в дневник свои мысли, наблюдения...

Необычную историю узнал я в ту пору. О ней сейчас и поведу свой рассказ.

2

У меня были тогда неотложные дела, но одно событие заставило меня бросить все и поехать с Давидом в Болниси.

Восстановление собора — памятника V столетия подходило к концу. Незадолго до этого Давид наказал прорабу Сумбату заранее сообщить нам, когда приступят к очистке могильника.

Нас известили, и мы тут же решили ехать. В пять часов утра пустились в путь, я даже не успел выспаться, так как проработал накануне всю ночь напролет.

Стояла осень. Наш «форд» трусил по яркой парче опавших листьев.

Глаз радовали отягощенные гроздьями виноградники, в листве алены румяные щечки персиков и яблок, с придорожных ореховых деревьев падали плоды.

Подстерегавшие нас на мостах мальчишки предлагали горячий хлеб и только что сваренную храмули¹.

Дорога утомила меня.

Сидя рядом с шофером, я дремал под монотонное дребезжание машины.

На заднем сидении горячо спорили Давид и инженер Автандил. Вернее, горячился один Давид, вообще человек мирный и незлобивый.

— Семь тонн извести... Сто пудов цемента... Шестьдесят кило гвоздей... Железа нет? Да что ты? Разве месяц тому назад не выдали нам три тысячи листов железа?.. Имей в виду, Автандил, если хоть один лист пропадет — и тебя сниму, и твоего Сумбата.

— Сумбат порядочный человек, — возражал Автандил...

Вскоре меня снова разбудил раздраженный голос Давида:

— Кто дал Шелегия право отдавать плиту с могилы епископа?

Автандил оправдывался: Сумбат, дескать, за три дня до того был в Тбилиси, но ничего не говорил про эту плиту.

Меня ничуть не интересовала история пропажи епископской плиты, и поэтому я продолжал дремать.

¹ Храмули — рыба, которая водится в реке Храми.

Сквозь сон я то и дело слышал фамилию Шелегия. Вдруг я опять вздрогнул от громкого разговора:

— Если эта плита прошлого столетия, тогда еще полбеды, но горе Шелегия, если она более древняя. Впрочем, и новые плиты нужны нам для строительства...

С грустью гляжу я на дорогу, по которой орды Тимур-Ленга двигались на Тбилиси.

«Полчища его были многочисленнее песка и листвы. Вооруженные рогатинами и клинками, на поле боя они неистовствовали, точно слоны хмельные.

Повозки их были укрыты крокодиловыми кожами, кони их были убраны шкурами тигров.

Не страшились они ни смерти, ни занесенного меча, ни пламени»¹.

За этими ордами следовали караваны верблюдов, навьюченные женами и детьми, позвякивали колокольцы, блеяли и мычали перегоняемые с места на место стада и отары...

Снова до слуха моего долетела беседа моих спутников. Теперь уже Давид и Автандил то и дело поминали какого-то Пашу. Усмехаясь, я обернулся к Давиду:

— Неужели в наши дни еще можно найти где-нибудь Пашу?

— Нет, это просто прозвище.

Машина остановилась возле ворот Болнисского храма, обнесенного новой оградой. Навстречу нам вышел старик с кинжалом у пояса.

— Здравствуй, Паша! — приветствовал его Давид.

— Дай бог тебе здоровья! — послышалось в ответ.

Почему-то я представлял себе Пашу крупным мужчиной. Перед нами же стоял тщедушный, сухонький старичок. Островерхая папаха из цельной овечьей шкуры венцом возвышалась над торчащими в стороны ушами. У него были черные усы (скорее всего крашеные) и борода, серая, как волчья шерсть. На боку у него болтался пастуший кинжал, до того длинный, что доставал до самых колен.

В церковном дворе было шумно. На тачках возили землю.

Двор, некогда бывший кладбищем, уже почти очистили, снятые с могил плиты сложили тут же.

Болнисский храм за пятнадцать веков, естественно, значительно осел, и, вдобавок, корпус здания снаружи был облеплен толстым слоем пыли и земли.

Сейчас заново возвели поврежденные пожарами стены, перекрыли крышу. Леса уже были сняты.

Закончив внутренний осмотр храма, мы с Давидом обошли церковь вокруг: вдруг, думаем, наткнемся на какую-нибудь неизвестную надпись.

У восточного фасада, возле маленькой, ведущей в подземелье лестнички, Давид остановился и спросил прораба:

— Могильник еще не вскрывали, Сумбат?

И успокоился, услышав в ответ «нет».

Давид занялся подсчетом необходимого лесоматериала, а я тем временем направился к сваленным вместе могильным плитам.

Меня всегда занимало чтение полустертых надписей на камнях, трогало наивное чистосердечие простого люда.

Тут были грубо обтесанные глыбы, одни зеленоватые, другие серые, третьи — цвета ржавой кольчуги. Они были сняты с могил дворян, офицеров, купцов, епископов, священников. Почти все относились к прошлому столетию, некоторые — к нашему.

Сильнее всего удручают меня обычно камни на детских могилах.

¹ Из хроники Тимур-Ленга.

Сидел я на одном из них и разбирал рифмованную надпись. Давид. С ним были Паша и мужчина в тушинской шапочке.

— Вот и наш Шелегия, — сказал мне Давид.

Рассматривая камни, он невольно вспомнил про ту плиту, которую Шелегия, оказывается, подарил вдове из Самцвериси. И настойчиво потребовал:

— Сейчас же принесите сюда ту плиту.

Паша усмехнулся:

— Три пары буйволов едва увезли камень, как же теперь так скоро доставить его обратно?

Решили: самим отправиться в Самцвериси и осмотреть плиту.

Проходя мимо Болнисского сельсовета, Давид вспомнил:

— Да-а, ведь у меня дело к председателю.

В сельсовете никого не оказалось. Но хромой сторож успокоил нас: скоро, мол, придут.

За стол, накрытый красной материей, сели Давид, Автандил, Сумбат, Шелегия и я. Паша остался у дверей.

Давид опять стал читать наставления Автандилу.

— К каждой мелочи надо относиться со вниманием, товарищ Шелегия. Потому что из мелочей складывается большое. Ты же видишь, сколько миллионов рублей затрачено государством на восстановление наших памятников? Каждый камень, каждый гвоздь, каждую горсточку извести следует беречь. А ты огромную каменную плиту подарил!..

Выслушивая эти упреки, Шелегия залился краской, но проглотил обиду, весь побагровел и смолчал... Никогда я не видел, чтобы пожилой мужчина так краснел.

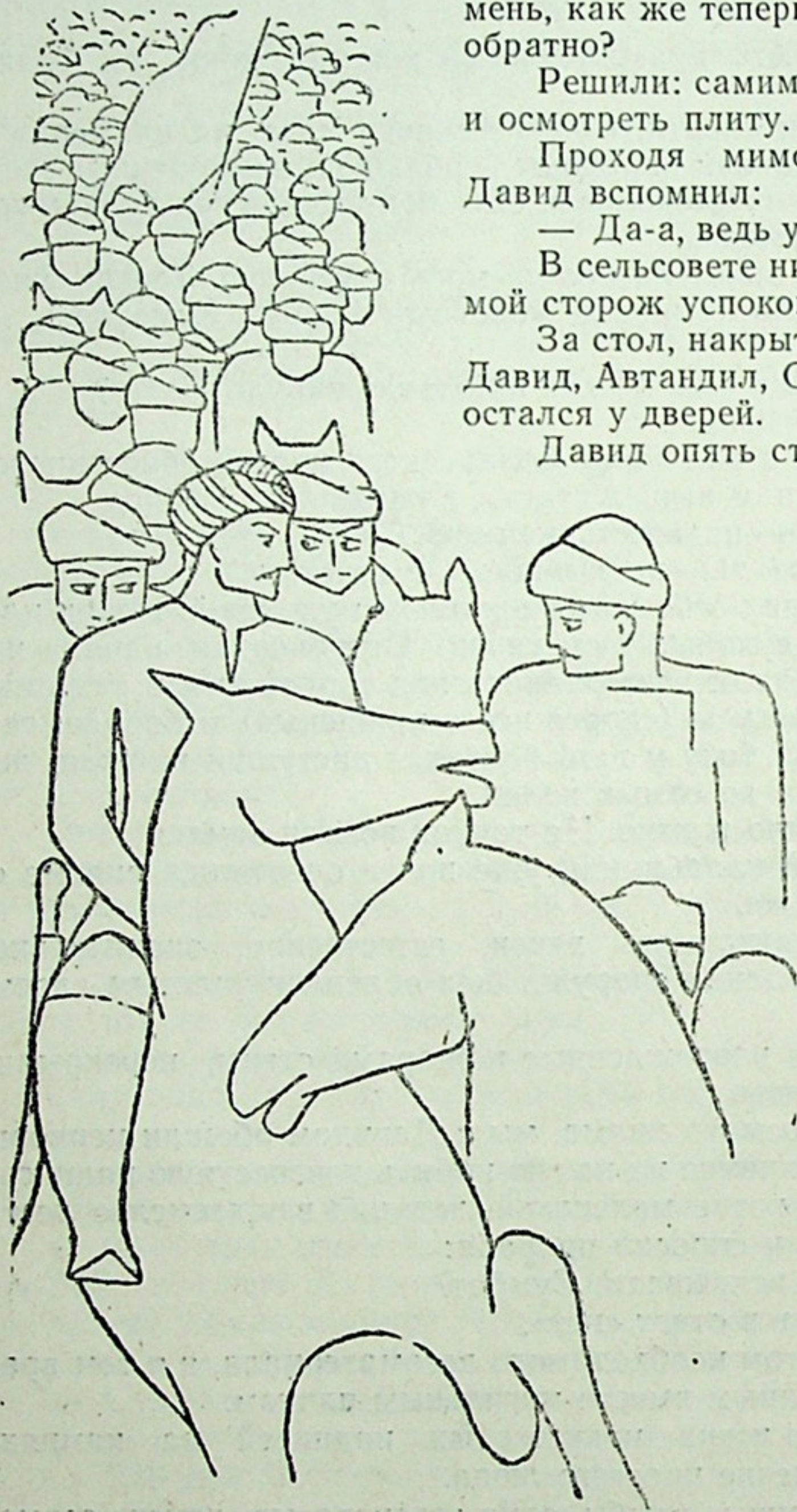
— Ты же передовой человек, товарищ Шелегия, — ласковым тоном сказал ему Давид, заметив, что тот обиделся.

Шелегия поднял голову и пробормотал:

— Это был, товарищ Давид, камень с могилы епископа. Сумбат читал надпись, — вот я и не перечил.

Сумбат подтвердил его слова: в надписи сказано, что епископ умер в 1843 году.

— Дорогой товарищ, ты меня не понял, мы оплакиваем вовсе не

Подожел
24135730
3032010333

епископа, а камень. И тратим деньги на восстановление церкви потому, что это памятники культуры.

— Кроме того, — оправдывался Шелегия, — эта глыба лежала за воротами Болнисского храма, так какое же право я имел не выдать? Тем более, у вдовы колхозника землетрясением разрушило дом.

Подошедший председатель сельсовета также подтвердил сказанное.

Давида эти доводы немного смягчили, но, уладив дело с председателем, он все-таки повел нас в Самцвериси.

3

Впятером налегли мы на плиту, но она не двигалась с места.

Давид настаивал: нужно во что бы то ни стало перевернуть плиту, возможно, на обратной стороне скрывается какая-нибудь любопытная надпись.

Мы позвали на помощь несколько колхозников и с трудом перевернули плиту.

Совершенно неожиданную надпись прочитали мы на ней:

«Сего: 88 хроникона: был год царствования восьмой, круговращение солнца — двадцатое, круговращение луны — одиннадцатое.

Проклятый богом Ланг-Тимур Самаркандский полонил Картли и Армению и сжег все крепости и храмы».

В этом месте камень дал трещину и двух рядов букв в надписи не доставало.

«...Когда царь царей Баграт и сын его Георгий на берегу Бердуджи истребили двенадцать тысяч тимуровых ратников, Ланг-Тимур грабил Карабах. Разъяренный, переправился он через Лоре.

Тогда пятьсот болнисцев сразились с войском тимуровым в Поладаурском ущелье.

Уничтожили они немало врагов, но отступили грузины, ибо силы вражьи были несметны, и укрепились они в Болниси. Осадили крепость воины тимуровы.

Три недели продержались болнисцы. Взломали татары ворота. Отрубили головы пятистам отважным и бросили их перед алтарем.

Я же, недостойный, юродивый Лачиа, милостью Христовой, звонарь Болнисский, с помощью таких же обездоленных, как и сам, собрал все пятьсот...»

После этого несколько слов было стерто. В самом низу было выведено:

«Горе тому, кто доживет до столь черных дней!»

Мы послали за буйволами: плиту надо было отвезти в Болниси, но оказалось, что она высечена из глинистого сланца. И без того во многих местах потрескавшаяся, при погрузке на арбу плита выскользнула у нас из рук (придавив Паше правую руку) и, выветренная вихрями многих столетий, рассыпалась в прах.

Давид, огорченный, молчал. Хорошо еще, что я успел точно скопировать надпись, — только это нас и утешало.

4

Нас очень взволновало событие, дошедшее до нас благодаря звонарю Лачиа. Мы заново обшарили весь двор, потому что в надписи не говорилось, где он зарыл головы пятисот доблестных воинов.

Долго искали мы и в самой церкви.

Решили в тот же день вскрыть могильную камеру.

«Камера» — технический термин, на самом же деле это довольно обширное подземелье, которое помещается под Болнисским храмом.

Вооружившись кирками, Шелегия, Сумбат и Паша возглавили ше-

ствии. Паша захватил с собой еловые лучины. Мы зажгли факелы и спустились в подземелье.

На нас тотчас пахнуло затхлостью, и раздался такой писк, что мы невольно вздрогнули.

Я посмотрел наверх.

При тусклом мерцании факелов мне почудилось, будто под потолком развеваются черные бурки. Слышалось трепыханье крыльев, шипение, писк, напоминавший крысиный.

Мы подняли факелы, и на нас двинулся легион летучих мышей. Со страшным шумом носились они под потолком, вспугнутые светом факелов, натываясь на двери; вылететь всем вместе им не удавалось, и, с размаху шлепаясь у порога, они пронзительно пищали и барахтались в пыли.

Паша сновал из угла в угол, светил факелом и гонял летучих мышей.

Все новые и новые стаи устремлялись к выходу и падали у порога, беспомощно барахтаясь. Охваченные ужасом, они бросались во мрак, как несметные полчища самого Тимур-Ленга.

Распугав летучих мышей, Паша стал выносить ржавые кадила, прокопченные образа, истлевшие нарамники и епитрахили, человеческие кости и деревянные кресты.

Мы тоже с факелами в руках исходили все подземелье вдоль и поперек, увязая по колено в пыли. Но нигде не было и следа могилы.

Пол был устлан каменными плитами, однако было сомнительно, чтобы болнисцев погребли под полом могильной камеры.

Давид высказал предположение, что головы, вероятно, спрятали в самом храме. Возможно, их и не зарыли, а сохранили где-нибудь как святые мощи.

На внешней стороне церкви мы нашли углубление, величиной как раз с рассыпавшуюся Самцверисскую плиту — 3×2. Видимо, когда-то она была вставлена в стену. И если болнисцев похоронили в церкви, на их могилах непременно должна быть та самая надпись, которую оставил звонарь Лачиа.

Но и в этом месте мы не обнаружили ровно ничего.

Удрученный Давид отдал распоряжение тщательно вымести могильную камеру. Он поручил сделать это Шелегия и Сумбату, меня же и Автандила взял с собой в Цугругашени, где нам предстояло переночевать.

Подойдя на другой день к Болнисскому храму, мы нашли ворота

запертыми. День был выходной, и мы знали, что работы не ведутся. Давид тем не менее все же спросил у переминавшегося с ноги на ногу сторожа:

— Во дворе никого нет, Паша?

Тот почему-то смутился:

— Шелегия вошел туда прошлой ночью и с тех пор не выходил.

Не утаил Паша и того, что Шелегия привел с собой на церковный двор Сумбата и троих колхозников. А сторожу приказал и самому не входить в храм и других не впускать.

Давид рассердился на Пашу:

— Я же тебе велел никого постороннего в церковь не пускать!

Пашу кольнуло это замечание, но он промолчал.

— Отопри! — приказал Давид.

Паша выхватил кинжал, стукнул им по щеколде и впустил нас во двор храма.

— Этот Шелегия что-то слишком своевольничает последнее время, сегодня же его сниму, — тихо сказал мне Давид.

Я, грешным делом, высказал предположение: наверное, Шелегия и Сумбат кутят с приятелями в храме.

Автандил был удивлен, он утверждал, что ни Сумбат, ни Шелегия вина не пьют. Так чем же еще могут они там заниматься столько времени?

Паша догнал меня и шепнул: «А может, Шелегия с Сумбатом тайком распродают плиты?» — но попросил, однако, Давиду об этом пока не говорить.

Я тоже заподозрил неладное, тем более, что никого из них хорошо не знал.

Мы снова обошли вокруг храма, спустились в могильную камеру.

Здесь царила мертвая тишина. Последние летучие мыши водили хоровод по подземелью. Пол Шелегия с Сумбатом выскребли дочиста.

Когда мы вышли во двор, Давид сказал мне:

— Не найти могилу пятисот болнисцев — для меня это нож острый.

Мне хотелось успокоить его, и я ответил:

— Наверное, когда-нибудь археологи при раскопках обнаружат погребение. И, кроме того, твое предположение, что героев в те времена могли причислить к лику святых и вовсе не закапывать в землю, вполне вероятно.

Было ясное утро. Если бы не желтая листва, навевавшая на меня легкую грусть, то можно было подумать, что стоит май — месяц роз. Необычная тишина, царившая вокруг, успокаивала душу.

Давид спешил в Тбилиси, я же с большим удовольствием остался бы еще на день где-нибудь поблизости от этого пращура наших замечательных древностей, потягивая болнисское и заедая его одним хлебом.

— Куда запропалились Шелегия с Сумбатом? — удивлялся Давид.

Недоумевал и Паша.

Но вот, миновав груды могильных плит, мы услышали негромкие голоса. У восточного края ограды, поджав под себя ноги, сидело человек пять.

Один-единственный кувшин с длинным горлышком стоял перед ними, в руках у каждого был стакан, но беседовали они далеко не так весело, как это бывает у собутыльников во время попойки.

Прежде всего мы узнали седую голову Шелегия.

— Ага, значит Шелегия превратил наш многострадальный храм в духанчик, — проговорил Автандил.

...Странное зрелище явилось нашим глазам: на одном конце длинной ямы выстроилось в ряд множество черепов, на другом — сидели те, кого мы искали.

Как только мы приблизились, Шелегия вскочил. Он, как и остальные, был весь в поту, с красными после бессонной ночи глазами.

— Мы ждали вас, а то бы похоронили их еще рано утром, — сказал Шелегия, показывая глазами на сложенные по ту сторону могилы черепа.

Я тотчас догадался, что это и были головы тех самых пятисот болнисцев, которых оплакивал звонарь Лачиа.

Представьте себе, оказывается, Шелегия с Сумбатом наткнулись на них в пыли могильной камеры, позвали на помощь трех колхозников, работали всю ночь, а на рассвете начали копать могилу.

В могильных камерах монастырей Рима, Флоренции, Равенны видел я головы и скелеты святых и монахов. Их тщательно складывали искусные монашеские руки, чтобы выманить у заезжего иностранца лиру-другую.

Здесь было не то. Шелегия пригласил нас на эту необычную тризну, наполнив стаканы болнисским вином...

Налив себе, он окунул в вино кусочек хлеба и проговорил:

— Вы сами видите, что произошло. Я говорить не мастер, так скажите хоть вы что-нибудь хорошее — ведь никто еще не пил за упокой души этих пятисот отважных.

Все безмолствовали, и Давид заставил меня нарушить молчание.

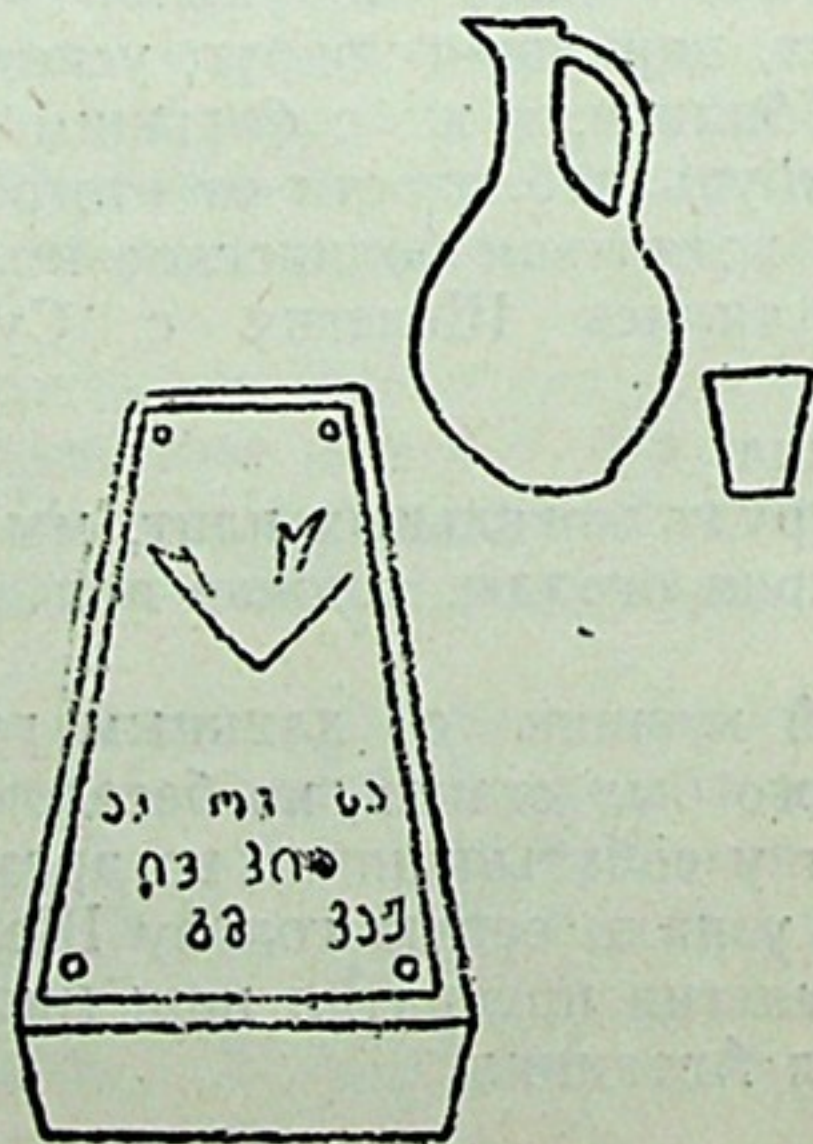
Я тоже не из красноречивых ораторов и едва-едва сумел связать несколько слов:

— Видите, братья, как преходяще всякое земное величие. Невечны ни наслаждение, ни слава, ни любовь, ибо все исчезает, стоит только человеку, их испытавшему, завершить свой жизненный путь.

Только геройство вечно! Ибо истинный героизм чаще всего бывает безымянным и продолжает воздействовать на потомков даже тогда, когда свершивший подвиг об этом уже не узнает.

Так выпьем же, братья, за упокой души тех, кто и пять столетий спустя учит нас самопожертвованию во имя Отчизны.

Произнеся эти слова, я обмакнул кусочек хлеба в вино и отпил немного за вечную память безымянных героев...

Тициан Табидзе

„ნართლის ცხოვრება“

Вступление к поэме

Перевод с грузинского П. Антокольского

Говорят, что раз в сто лет колышет
Небо языки такого пламени.
То не старец-летописец пишет,
То моя бессонница сожгла меня.

С каждым, кто себя назвал поэтом,
Только раз такое приключается.
Черноморье спит. Под легким ветром
Зыбь трепещет, парусник качается.

Пароход «Ильич» причалил к Сочи,
Словно Арго, воскрешенный заново, —
В золотом колодце южной ночи
Дивный след преданья перевозданного.

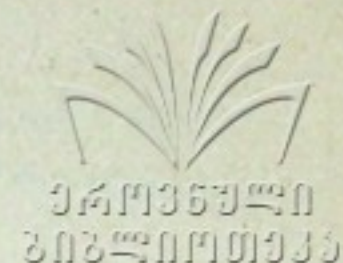
И сладка мне, так сладка навеки,
Как ребенку ласка материнская,
Соль морская, режущая веки,
Ширь твоя, прародина эвксинская!

Родина, к твоей ли колыбели
Приближаюсь, за былым ли следую,
Человек я или кахабери,
Сросшийся корнями с почвой этою, —

Кем бы ни был, но мечте покорный,
Напишу поэму бедствий родины.
Что мне жизнь! Пускай лавиной горной
Сметены пути, что раньше пройдены!

Словно речь Овидия Назона
О себе самом или о римлянах,

Речь моя, — пускай в ней мало звона, —
О путях забытых и задымленных.

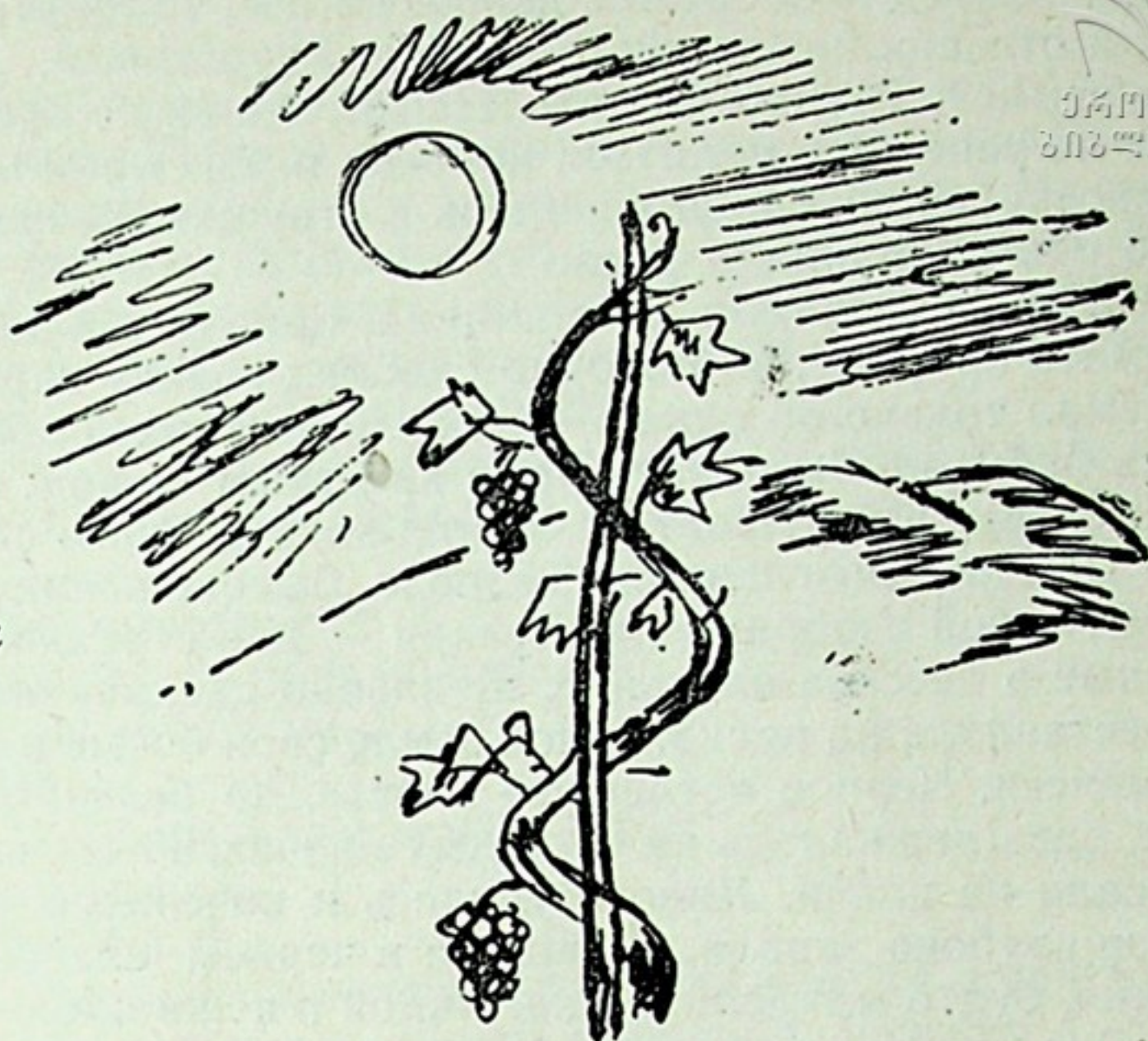
Часто их меняли. Так меняют
Лед на лбу страдальца госпитального.
Правнуки и ныне вспоминают
Пропасти у перевала дальнего.

В пламени небесные ворота.
Брошен якорь у высокой пристани.
Мне приснился белый сон народа, —
Снег Эльбруса, еле видный издали.

1926

Ростом Бежанишвили

Хроника одной деревни

Перевод с грузинского Ф. Твалтвадзе

Боюсь довериться тебе,
• И не довериться мне страшно.
ВАЖА ПШАВЕЛА.

Часть первая

Землетрясение

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Рис. 3. Нижарадзе

Село замерло в мареве июньского зноя. Ошалевший от жары буйвол до половины погрузился в лужу и длинным, острым, как кинжал, языком облизывал загорбелые шершавые губы.

Тяжелый, раскаленный полдень стоял над селом. Крестьяне, спозаранку намаявшись в поле, теперь расположились на отдых в густой тени орехового дерева. Одни доедали свой скудный обед, другие спали, широко раскинув руки на земле.

Белевшая вдалеке большая проезжая дорога была пустынна. Даже нищие не появлялись на ней, давно покинули они эти забытые богом места и ушли в поисках хлеба куда глаза глядят. Даже лудильщики не появлялись на здешних тропах, словно вылудили за собой свои следы. Затихли детские игры, не слышен гомон и смех сельских ребят. Тишина.

Только изредка забрешет дворовый пес, то ли стряхивая с себя дремоту, то ли отгоняя назойливого слепня. Удушливый, давящий зной плывет над землей. Трудно дышать. На высохших до срока нивах трепещут легкие, не успевшие налиться колосья и рассыпаются пылью от малейшего прикосновения. Трава завилась в стружки, речушка высохла и, как старую рану, обнажила русло.

Засуха скрутила крестьянина, пригнула к земле. Извечно полагаясь на мать-природу, он покорно склонял голову перед страшным бедствием и думал только об одном — как умиловать бога. Со всего села собрались бабы, чтобы обойти поля крестным ходом. Может внемлет Илья-громовержец и пошлет на землю хоть немного спасительной влаги.

Шествие возглавляла Теброле. Высоко вскинув сухие руки, она несла перед собой изображение Лазаря — две деревяшки крест-накрест, облаченные в детское платьице. Медленно раскачиваясь, Теброле осторожно переставляла на раскаленной земле свои босые ноги, узловатые и потрескавшиеся. Черное истлевшее платье, до белизны выгоревшее на лопатках, едва держалось на ее худых плечах. Растрепанные волосы космами свисали на плечи. Лицо осунулось и почернело, как у древней старухи, глаза глубоко запади. Женщина в черном шла по широкому полю и бережно, будто младенца, с надеждой и нежностью во взгляде несла Лазаря. Она хотела жить и готова была идти так до самого господа бога, а если откажут ноги, ползти ползком — только бы спасти свой очаг, не дать вымереть семье от засухи и голода.

Следом за Теброле шло шестеро босых баб, в лохмотьях, перекинув через плечо пустые котомки. Бабы умоляли Илью-пророка и Лазаря о милости. Поднявшись по взгорью и поравнявшись с крайним домом, одна из баб, низенькая толстушка, запела тоненьким высоким голосом:

Лазарь подошел к порогу, Лазарь-господин!
И глаза твои открыты, Лазарь-господин!

Усталыми, надтреснутыми голосами подхватили остальные, и понеслась песня в душном воздухе, как заупокойный стон:

Решето катилось в гору, Лазарь-господин!
Дождь усилился в ту пору, Лазарь-господин!
Свежим дождичком смочи нас, Лазарь-господин!
Дождичком жемчужным, Лазарь-господин!

Из окна дома выглянула хозяйка. Увидев шествие, она вынесла глиняный кувшин и стала окроплять водой сначала изображение Лазаря, затем Теброле, а за нею остальных баб, приговаривая:

— Да помилует нас бог, да поможет нам крестный ход с Лазарем! Пропадаем от засухи, совсем пропадаем!

Бабам давно хотелось почесать языки, и они совсем уже было собрались присесть у порога, но Теброле заторопилась дальше и потянула за собой всех моельщиц.

«Лазаря славить вышли!» — неслась весть со двора во двор, и все сельчане были готовы встретить крестный ход согласно обычаю: поливать водой моельщиц, давать им съестного на дорогу.

Всюду зашумели:

— С Лазарем идут!

— Гляди-ка, кто Лазаря несет?

— Теброле, наша Теброле!

— Жена Харебы идет!

— Пошли ей, господи, всякой радости, нашей труженице!

— Молись, молись, Тебро! Дождичек призови, а лечаки¹ к рождеству за мной будет!

Но Теброле будто и не слышала этих криков, медленно и торжественно несла она изображение Лазаря. Женщины и дети бегут навстречу с кувшинами, поливают водой Лазаря и молельщиц, а котомки за плечами у баб наполняются снедью: яйцами, мукой, сухими лепешками. Несут последнее — кто что может, молят: смилуйся, святой Лазарь, услышь наши молитвы и пошли на измученную землю благодатный дождь, спаси детей своих от неминуемой гибели!

На улицу высыпали дети, скачут на хилых ножках, лица у всех голодные, обескровленные. Подражая взрослым, они серьезно толкуют между собой:

- Разве речка может высохнуть?
- Петушок закричал: скоро дождь пойдет!
- Все перемрем, если дождя не будет.
- А ребят волки поедят...
- Глянь, глянь, за Теброле наши мамки идут!
- Замолчи ты, а то как дам...
- Сам получишь! Вот тебе!..

Вспыхнула драка. Старшие понадавали подзатыльников драчунам. Они похныкали, но тут же успокоились и принялись за старое:

- Папка сказал: скоро дождь пойдет...
- А детей волки поедят...

Крестный ход обошел все село Вардиани, все его околицы — Волчью пасть, Бездетный, Бездымный. Наконец, молельщицы вошли в последний двор, вытащили плуг, сами впряглись в ярмо и поволокли плуг вдоль села по горячей под ногами, затвердевшей земле. Песнопения и стоны ползли по селу, хватали за сердце, нагоняя тоску и страх.

Крестьяне почтительно обнажали головы, опускались на колени, осеняли себя крестным знаменем, скупые слезы на их морщинистых лицах смешивались с каплями пота, и потрескавшиеся губы шептали:

— Господи, спаси нас, горемычных, не дай погибнуть! Пресвятая богородица, покровительница и заступница наша, помоги!

- Ороси землю нашу, всевышний!
- Ничего не пожалеем...

Было уже за полдень, когда Теброле вернулась домой. От ходьбы по селу и полям ныли ноги, подгибались колени. Женщина села под тутовое дерево во дворе, развязала платок, подставила теплому ветру лицо и вспотевшую шею.

Долго не двигалась она с места, беспокойные мысли роились в голове, точно пчелы. Во всем теле чувствовалась страшная слабость. Никогда раньше этого не случалось. Целыми днями, бывало, работала она, как мужчина, и никогда не чувствовала такой слабости в коленях. И вдруг все сразу навалилось: и эти мрачные мысли, пиявками присосавшиеся к сердцу, и необычайная слабость...

Теброле не знала покоя ни днем, ни ночью. Все силы отдавала она детям. Только для них жила и трудилась. И крестный ход с Лазарем затеяла, чтобы спасти своих детей от голодной смерти.

Тяжелая доля досталась Теброле. Жизнь смотрела на нее голодной волчицей: стоило ей проявить слабость, и всему придет конец. Поэтому Теброле всегда была собрана, напряжена.

Тико, маленькая дочурка Теброле, увидев мать, запищала, как утенок, и ухватила за подол материнского платья.

¹ Лечаки — часть грузинского женского головного убора.

— Мама, мамочка, есть хочу!
— Сейчас, дочка, сейчас, родная!

Теброле зашла в кухню, замесила в глиняной миске кумели¹. По кормила дочь, сама чуть закусила. И завертелась веретеном: двор подмела, поставила свинье корм, прибрала в доме. Задержавшись у окна, погляделась в стекло, заменявшее зеркало, поправила прядку волос, повисшую вдоль щеки, и слабо улыбнулась своему отражению. Взялась за пряжу. С веретеном и шерстью в руках уселась на пороге дома. Тонкими, цепкими пальцами завела веретено. Жужжит веретено, глаза неотрывно следят за шерстью, что растягивается и вьется нитью, а мысли улетели далеко. Тико молча смотрит на мать... Она тоже вынесла нитку, намотала на щепку и силится закрутить ее, как мать веретено. На носу даже капельки пота выступили, но ничего не получается. Тико никак не может понять, почему щепка не крутится и не жужжит.

Солнце склонилось к закату, зашелестели на деревьях листья, потянуло прохладой. К плетню подошла соседка:

— Ты дома, Теброле, — громко спросила она.

— Дома. Поди сюда, Пело...

Пело лениво подошла. Но лицо ее светится улыбкой, хитро прищуренные глаза блестят. Что могло так обрадовать ее? Пело опустилась рядом с Теброле.

— Олю я сейчас повстречала, — начала она, — какая стряслась история с их снохой, ужас!

— Какая же? — с любопытством спросила Теброле.

— Умора прямо! К ним в гости пожаловал родственник, ее двоюродный брат. Сноха дома одна была. Ну и решила зарезать курицу, угостить дорогого гостя обедом. Зарезала, ошипала и сварила. Глядь, а вареная-то курица раздулась, как бурдюк, и стала на индюшку похожа. Сноха рада: все наедятся. Подали на стол. А курица как зашипит и вдруг — трах! — и лопнула! Внутренности-то она вынуть забыла, хи-хи...

— Да что ты? — удивилась Теброле.

— Да, да. Так и было!

Немного помолчали. Потом Пело начала вспоминать, когда, кого и как она угощала, что подавала на стол, чем поила гостей. С удивительной, чисто крестьянской точностью, восстанавливала она в памяти, когда зарезала цыпленка или несушку, индюшонка или индейку... Так же точно помнила она, чем ее угощали в гостях... Вдруг Пело прикрыла рукой рот и захихикала. Теброле вопросительно посмотрела на нее, но ни слова не промолвила, зная, что Пело уже не сможет удержаться. И действительно:

— Слышала? — нетерпеливо спросила Пело. — Луа, сын Шамше, недавно женился! А жена-то оказалась чужой невестой, уже обрученной вдобавок. А когда его спросили, что же, мол, ты, такой верзила и не разобрался, кого в жены взял, он ответил: а кто ее разберет — она пищала, как котенок, и все тут. — И немного помолчав, Пело добавила: — Да я и сама рада бы так попищать, если бы это помогло выйти замуж.

— Замолчи ты, бесстыдница, — осадил ее Теброле, — отрезать бы твой язык да собакам выбросить.

— Ну, конечно, тебе легко говорить, — захныкала Пело, — у тебя, милая, есть муженек...

— Цыц, тебе говорят! — Теброле гневно взглянула на соседку и

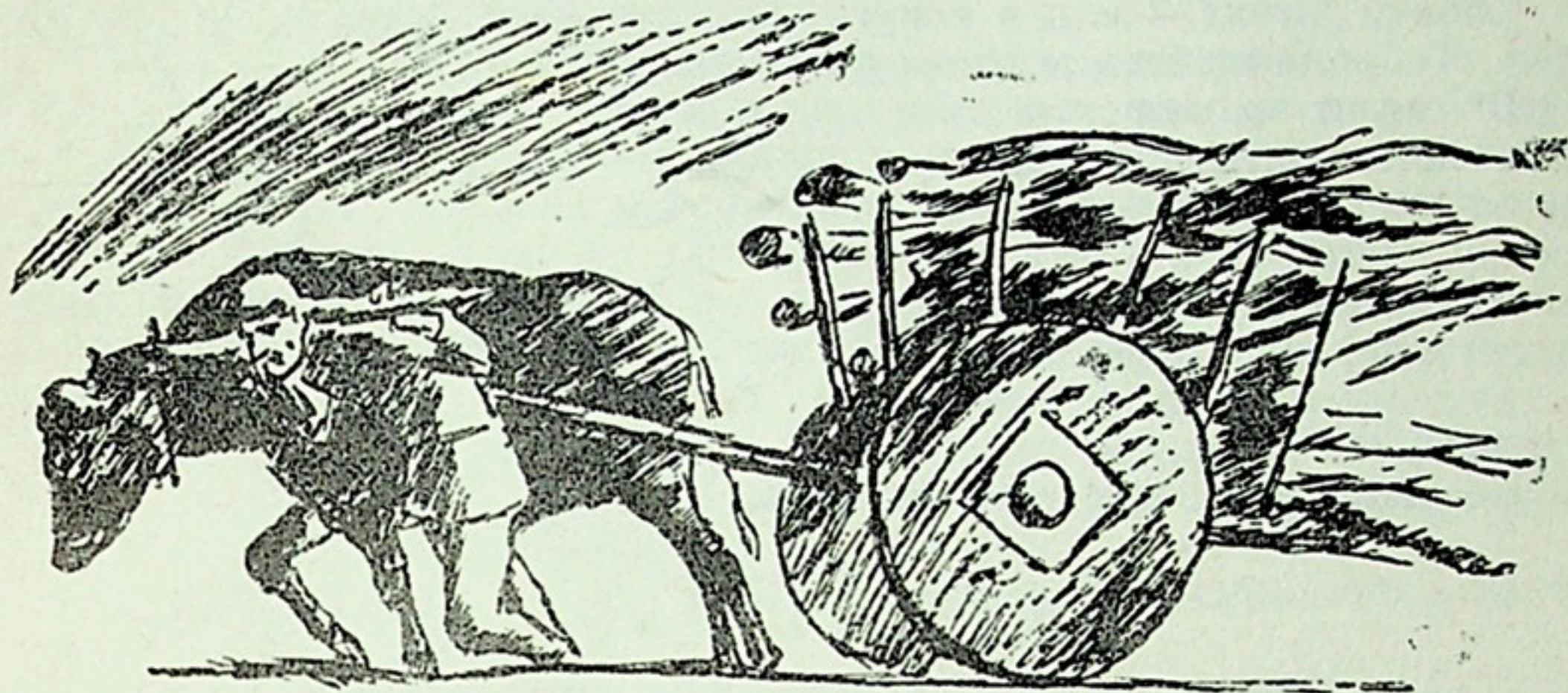
¹ Кумели — поджаренная мука, замешанная на воде.

сплюнула. — Будь у тебя муж, не стала бы так языком трепать. Муж, он прежде всего отец детей и глава семьи. А ты... Тьфу, чтоб ты лопнула!

Пело надулась и замолчала, словно в рот воды набрала. Но Тебрولة никак не могла успокоиться и все продолжала ворчать. Пело в оправдание бормотала что-то. Наконец, между ними водворился мир, веретена закрутились быстрее.

Кто-то подошел к изгороди:

- Тебрولة! — слышится в сумерках.
- Чего тебе? — отзывается Тебрولة.
- Ты когда хлеб пекла?
- Вчера.

— Дай мне займы два хлебца, ребята не хотят черствый есть...

Тебрولة поднялась, прошла в марани¹, посмотрела на сложенные на полке хлебцы — шоти-пури², выбрала самые пухлые и пропеченные, вынесла соседке.

— Испеку свежие, верну!

Соседка ушла.

— Чтоб ты провалилась, — проворчала Пело. — Видали? Ее дети черствый хлеб не могут есть! Подавятся! Подумать только, какие нынче все стали!

— А тебе-то что, ведь не твой хлеб? — отозвалась Тебрولة.

— Еще чего недоставало! Такой ведьме не то что хлеба, камня бы не дала. Угля — и то пожалеет для соседки...

— А мне она никогда ни в чем не отказывает.

— Не знаю, чем ты ей угодила, а меня она даже не замечает — ростом, видно, не вышла.

— Язык у тебя едкий, вот что... Все укусить стараешься.

— Пусть меня не задевают, и я не укушу.

— Вечно тебе что-то чудится, Пело. Сама не знаешь, на что злишься. Не приведи, господь, связаться с бабой, если она не замужем.

— Ну и что же, справедливо это по-твоему? Чем я хуже других?

Слушая ее, Тебрولة развеселилась, стала поддразнивать. А Пело трещала без умолку:

— Где же справедливость? У одних всего много — обуви, одежды, еды всякой, и еще муж есть. А у меня ничего нет. Ниток вот немно-

¹ Марани — кладовая для хранения вина и продуктов.

² Шоти-пури — удлиненные пшеничные хлебцы.

го наряде, продам — тем только и живу. Чем я провинилась перед господом-богом, что не дал он мне друга, который хоть воды бы мог мне подать?

— Хорошо, что не дал, ты бы этого друга все равно со свету сжила.

— Ну-ка скажи, кого это я со свету сжила? А?

Ссора грозит вспыхнуть, как лесной пожар. Но вдруг Пело вскакивает — упал клубок шерсти и покатился по двору. Собака ткнула его мордой и загнала в кусты. Пело, охая, погналась за клубком, покраснелась вся, запуталась в ветвях. Она тянет нитку, по ней находит, где клубок, и лезет за ним в кусты; собака не отстает от нее, тянет за подол юбки.

— Убирайся ты! — замахивается на нее Пело.

Собака рычит. Пело в испуге опять роняет клубок, он катится прочь. Тебрале видит все это и украдкой улыбается...

Время от времени она смотрит на дорогу — не идет ли муж, Хареба. А Пело, опять устроившись у порога, сообщает новую сплетню. Ими она начинена до отказа. Тебрале не совсем довольна, но не прерывает соседку. Чего греха таить, она ведь тоже не прочь почесать язык.

Крутятся веретена. Наступает вечер. Зашелестел ветер в листве тутового дерева. С надеждой забились сердца женщин, внимательно смотрят они на небо — может быть где-нибудь у горизонта появилось облачко.

Но небо чисто, как душа ребенка.

2

Хареба пришел на свой виноградник еще на рассвете и остался здесь дотемна. Он любил работать, и горе тому, кого он брал к себе в помощники: никто не мог поспеть за ним, каждого изматывал он своей ненасытной жадностью к работе.

Ему перевалило за шестьдесят, но вихор надо лбом торчал у него так же упрямо, как и в юности. Среди односельчан Хареба слыл умным человеком, и они охотно делились с ним своими радостями и горем.

Наработавшись вволю, Хареба решил, наконец, отдохнуть. Рядом с ним присели Баса и Киндзигапо.

Баса, худой, невысокий мужик, часто, по-беличьи, моргал глазами и подергивал плечом. И еще была у него привычка — отводить взгляд от собеседника, словно он в чем-то виноват.

Все трое долго молчали. Потом Баса, тяжело вздохнув, прервал молчание.

— Вот проклятье! — воскликнул он. — Нет и нет дождя, что ты поделаешь! Сил больше нет терпеть...

Голос Баса вывел Харебу из оцепенения.

— А я вот иногда почему-то зябну, — сказал Хареба. — Так холодно мне становится, как в могиле, — он говорил низким хрипловатым басом.

— Это от земли, — пояснил Баса. — Хоть и засуха, а в тени все равно сыро и прохладно.

— Совсем эта засуха погубит нас, — проговорил Киндзигапо, замахиваясь на прыгавшую подле него жабу.

— Сегодня бабы Лазаря славили. Может, смилуются святые над нами, услышат молитвы наши... — сказал Хареба. — Что вы носы повесили? Перетерпим! — сурово заключил он.

— Вчера я в Сигнахи ходил, — начал Баса, — и слышал там от знакомого духанщика, будто один городской человек хранит у себя

железную штуку: нажмет пальцем, и штука эта покажет, чему быть: ведру иль непогоде...

— А при тебе он не нажимал? — насмешливо спросил его Киндзигапо.

— Духанщик сказал, что дня через два дождя надо ждать, невозмутимо продолжал Баса.

— Ну и заврался ты! — засмеялся Киндзигапо.

— Кто? Я? — Баса стал горячо клясться, что все это правда.

Хареба что-то хмыкнул про себя, расправил плечи, сел поудобнее и, потрепав свой вихор, скосил глаза на Баса.

— Что ж, может, и вправду дня через два пойдет дождичек нам на радость. Поверим ему, а? — сказал Хареба, и его крепкие зубы блеснули в насмешливой улыбке.

При этих словах Баса вдруг съежился и отодвинулся от Харебы, словно побаиваясь его, а Киндзигапо, наоборот, поднял свою голову-тыкву, надулся, как индюк, и с видом собственного достоинства свистнул, чтобы отогнать щура — пеструю птичку, опустившуюся поблизости в траву.

Хареба посмотрел на обоих и прищурил глаза. Он будто измерял взглядом расстояние от земли до неба. Эх, если б было дано ему взлететь в высоту!

— Э-эх! — выдохнул он могучей грудью, медленно поднялся, достал хеладу¹ и несколько шоти-пури. Хлебцы разломал на куски, поделил сыр и налил вино в джами².

Баса оживился, глаза у него заблестели. А Киндзигапо с удовольствием потирал руки.

Хареба наполнил чашу вином, прозрачным, как слеза.

— Пусть этот благодатный сок, добытый нашим трудом, живет и здравствует в веках! — произнес он, держа полную чашу в руке. — И пусть здравствует виноградная лоза, кормилица наша, отрада, сила и надежда. Плохо бы нам пришлось без нее.

Хареба неторопливо осушил чашу, обтер усы сначала одной, потом другой ладонью, снова налил вина и передал Баса, а сам принялся за еду.

Баса выпил чашу и весело воскликнул:

— Ах, до чего же хорошо наше вино!

— Оно, конечно, — заговорил Киндзигапо, растягивая каждое слово. — И за людей почитают нас только благодаря ей, этой вот лозе. Не от стыда покраснело это вино, а от сияния собственных красок... От пролитых за него пота и крови, вот от чего... Да благословит виноградадаря всякий, кому доведется испить это вино, пусть помянет добрым словом крестьянина и его добрый труд! — важно закончил он и жадно припал ртом к краю чаши. Потом закусил хлебом с сыром.

Хареба снова налил чашу, отщипнул кусочек хлеба и обмакнул его в вине:

— За корни наши, за предков, что породили нас. Если бы не они, не жить нам на этой благодатной земле! — пробасил он и осушил джами до дна.

За ним молча выпили его сотрапезники.

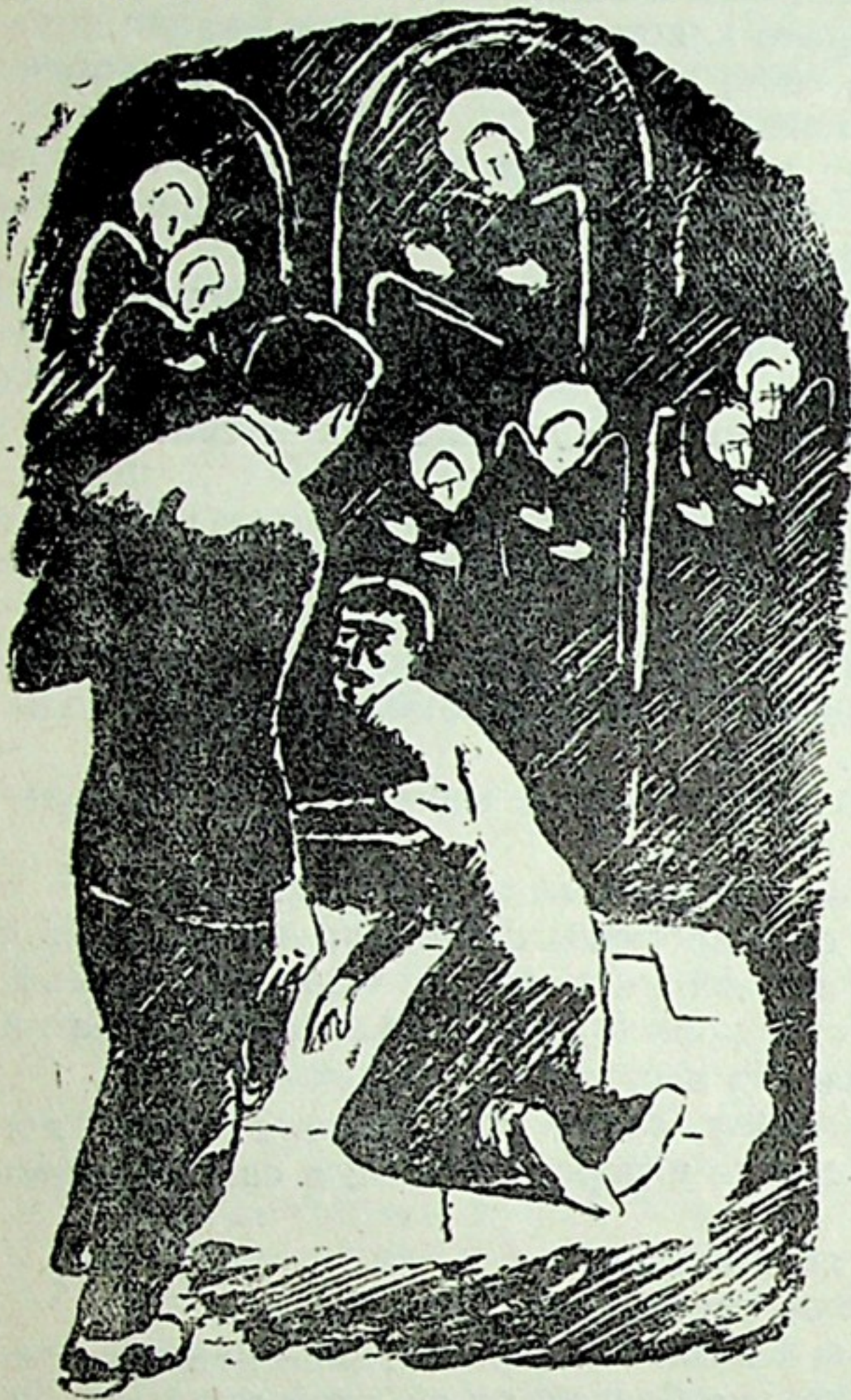
Медленно двигая скулами, Хареба тщательно пережевывал кусок за куском, задумчиво глядя вдаль — на виноградники, на небо, на Алазанскую долину.

¹ Х е л а д а — сосуд для вина.

² Д ж а м и — небольшая глиняная чаша.

— Один ряд в нашем селении, — заговорил он опять, — зовется Бездетным. Пусть не будет больше таких названий. Пусть преданная жена и мать поддерживает огонь в очаге каждого дома и над ним всегда вьется голубой дымок.

Он снова налил вина и с ближайшей лозы сорвал молодой побег. — Мы ведь тоже корни, друзья, и у нас есть побеги. Это наши дети. За наших детей, за родной очаг!

Баса и Киндзигапо поддерживали этот тост.

Собрав остатки пищи в гуду¹, все трое поднялись.

— А теперь за работу! — Хареба взял свой заступ и твердым шагом направился к винограднику.

3

Трудовой день уже близился к концу. Баса и Киндзигапо ушли по домам. Взгляд Харебы упал на развалившуюся изгородь. Тень прошла по его лицу. Он вытащил заткнутый за пояс топорик, срезал терновый куст и сделал подпорку для изгороди, затем стал обходить ряды виноградника. По-хозяйски осмотрел все канавки, измерил расстояние между ними и глубину каждой, прикинул, сколько воды может просочиться для орошения корней лозы...

Остался доволен работой. Потом взял прислоненный к дереву заступ и, присев на корточки, начал точить его бру-

ском: завтра предстояло немало потрудиться.

Хареба провел по заступу большим пальцем, чтобы узнать, хорошо ли наточил его. Потом опять принялся натачивать. Заступ разогрелся, засверкал, стал острым, как нож. Промычав про себя что-то неопределенное, Хареба встал, прислонил заступ к дереву и с облегчением вздохнул.

Зной начал спадать. Земля остывала, удлинились отбрасываемые деревьями тени. А Хареба прикидывал в уме: виноградник обработан хорошо, и, если вовремя полить, урожай будет неплохой. Тогда можно в этом году свободно прокормить семью. Если же случится неурожай... Хареба махнул рукой. Ловко подхватил гуду, перекинул через плечо, подцепил указательным пальцем хеладу за ушко, в последний раз оглядел виноградник и зашагал к дому.

Целый день он не видел своих. Дома первая подбежала к нему Тико и повисла на шее. Тебрале торопливо поправила платок на голове, согнала с лица тень заботы и весело посмотрела в лицо мужу.

¹ Гуд а — кожаная сумка для продуктов.

Сын Харебы — Анания уже был отцом троих детей, но Хареба все еще не считал его самостоятельным и посылал повсюду: внуки, мол, пока малы, жалко отправлять их на тяжелую работу, да и доверить ничего серьезного нельзя. «Со взрослым мужчиной и скотина считается», — каждый раз подчеркивал Хареба, давая поручение сыну.

Вот и сегодня Анания повез мешки с зерном на мельницу и до сих пор не вернулся.

Мельника Аджиа кто-то успел угостить с раннего утра, и он, пошатываясь и хлопая белыми от мучной пыли ресницами, без толку бродил по мельнице, скаля желтые зубы и бессвязно бормоча:

— Всю жизнь, как мышь в муке, сидишь и маешься, а стоит пропустить лишний глоточек, все начинают на тебя коситься. Получается, что мне и жить на свете не надо! Ну чем я вам не угодил?

— Не следовало тебе напиваться спозаранку! — наставительно заметил старик, сидевший в углу.

— Хоть бы смерть забрала тебя вот так же натошак! — пожелала мельнику его старуха.

— Ну, ну, — огрызнулся Аджиа, — давайте уж все разом наседайте!

Пощипывая свои реденькие усы и потирая красный, похожий на помидор, нос, Аджиа расхаживал по мельнице и вызывающе поглядывал на окружающих. Вдруг он остановился и скрестил на груди руки, словно выбирая, с кем бы еще сразиться, потом опустил руки на бедра, широко расставил ноги и неожиданно запел:

— Я в Агзеван за солью еду,
Хрустальной соли привезу...

Уронив голову на грудь, он забавно морщил губы и пел с закрытыми глазами. Шум мельничных жерновов заглушал его голос. Все умолкло. Слышались только рокот воды да голос Аджиа, которые сливались в одну мелодию.

Аджиа присел на пол, прислонился спиной к столбу, подпиравшему потолок. Одну песню сменяла другая. Крестьяне слушали его, и каждый думал о своем. Звенела песня, глухо шумела мельница, шуршало сыпавшееся в жернова зерно. Мешки наполнялись теплой мукой, хозяева забирали их, но уходить никому не хотелось. А мельник все пел. Он только что засыпал новую порцию зерна — не скоро оно перемелется, а других забот у Аджиа ведь нет.

Зачарованные песней, крестьяне подвигались ближе к певцу, устраивались поудобнее и слушали. Старик в дальнем углу, только что выкурив трубку, снова набил ее табаком, высек искру и опять задымил.

— Хорошо поет Аджиа, — задумчиво проговорил он, попыхивая трубкой, — зря пропадает!

— Правильно говоришь, — поддержали его.

— Почему ты не поешь на праздниках в деревне? — спросил кто-то мельника.

Аджиа поскреб ногтем длинный подбородок и беззвучно засмеялся.

— Что ты смеешься? Отвечай, когда спрашивают.

Но Аджиа продолжал хихикать.

— А ну-ка, Аджиа, танцуй! — крикнул один из присутствующих и ударил в ладоши.

Хмель сломил мельника. С трудом поднявшись на тоненькие, как бутылочное горлышко, ноги, он выпрямился, раскинул руки, потоптался на месте, но тут же присел на землю.

Равномерно шумела мельница, со двора доносилось фыркание лошадей, детский плач.

Анания, терпеливо дожидаясь своей очереди, молча сидел на мешках и наблюдал за всем происходящим. Он видел, как Аджиа начал тереть глаза, потом кряхтя и морщась, встал, потянулся. Наконец, мельник выпрямился во весь рост и направился к жерновам. Осмотрел, все ли в порядке, и зашагал к выходу. Во дворе остановился, прислушался.

Мрак окутал землю. Где-то вдали лаяли собаки, изредка кричала выпь, а возле мельницы переступали с ноги на ногу стреноженные кони, шумно обнюхивая землю.

Вдруг Аджиа насторожился — до его слуха почему-то перестало доноситься привычное журчание воды. Оказалось, что треснул желоб и открылась течь. Аджиа долго починял желоб, потом пошел к плотине, с которой была закинута сеть. Заглянул, не попала ли рыба, но рыбы не было.

Аджиа вернулся на мельницу, подошел к одному из крестьян, попросил у него табаку на закурку, у другого взял бумагу, свернул цыгарку. Дымом царапнуло в горле. Аджиа закашлялся, сел на скамейку, прислонился к стене и, склонив голову набок, захрапел, не обращая никакого внимания на окружающих.

Мельница гудела.

Крестьяне сами по очереди следили за помолом. Сами брали минди¹ за помол и ссыпали в мельничный ларь — Аджиа никто не обижал.

Подошла очередь Анания. Широкой струей засыпал он зерно. Мельничное колесо скрипело, жернова вращались, потолок дрожал. Через несколько часов весь в мучной пыли, отирая со лба пот тыльной стороной руки, Анания наполнил свои мешки теплой мукой и вынес во двор. Было уже за полночь, когда он отправился в обратный путь, навьючив лошадь мешками с мукой.

...Хареба и Тебрале не спали в ожидании сына, Хареба первым услышал знакомое цоканье лошадиных копыт, накинул на плечи чоху² и вышел во двор в тот момент, когда Анания подошел к воротам. Хареба помог сыну снять мешки и внести их в дом. Потом вернулся во двор, снял упряжь с лошади, ласково потрепал ее по спине, засыпал корму.

— Как там Аджиа, жив еще? — спросил он сына.

— А что ему делается? — отозвался тот.

— Мать сегодня по селу ходила с Лазарем. Все встревожены — засуха губит нас, — говорил Хареба, подсаживаясь к сыну. Луна ярко освещала лицо Анания. Хареба с нежностью глядел на сына, раздумывая, в кого он уродился такой смуглый. Потом встал и опять пошел во двор, осмотрел все по-хозяйски, проверил колеса арбы, заглянул к волам.

Тем временем Анания кончил ужинать.

— Завтра за дровами в лес поеду, — сказал ему Хареба. — За домом присмотри.

— Не беспокойся, — ответил сын.

Пропели третьи петухи. Хареба захватил бурку, вышел во двор и устроился спать на арбе.

Недолог сон крестьянина.

В предрассветной мгле Хареба запряг волов и, стараясь не шуметь,

¹ Минди — часть муки, полагающаяся мельнику за помол.

² Чоха — грузинская мужская верхняя одежда.

выехал со двора. Когда он поравнялся с ущельем, стало светать. Солнце еще не поднялось, но уже было жарко.

Скоро вдали показался густой, темный лес. Потянуло прохладой. Забравшись в самую гущу, Хареба распряг волов и пустил их пастись на траву. А сам взялся было за топор, как вдруг, словно из-под земли, вырос перед ним лесник-объездчик:

— Что это ты собрался делать? — сурово обратился он к Харебе.

— В рай проситься, — попытался тот отшутиться.

— Сначала грехи отмоли, а потом и в рай просись.

— Вот тебе за мои грехи, — Хареба протянул леснику хрустящую бумажку.

— Ну, проходи, я ничего не видел, — пробормотал лесник, удаляясь.

Хареба горячо принялся за дело. Работал он умело и споро. Несколькими ударами топора ловко валил большой бук, потом отсекал ветки и сучья и откладывал их в сторону. До полудня было заготовлено много дров. Но Хареба не мог остановиться. Надеясь на своих волов, он продолжал валить деревья.

Уже вечерело, когда сильно нагруженная арба тронулась с места. Шагая рядом, Хареба достал кусок хлеба и стал есть на ходу — только сейчас он вспомнил, что ничего не ел весь день.

Предстоял нелегкий путь. Благополучно миновали добрую половину пути. Землю уже плотно окутывали сумерки. Хареба заметил, что один из волов стал сдавать. Хозяин

прикрикнул на него. Но вол, дергая головой, все пытался вырваться из упряжки. Хареба знал, что арба перегружена, но и мысли не допускал о том, что его волы не справятся с грузом. Остановив арбу, он подошел к волу, взял в ладони его грустную морду, заглянул в глаза и ужаснулся: большие, влажные глаза затуманились, на шее вздулись жилы, слышалось частое хрипение — вол околевал. Хареба положил камень под колесо арбы, чтобы не катилась, и стал выпрягать издыхающего вола. Освободившись от ярма, вол свалился, как подкошенный, и

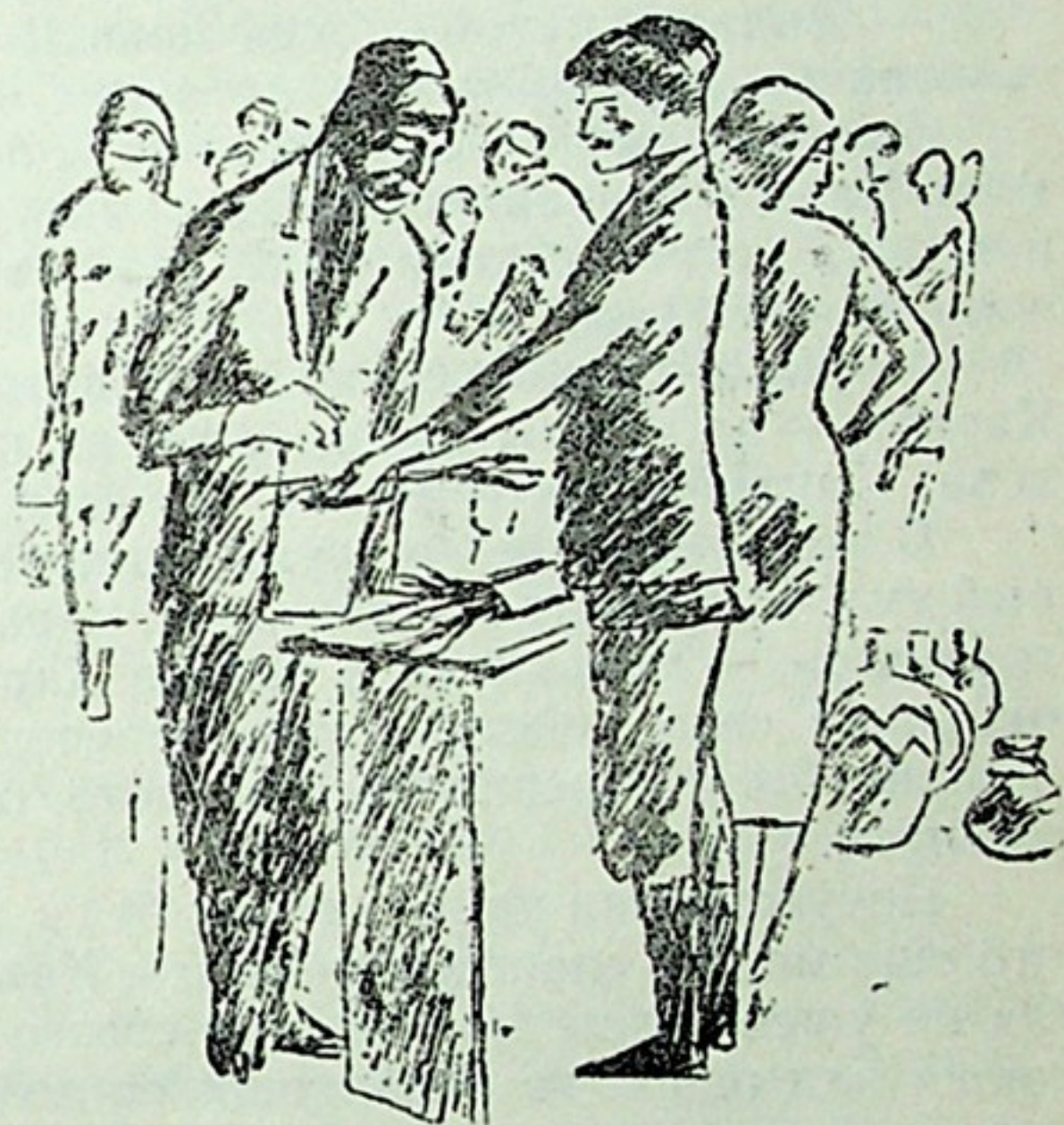
тоскливо заревел. Второй, оставшись без напарника, широкими ноздрями глубоко втянул воздух, повернул голову к Харебе и стал лизать ему руку. Хареба сел на землю рядом с арбой и заплакал.

Но уже через несколько минут поднялся, уперся в ярмо изо всех сил и попытался сдвинуть арбу с места.

— Эх, Лома¹, выручай, милый!

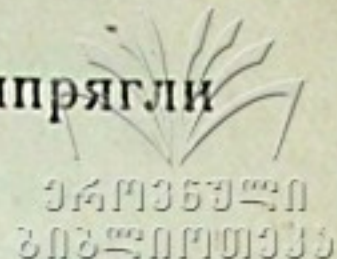
Лома дернул, арба медленно тронулась. Пот ручьями лился по лицу Харебы, рубаха на плечах взмокла, он ничего не видел вокруг, ни о чем не думал. Только одна мысль толкала его: вперед, еще шаг, еще...казалось, так и прошагает он, ни разу не остановившись, до конца света.

ТебROLE, издали увидев мужа в ярме, вскрикнула. Анания кинулся

¹ Лома, Никора — обычные в Грузии клички волов.

на помощь. Общими усилиями они втащили арбу во двор и выпрягли
одинокого вола. Никто не проронил ни слова.

У Харебы будто что-то оборвалось внутри. Ночью он не сомкнул глаз, все время глухо стонал, рукой отирал со лба холодный пот. А утром, поднявшись, вдруг почувствовал сильную слабость. Он едва держался на ногах, но все бродил по дому. Дома он остался один. Тебрале и Анания работали на огороде, они взяли с собой и маленькую Тико.

К полудню внезапно небо заволочило свинцовыми тучами. Ослепительно сверкнула молния, загредел гром, и сразу полил проливной дождь.

Хареба не помнил, как он очутился на винограднике. С огромным трудом добрал до лоз. Оглянулся. Благодатный дождь хлестал окаменевшую от жары, страждущую землю, пробуждая от оцепенения природу.

— Так, так, дай-то бог... — бормотал Хареба. Расстегнув ворот рубахи, он подставил грудь под освежающие струи дождя. Вода стекала по его груди, по спине, вот он уже промок насквозь, но возвращаться домой и не думал. В радостном возбуждении ходил он по винограднику, ласково, как с младенцем, заговаривая с лозами:

— Видали, какой дождь пошел! Ну, пейте вдосталь, наливайтесь, созревайте, порадуйте меня, старика, детки мои!..

Ливень усиливался. Все гуще собирались на небе тяжелые черные тучи. Хареба заволновался. Тревожно забилося сердце. По винограднику неслись быстрые потоки воды, размывали почву и, обнажая лозы, вырывали их с корнем.

— Илья-пророк, батюшка! Святой Илья... — растерянно бормотал Хареба, — за что ты прогневался на нас? Мы же дождя просили, а не потопа. Смилуйся, не губи нас, грешных...

В это мгновение до слуха его донесся какой-то странный, еще не ясный гул. Гул быстро надвигался, нарастая с каждой минутой. «В балке грохочет», — мелькнула в голове Харебы страшная догадка. Балка за околицей села действительно переполнилась до краев. Вода вот-вот должна была перекинуться на село, безжалостно разрушая все на своем пути.

Почувствовав приближение беды, Хареба, однако, даже не подумал, что еще можно спастись, убежать. Какая-то сила приковала его к месту. Он не ушел, он не мог уйти от своего виноградника. Осторожно наклонился над одной из повалившихся лоз, поднял ее, выпрямил, укрепил в лунке. А вокруг бушевала вода. Хареба бегал от одной лозы к другой, старался защитить их, но бурный поток вырывал их из рук, волок за собой, забрасывал камнями. Надо торопиться... Надо спастись самому...

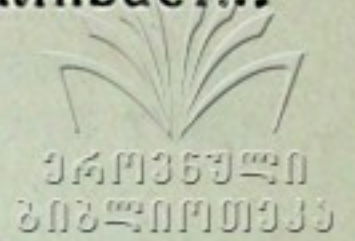
Но зачем? Кому нужна теперь его жизнь, когда на глазах гибнет виноградник?

Волна стремительно ударила Харебу сзади и сшибла с ног. Он не испугался, а скорее удивился, даже попытался улыбнуться: совсем, как маленького! Хотел приподняться. Но налетела новая волна. Глухо застонал Хареба, из последних сил пытаюсь подняться, кинулся на вновь надвигавшуюся волну, но снова упал. Он падал и поднимался. Но, падая, он прижимал к груди гибкую ветку лозы — не мог расстаться с ней. Силы иссякали, а мозг работал ясно и четко:

«Погибнуть так глупо! Каким сильным я считал себя, а оказалось, что на самом деле я стою на шатком плоту из щепок... И что делает со мной»

эта страшная бешеная вода?.. Земля уходит из-под ног... Вода заливает...
Мой виноградник...»

Хареба больше не смог подняться.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Пело только что пронюхала свежую новость и тотчас понеслась к попу Луке. Вот уже вторую неделю она в услужении у попа — «спасает» себя от грехов в этой брэнной жизни, хотя, по правде говоря, она совсем не верит в бога. Но когда Пело с Лукой идут в обход по селу собирать даяния мирян, она зорко следит за мешком — скоро ли он наполнится. Что же касается молитв и наставлений духовного отца, то это меньше всего ее заботит.

Сейчас Пело долго не может отдышаться — так она бежала, торопясь выложить только что услышанную новость.

— Да что ты там болтаешь? — удивился поп. — С чего бы Ника вздумал в деревню возвращаться? А может, погна́ли его со старого места.

— Вот, вот, батюшка! И я так слышала. Какие-то там мастеровые сговорились и работу бросили. Не пойдем, говорят, пока жалованья нам не прибавите. И поезда все остановились. Верите, к ним сам хозяин приходил, упрашивал, даже грозил полицией, а они все свое гнут: все равно, дескать, подышаем с голоду, пока не прибавите денег, не будем работать. И наш Ника тоже с ними. Явилась полиция, сграбастала человек десять главарей да и заперла их в Метехи. Вот до чего дожили! Мало у нас своих воров и разбойников на селе, так еще одного из города принесло, каторжника! Господи, помилуй и спаси нас! — запричитала Пело, истово крестясь.

— А кто тебе, Пело, сказал об этом? — поинтересовался Лука.

— На сельской площади слыхала, не сама придумала!

2

Ника дома никого не застал. Соседская девочка рассказала ему, что вот уже две недели, как Джамбар и его бабушка неотлучно сидят у храма, отмаливают у бога грехи.

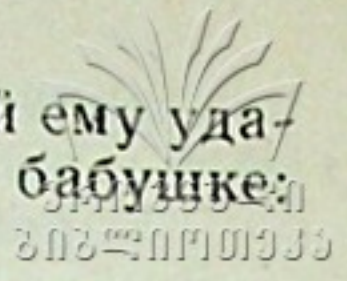
Ника ничего не мог понять. «Шутит, должно быть», — подумал он, но щемящая тоска сжала сердце. Еще с детских лет хранила память страшные картины: кающиеся «грешники» ничком лежат, распростершись на паперти, или ползают по двору с тяжелыми веригами на теле. Каждый проходящий пинал несчастных, уверенный, что помогает замолить грех...

Ника осмотрелся вокруг. Покосившийся забор, дом почернел и осел, двор зарос бурьяном. На всем лежит печать запустения, чувствуется отсутствие мужской руки.

У калитки начали собираться соседи, с любопытством разглядывающие пришельца. Ника пробормотал что-то невнятное и решительно направился к церкви.

3

Джамбар за всю свою жизнь ни разу не бывал в городе. С восьми лет он стал подпаском. Ранней весной отправлялся в горы, на летние

пастбища с чужими стадами. За долгие годы трудов и скитаний ему удалось завести небольшую отару овец. Часто парень говорил бабушке: «Вот продам свою отару, и станет жить легче».

Месяцами жил Джамбар в горах, но стоило ему показаться в селе, как на него, словно стая коршунов, налетели местные власти. Старшина забрал пять годовалых овец за то, что не вычеркнул Джамбара из списка сельчан. Сельский писарь потребовал двух баранов за то, что спас Джамбара от ссылки в Сибирь, ибо он не явился вовремя жребий тянуть. Фельдшер тоже нашел повод для наживы — бабушка, дескать, часто хворала, и он лечил ее... Так пришлось раздать все, что было, а тут еще явился поп Лука.

Сельский поп ежегодно получал с каждого двора по одному коди¹ муки. Сверх того за каждую службу — будь то венчание, крестины или погребение — он требовал приношений, и его праздничный стол на рождество и пасху ломился от яств.

Отец Лука, переехав в село Вардиани, первое время жил скромно, но со временем разошелся, и его жадность превзошла аппетиты самого сельского старосты. Мог ли наивный и чистый, как горный родник, Джамбар укрыться от хищных глаз Луки? Но неожиданно, как снег на голову, свалился Ника, отец Джамбара, и Лука сразу смекнул, что его одурачить не так просто.

4

Не сразу нашел Ника своих в церковной ограде. Долго разглядывал он собравшихся, пока в дальнем углу, в тени, не приметил лежавшую ниц женщину в черных лохмотьях. Ника направился к ней.

Женщина на мгновение подняла голову, но, увидев мужчину в городском платье, снова припала к земле, бормоча молитву. Ника опустился рядом с ней на колени и, тронув ее рукой, тихо сказал:

— Мама, это я!

— Святой Георгий, помилуй и спаси нас от дурного глаза, от злого человека, исцели моего бедного Джамбара и повели святому прорицателю отпустить грехи его. Припадаю к стопам твоим... — проникновенно шептала бедная женщина, не слыша слов сына.

Ника позвал ее громче:

— Мама!

Женщина подняла на него усталые глаза.

— Сын мой! — вырвался стон из ее груди, она прильнула к Нике.

— А где же мой Джамбар? — спросил Ника.

— Здесь, здесь он, сынок!.. Священник велел нам молиться, вот мы и отмаливаем здесь свои грехи! — лихорадочно, как в бреду, рассказывала старуха.

Ника был потрясен и не мог вымолвить ни слова.

Целых семнадцать лет ждал он этой встречи. Все эти годы терзало его сердце воспоминание о любимой жене. Она скончалась через год после свадьбы от родов. Ника обезумел от горя. Бросив дом, мать, новорожденного сына, уехал он из села.

Прошли годы. Застарелая, ноющая боль в сердце не утихала. Но все чаще в тревожных снах видел он родное село и своего сына, мечтал о встрече с ним. И вот, наконец, этот час настал. Джамбар где-то здесь, совсем рядом.

¹ Коды — мера сыпучих тел.

Ника стоял у порога храма, как вкопанный. Пришел человек, еле прикрытый жалкими лохмотьями.

Ника тихо позвал:

— Джембар, сын мой, родной!

Все слова, которые Ника заготовил для встречи с сыном, вылетели у него из головы. Он видел сына в беде и только два чувства — любовь и жалость владели сейчас отцовским сердцем.

Джембар очнулся. Долгое, тяжелое молчание воцарилось в храме. И вдруг раздался радостный, громкий крик:

— Отец! Ты вернулся? Совсем вернулся, отец? Да?

— Совсем, сынок, навсегда.

Оба они плакали. Ника первый совладал с душившими его слезами. Положив обе руки на плечи Джембара, он решительно произнес:

— Пошли домой, сынок!

— Не могу, отец, я жду... — простонал Джембар.

— Чего же ты ждешь, бедняга? Хочешь умереть здесь от голода и холода?

— Я жду гласа прорицателя о том, что господь отпустил мне грехи. Бог милостив, отец, он не допустит моей смерти.

— Сколько еще ты должен ждать?

— От меня требуют, чтобы я принес в жертву оставшуюся у меня единственную телку. Овец уже нет ни одной — всех отобрали. Если и телку отдам, чем жить будем? Но как иначе заслужить прощение всевышнего?..

5

Пело каждый день приносила священнику все новые сплетни об односельчанах. Но даже она не могла сказать ничего о том, что собирался делать Ника. Лука отлично понимал, что Нику не так легко обвести вокруг пальца. И поэтому ему обязательно хотелось знать о каждом его шаге, но Пело, как нарочно, упорно обходила разговор о Нике.

— Трещишь обо всем, как разбитая шарманка, — наконец, не выдержал Лука, — а о том, что тебе поручают, не говоришь ни слова!

— Батюшка, зря ты меня торопишь — в спешке я забываю про главное. Вот и сейчас забыла сказать тебе, что наш Конкиажгаруне захворал. Я заходила к нему... лежит, бедняга, и стонет, весь в поту, почти не дышит.

— Что это на него напало? — с раздражением пробормотал Лука.

— Верно, отпуская грехи другим, сам их набрался... Хорошо, если в воскресенье на колокольню забраться сможет.

— Неужто он так плох?

— Да. Видно, уж не жилец на этом свете...

— Немедленно ступай к нему и передай: живой или мертвый, но в воскресенье он должен звонить...

Конкиажгаруне ютился в низкой, покосившейся клетушке. Он был младшим сыном в многодетной семье. С годами большая семья распалась — умерли отец и мать, а следом за ними и старшие братья. Дом обветшал и развалился. Пришлось бедному парню переселиться в клетушку, служившую когда-то курятником. Прошли годы. Поизносилась худая одежонка, грязные лохмотья болтались при каждом шаге, как язычки колокольчиков. И сельские озорники прозвали парня за это Конкиажгаруне. Прозвище пристало к нему навечно. Сначала он обижался, когда его звали Конкиажгаруне, но потом привык, откликнулся на него, забыл даже свое настоящее имя. Со временем этот человек совсем опу-

стился. Всякий мог безнаказанно оскорбить и обидеть его. Но Конкиажгаруне не озлобился, остался добр и отзывчив, готов был поделиться с ближним последним куском хлеба, хоть сам питался объедками со стола попа Луки. Священник заставлял его звонить на колокольне и следить за сельчанами, которым было назначено постом и молитвами замаливать свои грехи. Богомольцев, приехавших издалека, Конкиажгаруне не знал, и при виде их совесть его не мучила, но когда попадал в поповскую западню какой-нибудь бедный вардианец, Конкиажгаруне терял покой.

Судьба Джамбара очень взволновала его. Он знал, с каким трудом собирал бедный малый свою крохотную отару овец. И что сделали с ним? Именем бога ограбили и обобрали до нитки, а теперь хотят вырвать изо рта последний кусок!

Конкиажгаруне искренне и глубоко верил в бога. Но он видел, как безжалостно и нагло поп Лука обирал верующих, его ненасытная жадность вызывала чувство протеста даже в таком забитом и беззащитном существе, как Конкиажгаруне. Но что он мог сделать?..

...Больной, обессиленный подымался звонарь на колокольню. Пело передала ему строгий наказ священника, об ослушании не могло быть и речи. Ослабевшие руки скользили по перилам крутой лестницы, все тело охватила страшная слабость. Тревожные мысли путались в голове. Болезнь — от бога, так говорится в писании, она послана ему за грехи. Он виноват перед богом и перед людьми — своими односельчанами. Пора с этим кончать... Нужно в последний раз залезть на колокольню, чтобы крикнуть оттуда Джамбару: «Ступай домой, ты прощен». От попа Луки, конечно, не будет пощады. Но расправа эта теперь уже не пугала юродивого.

Был предвечерний час. Последние молящиеся ушли из храма, церковная ограда опустела. Только Джамбар и его бабушка в воцарившейся тишине продолжали молиться о спасении души. Измученный Джамбар изо всех сил боролся с одолевающей его дремотой.

Вдруг тишину прорезал усталый, надтреснутый, но отчетливо доносившийся сверху голос:

— Джамбар... господь услышал твою молитву... отпустил твои грехи... ступай домой... ты свободен... иди...

Джамбар не поверил своим ушам.

— Бабушка! Неужели это голос святого прорицателя? Это правда, бабушка?

— Да, мой дорогой! Мы свободны! — радостно воскликнула Макрине и, с трудом подняв с земли свое истощенное постом и молитвой тело, заковыляла к внуку. Джамбар прижался к ней и зарыдал.

Робко озираясь, вышли они за церковную ограду.

Конкиажгаруне долго провожал взглядом две маленькие фигурки.

— Бедняги... — неслышно прошептали его губы.

Еле передвигаясь, он, медленно сползая по ступенькам, стал спускаться с колокольни. Но не дополз и до середины — внезапно почувствовал удушье, перед глазами заходили круги, слабые руки медленно разжались, и он камнем полетел вниз.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Джамбар болел две недели. Но молодой здоровый организм поборол истощение. На щеках юноши снова заиграл румянец. Казалось

бы—пришел конец страданиям и мучениям Ники, настанет долгожданный мир и спокойствие в его семье. Но судьба судила иначе...

Ника, уволенный из Тбилисских железнодорожных мастерских за участие в стачке, вернулся в свое село по специальному заданию городского революционного комитета. Его снабдили увесистой пачкой прокламаций, которые он должен был распространять среди надежных людей. Пропагандистская работа на селе требовала немалых средств, и Ника решил продать из дому последнюю телку. Много слез стоило Джамбару это решение отца, но сколько не молил он оставить ему любимую телку, ничего не помогло. Джамбар обозлился, замкнулся в себе, уверившись, что приезд отца доставил ему только новые огорчения и обиды.

2

Самым надежным на селе Ника считал Анания. Еще в городе ему указали на него, как на верного человека, сочувствующего партии и поддерживающего ее. Ника сразу же после приезда в Вардиани подружился с ним.

Анания был трудолюбивым, рассудительным крестьянином, умел читать и писать, и односельчане говорили, что в сундуке у него даже можно найти книги. Никто не знал, про что в этих книгах было написано, но слухов ходило много. Эти слухи и кривотолки вызывались еще и тем, что к нему нередко наведывались из города какие-то неизвестные люди. Именно поэтому сельский старшина давно уже взял на примету неблагонадежного крестьянина...

Ника направлялся ко двору Анании. Он подошел к его винограднику в то время, когда Анания как раз прилег в тени орехового дерева отдохнуть после напряженной работы. Рубаха на нем взмокла, струи пота разукрасили ее причудливыми узорами. Анания лежал на боку и, чуть прищурив глаза, любовался раскинувшимся перед ним виноградником, подернутым синей дымкой, и тихо напевал свою любимую песню. Увидев Нику, Анания приветливо поздоровался с ним и приподнялся.

— Как живешь, Анания? — спросил Ника, садясь рядом с ним на плоский камень.

— Живу, тяну лямку. Трудно приходится одному после смерти отца...

— Ничего не поделаешь, Анания, — вздохнул Ника, — смерть никого не минует...

Анания, хитро улыбнувшись, обнял Нику за плечи:

— Хватит говорить о всякой всячине. Скажи прямо— зачем пришел? Опять прокламации привез? Верно ведь? Знаешь, недавно заявился к нам Чирина, тот самый, из Анаги. Весь вечер говорил без умолку, все уши прожужжал. И знаешь о чем? Народ, мол, должен от борьбы отказаться — это, мол, дело политиков и террористов. И о тебе говорил: дескать, препожаловал сюда этот чертов проповедник. Не думайте, говорит, что вам все это каждый раз с рук сходить будет...

— Пронюхали гады! — в сердцах воскликнул Ника. Помолчав, озабоченно продолжал: — Удастся ли нам теперь расклеить прокламации? Если попадемся — полсела упекут, куда Макар телят не гонял. Лучше, пожалуй, до храмового праздника отложить. Когда этот праздник?

— Через две недели.

— Нет, долго ждать. Мне на это дело сроку дано пять дней.

— А ты передай прокламации мне, я и разбросаю их по про-
селкам.

— Нет, так нельзя. Много прокламаций зря порастеряем. ^{Лучше} всего бы раздать их на базаре в Бодбисхеви, — сказал Ника, радуясь своей выдумке. — Народу тьма, торговля оживленная, суматоха. Никто нас не заметит — все будут заняты своим делом.

— Да, хорошо бы туда попасть, — сразу загорелся Анания, но потом призадумался. — Видишь ли, — в голосе его послышались нотки сожаления, — нельзя с пустыми руками по базарной площади слоняться. Заметить могут, и тогда не сдобровать.

— Постой, а продать тебе нечего? — перебил его Ника.

— Сказал тоже, для дома ничего нет, не то что для продажи.

— Тогда вот что: возьми эти деньги — я на днях телку продал, — сходи в Белекани, купишь там саженцев — яблоневых, персиковых, грушевых и повезешь их в Бодбисхеви продавать... Каждый саженец обернешь прокламацией. Покупатель принесет саженец домой, развернет и увидит....

— Здорово ты придумал, Ника, — у Анания радостно заблестели глаза. — Кто тебя этому научил?

— Эх, друг, жизнь всему научит... Постой, а арба-то у тебя есть?

— Да нет, продал давно. Но есть пара волов.

— Одолжи арбу у кого-нибудь!

— Попробую попросить у Зураба.

— У помещика?

— А почему бы и нет? Пусть сам помогает на себя нож точить.

— И то верно! — весело рассмеялся Ника и поднялся. — Вот деньги. Предложи Зурабу, он за деньги на все согласится. Сообщи, когда из Белекани вернешься, я принесу прокламации.

3

Настал базарный день.

Едва пропели третьи петухи, Анания тронулся в путь. Дорога предстояла долгая. Как человек хозяйственный, Анания рассчитал время так, чтобы и на базар в срок поспеть и волов не утомить. К тому же и в Бодбисхеви немало хлопот предстояло: получить разрешение на право торговли, занять хорошее место, разложить саженцы, разузнать базарные цены... Сурово сдвинув брови, Анания широко шагал за арбой. Поравнявшись с духаном, он придержал волов и хотел попросить духанщика налить стопку водки, но передумал: дело предстояло нешуточное.

...Солнце стояло уже высоко, когда Анания подъезжал к бодбисхевскому базару. Не успел он разложить саженцы, как тотчас же появились покупатели. Торговля пошла бойко.

Время бежало незаметно. Наступил полдень. К этому времени Анания успел уже распродать большую часть своего товара. Пока что и с «упаковкой» все сходило благополучно. Протягивая саженец очередному покупателю, Анания внезапно увидел, как в углу базарной площади, там, где скупилась приведенная на продажу скотина, поднялось замешательство.

— Скотина взбесилась! — не своим голосом закричал кто-то, и сразу же раздались истошные женские вопли.

Люди, до сих пор спокойно занимавшиеся своим делом, всполошились, толпа смешалась и обезумела от страха, словно в мирно гудящий пчелиный улей кто-то бросил ежа. «Скотина взбесилась!». Бежать,

спасаться, вырваться отсюда — лишь бы не затоптал буйвол! — эта мысль овладела всеми. Крестьяне бежали без оглядки, побросали товары, топтали и давили ногами все на бегу, скользили и падали на застарелой базарной грязи: сначала упал один, на него навалился другой, за ним третий.

Анания был в числе немногих, кого поднявшаяся паника не заставила потерять голову. Он кричал, пытаясь сдержать безумствующую толпу, но тщетно. Никто не слушал его. В базарной тесноте невозможно было отойти в сторону. И не успел Анания сообразить, куда ему податься с одолженной у помещика арбой, как мчавшаяся толпа обрушилась на него, опрокинула арбу и, растоптав оставшиеся сажены, пронеслась дальше.

Анания растерянно огляделся по сторонам. Долго смотрел он на поломанную арбу, на втоптаные в грязь, искалеченные сажены, казавшиеся такими беспомощными и одинокими. И только кое-где, как неведомые белые птицы трепыхались на ветру прокламации. Крестьянин осторожно осмотрелся вокруг и начал собирать их.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Неполадки в семье Ники все обострялись. Казалось, поводом для недовольства Джамбара послужила единственная тощая телка, проданная отцом, но в действительности — Ника-то, во всяком случае, очень хорошо понимал это — причина была значительно серьезнее и глубже.

У Джамбара точно вырвали сердце из груди. Поначалу он надеялся, что с приездом отца они вместе выведут из нужды пошатнувшееся хозяйство. Но на деле все пошло по-иному. И Джамбар с крестьянским упрямством разжигал зародившуюся в душе неприязнь к отцу. Для юноши, всю жизнь мечтавшего о собственном хозяйстве и стаде, совершенно чужды и непонятны были действия отца. Джамбар все реже бывал дома, и даже нанялся сторожем в поле, чтобы поменьше оставаться в селе.

— Послушай, и не совестно тебе? — упрекал его Анания. — Это же отец твой. А ты и говорить с ним не хочешь!

— Какой он отец! — отвечал Джамбар. — До семнадцати лет я его в глаза не видал. Потом вдруг объявился, как святая икона. Ну, думаю, слава богу, теперь легче станет. А он занимается какими-то странными делами и не думает о семье. Вы оба — и ты, и отец — говорите, что царя свергли. Ну и что из этого? Три года прошло, а все у нас в селе по-старому осталось. Что же мне против новой власти идти? Нет, не дождетесь! Человек я бедный, но бросать свой дом да по Сибири в кандалах топтать не желаю!

— Молод ты, Джамбар, и ума еще не накопил, вот и болтаешь вздор, — возражал Анания. — Ну, да ничего, придет время, сам поймешь, за что борется народ, поймешь, что за тебя же, дурня, старается Ника!

— Любишь ты всех поучать, — рассердился Джамбар. — Уж отца то я знаю. Обо мне у него и мысли нету. Старается, говоришь? Как приехал — он рубашки мне не купил, слова ласкового не сказал... Что же нам, гибнуть от голода?

— А я тебе говорю, — настаивал Анания, — наступит время, когда народ возьмет власть в свои руки.

— Все это сказки, Анания, — засмеялся Джамбар. — Чтобы мужик

в лаптях одолел вооруженных солдат? Это только ты, Анания, да мой отец любите беспорядки... А крестьянам о своем дворе думать надо!

— Нет, Джамбар, и я люблю свой виноградник. Расчищаю землю от сорняков, подставляю колья, чтобы не гнулась лоза, — только тогда и счастлив бываю по-настоящему. И ничего мне больше не надо: лишь бы тянулись вверх побеги лозы, лишь бы не затоптали их чужие ноги.

— Так и я о том же говорю, — воскликнул обрадованный Джамбар, — лишь бы моя семья жила в счастье и достатке.

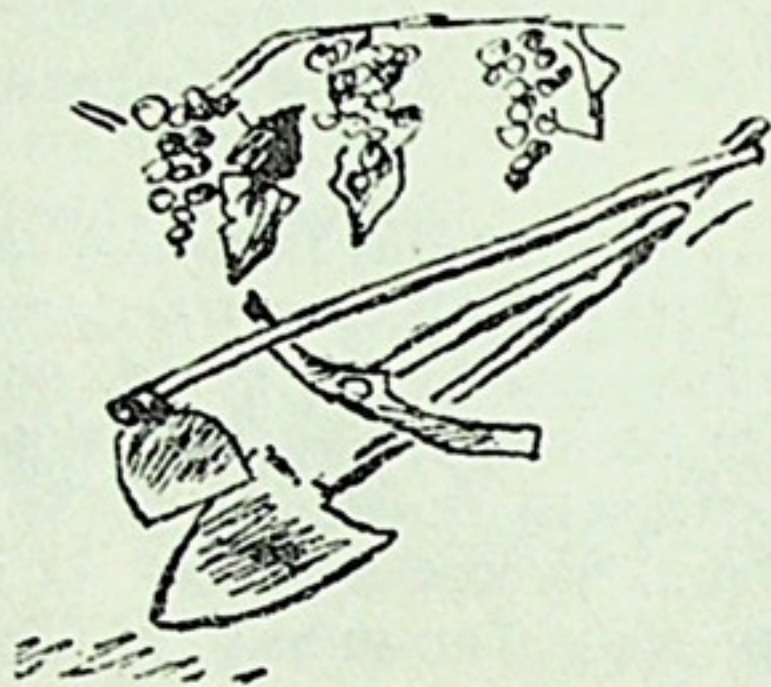
— Но разве этого достаточно?

— Для меня достаточно.

— Ты не один на свете, Джамбар. Все люди должны жить хорошо и быть счастливыми...

...Приближался тысяча девятьсот двадцать первый год.

Продолжение следует

Алио Мирцхулава

Весна

Перевод с грузинского Э. Гольдернесса

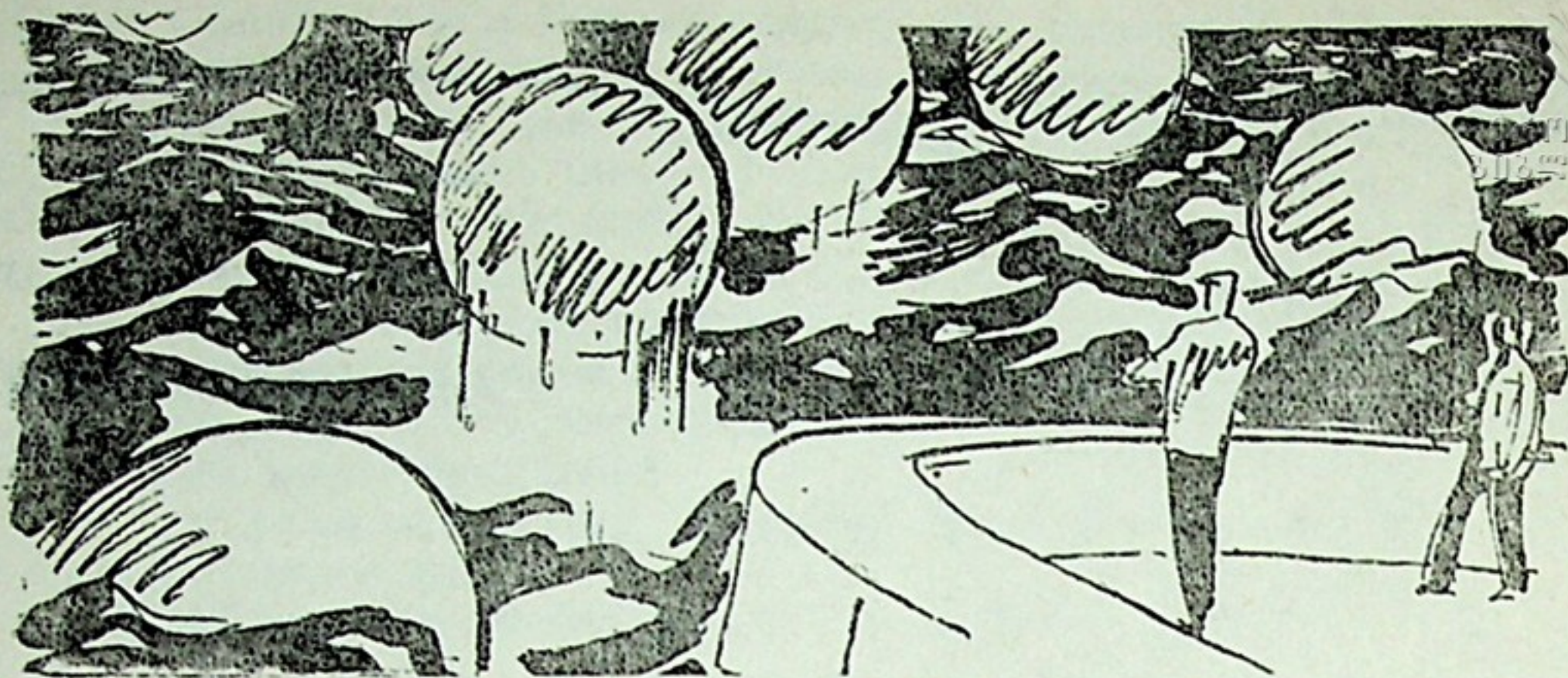
Вот и весна! Развесив звезд узоры,
До боли хороша и молода,
Она приходит к нам в родные горы,
Как будто бы в Колонный зал труда.

И новой жизни буйную рассаду
Она несет в сады, луга, поля,
Чтоб наливаться соком винограду,
Чтоб вдоволь хлеба нам дала земля.

Одета в шелк знамен, под звуки песен,
Держа победный путь из края в край,
Она несет нам весть, что мир чудесен,
Тот мир, что возвещает людям май.

Стоят вокруг твердыней мощной горы,
Поля небес улыбкой расцвели,
А неба безграничные просторы
Горят зарницей радостной земли.

В горах снега от теплой ласки тают,
Победа солнца всем уже ясна.
Так в Грузию-красавицу вступает
Красавица весна.

Александр Абашели

Женщина в зеркале

НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Продолжение

Перевод с грузинского Б. Гасса, М. Заридзе, К. Коринтели

Рис. А. Бандзеладзе

В одно прекрасное утро, когда я проверял хронометр, неожиданно раздался звонок. Через несколько секунд на экране появилась Нуавэ.

— Каро, ты летишь к Обре? — спросила она и, не дожидаясь ответа, быстро заговорила: — Я прошу тебя — измени маршрут.

— Что случилось? — спросил я.

— Ты необходим мне здесь. Скорее возвращайся.

Я заметил, что она очень взволнована.

— Я вернусь, раз ты просишь, но, ради бога, скажи, что произошло? — настаивал я.

Лицо Нуавэ осветилось молнией радости.

— Вернешься? Так ты вернешься? — воскликнула она, вскинув руки, как два крыла.

— Непременно!

— Как можно скорее! Сегодня же запусти раунит!

— Сейчас же оторвусь от планеты. Но почему ты скрываешь, что произошло? — вновь переспросил я.

Геда склонила голову. Задумалась. Вдруг посмотрела на меня. С лица ее уже исчезли следы радости. Полные мольбы глаза горели черным пламенем.

— Никто мне не верит, — сказала она, — Гоу возьмет верх, если ты не поддержишь меня.

— Скажи, наконец, что случилось? — вышел я из терпения.
— Обре грозит космическая катастрофа, — отчетливо, почти по слогам, проговорила она. И зрачки ее глаз расширились, как у испуганного ребенка.

— Каким образом?

— К ней приближается комета С.

— Где доказательства?

— Это вычислил Гоу.

— Он не ошибся?

— Нет.

— И столкновение неминуемо?

— Да.

— Когда должна произойти катастрофа?

— 5 — 18 С¹.

— Еще есть время, — постарался я успокоить Геду.

— Приедешь и убедишься, что дело не терпит отлагательств.

— Хорошо, Геда, до свидания. Я вылетаю.

— Жду с нетерпением, — только успела она сказать, и экран погас. Через час мой раунит бешено мчался к Марсу.

17—1

Сегодня в 10 часов утра я поставил раунит в гараж. Надо бы смыть с него желтый песок Ногосу и космическую пыль. Но я торопился к Нуавэ. Она, почти безошибочно вычислив время моего прибытия, немедленно позвонила и через несколько минут была уже у меня.

Завтра Гоу читает лекцию на ученом совете о грозящей Обре катастрофе.

Нуавэ возмущена тем, что Гоу слишком «хладнокровен», что его вовсе не беспокоит судьба соседней с нами планеты.

Геда горячо убеждает меня поддержать ее точку зрения, она уверена, что наш прямой долг прийти на помощь находящейся в опасности планете. Но ради чего мы должны рисковать?

Нуавэ по-прежнему верит в существование жизни на Обре.

Я же очень сомневаюсь. Но все же обещал ей свою поддержку.

— Хоть я и не уверен в правильности твоих утверждений, — сказал я, — однако порыв твой настолько благороден, что я не могу стоять в стороне.

Нуавэ, поблагодарив меня, ушла.

Метеором мчится ее мысль к Обре.

Кто знает, что ждет Нуавэ? Может, подобно метеору, сгорит она в безжизненном небе Обры, влекомая светлым сном.

17—2

Заседание продолжалось до вечера.

Доклад Гоу вызвал оживленную полемику.

Докладчик утверждал, что это столкновение — редкое и даже неповторимое явление в нашей системе. А для решения целого ряда научных проблем оно будет иметь огромное значение.

Нуавэ с большой изобретательностью полемизировала с Гоу.

— Какое мы имеем право, — разжигала она пламенными словами огонь дискуссии, — смотреть издали, со сложенными на груди руками, как гибнет населенная живыми существами планета, как слепые силы стихии стирают в порошок своеобразное проявление жизни. Разве для науки более важно наблюдение электромагнитных и геологических особенностей катастрофы, чем спасение новых и неизвестных нам форм

¹ В ноябре 1933 года (К.)

жизни и затем ознакомление с ними? Многие могут не верить, что на Обре сейчас существуют высшие формы жизни. Однако кто осмелится утверждать, что Обра не представляет для нас просторного поля для наблюдения за неизвестными нам формами жизни? По сравнению с нами Обра — еще в юношеском возрасте. Но кто предугадает, что сулит Вселенной ее возмужание. Разве мыслимо превращать в лабораторию для изучения физических явлений величайшую трагедию мира? В нашем распоряжении мощные технические средства для спасения от гибели соседней планеты. Именем наивысшего закона жизни, именем нашего будущего я обращаюсь к вам с требованием протянуть руку помощи Обре и выволить ее из когтей смертельной опасности.

Гоу спокойно, оперируя фактами, отстаивал свои заключения.

— Не понимаю, какая необходимость примешивать к вопросам глубоко научным романтические увлечения и аргументировать сантиментами? Кто сомневается, что жизнь возможна во многих местах? Но везде ли мы ее защищаем? Высшая форма жизни борется за существование и уничтожает низшие формы. На высшем пике жизни стоим мы — и нашей воле подчиняются все ее проявления. Что из себя представляет Обра? Заурядная планета. Подобных в нашей системе множество. Столько веков мы пытаемся наладить с ней связь, но из этого ничего не выходит. Ибо попытки односторонни: Обра глуха к нашему зову. Ожидаемая же катастрофа дает нашей науке такой обильный материал, что трудно переоценить его значение. На наших глазах произойдет столкновение двух небесных тел, которое повлечет за собой явления, проливающие свет на многие темные стороны происхождения и развития космоса. Разве наука не есть функция высшей формы жизни? А чего можно ожидать от спасения Обры? Я утверждаю, что гибелью от столкновения с другой планетой Обра сослужит большую пользу развитию жизни, чем бессмысленным делением первобытной протоплазмы.

— Наука не является самоцелью, — вспыхнула Нуавэ, — она лишь орудие жизни. Бросив же Обру на произвол судьбы, мы совершим преступление.

— Мы никого не убиваем, — ответил Гоу, — мы лишь не вмешиваемся в естественный ход космических процессов. Если Обра является носителем будущей жизни, то катастрофа не уничтожит навсегда этой возможности. Для вечности не имеет большого значения несколько миллионов лет.

— Если вы не хотите внять чувству долга, — еще более взволнованно заговорила Нуавэ, — то вспомните хоть о вашей собственной трагедии — отсутствии воды. Какой неистощимый запас воды пропадет в результате катастрофы!

— Воду обнаружили и на Зере, — парировал докладчик, — да, наконец, существует еще больший, чем Обра, резервуар воды — планета Нир¹. Я глубоко убежден, что мы в скором будущем сможем доставлять оттуда воду, которой хватит нам на долгое время.

Затем выступил я.

Пришлось доказывать, что недопустима гибель такой значительной планеты ради разрешения научных проблем. Урегулировать вопрос доставки воды также будет нелегко. Зер — малая планета. Что касается Нира, то там, правда, воды достаточно, однако транспортировка ее очень сложна. Поэтому, сказал я в заключение, я поддерживаю предложение Нуавэ: послать на Обру экспедицию, которая, в зависимости от создавшихся там условий, сделает все для оказания помощи на месте.

¹ По-вашему — Венера (К.)

После продолжительного спора совет принял предложение Нуавэ.
Но тут встал вопрос о главе экспедиции.

Нуавэ назвала меня.

Группа противников выдвинула кандидатуру Гоу. Оба кандидата покинули зал заседания.

Я вернулся домой.

Над городом стоял чудесный вечер. С открытого балкона моей квартиры четко вырисовывалась ослепительная Обра — прошел почти год¹ после моего путешествия на Ногосу.

В голове роились тысячи мыслей. Я сидел на балконе и любовался светящейся голубым огнем Оброй.

— Каро, посылают тебя, — неожиданно услышал я радостный голос Геды.

— Решилось?

— Почти единогласно! — и моего лба коснулись бархатные струи ее волос.

— Ты должен любой ценой исполнить обещание.

— Исполню, — говорю я, а в груди, между тем, невидимое существо твердит: для кого, для кого зажжены эти глаза? Кто похитит это дыхание? Кто он, невидимый, неизвестный?..

— Каро, мой Каро, — шепчет Геда. — Вселенная огромна, однако я вижу дальние берега, слышу зов, возвещающий счастье...

— Исполню, — твердо повторяю я, ловя взгляд Геды. — А если мечты разобьются?

— Тогда я погибла, — еле слышно произносит Геда, роняя мне на плечо отяжелевшую голову.

Что ждет эту женщину?

Почему пылливо устремлены ее глаза на Обру? Кто связал ее сердце цепью чувств с дальней звездой?

17 — 20

Отправляюсь в путь. Меня провожают глаза, полные мольбы: «Не обрекай на гибель Обру, не дай исчезнуть жизни!»

Раунит мчится в безбрежном пространстве. Скорость достигает 50 километров в секунду.

Санор мерцает прекрасной звездой.

Прямо на меня несется красивейшее светило неба — Обра. Что сейчас — день или ночь? Скорее, день! Бесчисленное множество звезд искрится на полотне черного неба, а в середине — Аза.

Вечная ночь, застывшее пространство вокруг.

Мчится раунит, и Обра постепенно растет.

Уже виднеется маленькая Оре², что, подобно птенцу, по пятам следует за Оброй.

17 — 30

Раунит пролетел расстояние в 78 миллионов километров. До Обры осталось всего 5 миллионов.

Машина уже вошла в сферу притяжения Обры.

Какой маленькой звездочкой кажется отсюда Санор!

Огромная Обра бросает голубоватый свет на раскаленный металл раунита. Направление — к Северному полюсу.

До свидания, Санор! Родной Санор!

¹ По-вашему — два года (К.)

² Оре — по-вашему Луна (К.)

Ледовый покров земли окутан туманом. Задыхающийся от стужи вихрь воет и швыряет осколки льда в подол взлохмаченных

Рассматриваю карты, данные мне Нуавэ, и ищу помеченные на них места.

...Удивительно! Невообразимо! Но подробней об этом, когда ближе со всем ознакомлюсь.

Уже оповестил Нуавэ о победе. Она очень рада. Как сверкали в экране ее глаза!

1928 — 27 — XII

К — R оказалось средней частью Северной Америки. Я поселился в Чикаго. Усиленно изучаю английский.

1929 — 3 — III

О столкновении комет никто не догадывается.

Действовать надо осторожно. Первым долгом надо снискать доверие.

10 — V

Ищу союзника. Заинтересовался книгами инженера Камарели. Он работает в Советском Союзе.

1 — X

G — Д — горы Кавкасионни, пролегшие меж двух морей.

10 — XII

Мне мешает постоянное ношение очков. Быстро устаю.

Пишу книгу о земном шаре.

Думаю, Нуавэ останется довольна.

1930 — 21 — XI

Удивительно сходство форм жизни во всей Вселенной!.. Внешний вид будто многообразен, но основа мира едина. Един и фундамент всех форм жизни.

23 — XI

Закончил свою книгу. Я убежден, что ученые разделят мои выводы, и окончательно одержит верх политика Нуавэ в отношении Земли.

4 — XII

Инженер Камарели — грузин, он живет в районе С — Д.

Надо сообщить Геде.

5 — XII

Мою книгу пересняла по экрану Геда. Завтра представит на рассмотрение Ученого совета.

Геда торопит меня познакомиться с Камарели.

1931 — 15 — I

В Грузию отправляется делегация инженеров. Я тоже записался. Совет одобрил мою книгу.

Раунит спрятал надежно.

Сегодня в последний раз перед отъездом говорил с Гедой.

Вот уже неделя, как я в Грузии.

Сегодня послал письмо Камарели.

14 апреля зайду к нему.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Торможение Земли

Камарели опубликовал дневник Каро, снабдив его подробным предисловием. В другое время, может, не поверили бы в прибытие на Землю существа с Марса и объявили бы «дневник» фантастическим измышлением. Однако сейчас страницы газет всего мира заполнены всевозможными выдержками из дневника. Европу и Америку буквально наводнили фотографии Камарели и Каро.

В Грузию приехало великое множество делегаций. Все, кто имел возможность, пытались собственными глазами увидеть прибывшее с Марса удивительное существо...

Камарели и Каро разработали общий план действий.

20 мая в Тбилиси открылся всемирный конгресс, на котором присутствовали представители всех стран.

Конгресс открыл Камарели. Первые же его слова были встречены бурей аплодисментов. Камарели коротко доложил конгрессу историю вопроса и предоставил слово «инженеру-марсианину, нашему дорогому гостю, главе обрэйнекспедиции Ленгору Каро».

В зале вновь раздался гром аплодисментов. А когда на трибуне появился одетый в необычное платье, сверкающий глазами Каро, делегаты конгресса были поражены.

В зале воцарилась тишина.

В наступившем безмолвии, словно в пустом сосуде, нагнеталось напряжение, и уже через секунду тишина взорвалась, как бомба. Яростные аплодисменты и крики пятисот делегатов сотрясли здание. В зале делегаты всех стран и наций праздновали общую радость. И для них это было сейчас не простым проявлением солидарности, это было чем-то новым и никогда еще не испытанным. Это были первые проблески интерпланетного союза.

— Я — представитель Санора, или, как вы называете, Марса, — обратился к конгрессу Каро, когда шум спал. — Меня уполномочили передать привет представителям общественности планеты Обры.

В зале вновь поднялась волна аплодисментов.

— Меня послала к вам моя страна, — продолжал Каро, — для совместных действий в минуту опасности.

Каро говорил низким голосом, со странным акцентом. Делегаты, затаив дыхание, ловили каждое его слово.

Затем слово взял американский делегат банкир Дингвей.

— Вопрос ясен. Всей нашей жизнью, всем нашим добром мы обязаны блестящему представителю марсианской науки, — решительно заявил Дингвей. — Он может диктовать нам любые условия, мы согласны на все. Готовы подчиниться, стать рабами, лишь бы сохранить жизнь. На повестке дня самый серьезный вопрос истории — сможем ли мы из-

бегнуть гибели, пусть даже ценой величайших жертв. И мы все в один голос заявляем посланцу Марса — делайте с нами, что хотите, но спасите, а тогда властвуйте. Не только водой, распоряжайтесь всеми богатствами нашей планеты, только вызвольте из беды. Считаю своим долгом выразить благодарность и тому государству, на земле которого происходит наше воскрешение из мертвых. Я говорю о Советском Союзе.

Заключительные слова Дингвея были встречены громом аплодисментов.

В поддержку американцу, словно соревнуясь, выступили представители «деловых кругов» Великобритании, Франции, Италии. Все они клялись в любви и верности Советскому Союзу.

Трудно было поверить в их искренность, и Камарели, глядя на эту демонстрацию, только удивлялся их лицемерию. Но сейчас надо было использовать все для создания могучего научного аппарата будущих работ.

Камарели коротко подвел итоги дискуссии и предложил голосованием принять резолюцию.

Конгресс, по предложению Каро, единогласно избрал инженера Г. Камарели главным руководителем работ по торможению Земли и предоставил ему все права.

Заседание закрылось в 11 часов вечера. В это время над дворцом появился залитый светом воздушный корабль — «Геда». На темном полотно безлунной ночи он сверкал, как сказочная птица, и казался огненным узором, вытканым на черном бархате. Корабль плавно опустился и застыл в воздухе перед дворцом. На специальный трап вышел командир корабля Бакур Шеварднадзе и пригласил в машину двадцать руководителей делегаций. «Геда», словно ракета, взвилась в воздух.

Корабль взял курс на Москву.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Кабинет Камарели

— Разрешите вас побеспокоить? — в дверях появился Каро.

— Прошу.

— Вы сейчас диктатор. Не просить должны, а приказывать, — с улыбкой сказал Каро и разложил на столе чертежи и таблицы.

— Моя власть не распространяется на вас, — шуткой же ответил Камарели, — вы подданный другой планеты.

— «Подданный» — слово, непонятное для марсиан, — заметил Каро.

— Извините, я хотел сказать — гражданин.

Камарели взял таблицу с рисунком и углубился в ее изучение: вокруг земного шара были нанесены пунктирные линии.

— Основные принципы плана воплощены в этой схеме, — сказал Каро и провел острием карандаша по одной из линий. — Это 60-я параллель северной широты. Она проходит через Ленинград. Все, что выше этой параллели, а также вся территория Земли от Южного полюса до 60-й южной параллели, нас не интересует. Между этими двумя линиями, то есть на 120° в обе стороны от линии экватора необходимо расположить могучее кольцо стальных установок для торможения.

— На какой наковальне можно выковать такой обруч?

— Да ведь он не будет сплошным! Надо изготовить сто шестьдесят восемь тормозов и прикрепить, как пуговицы, вокруг Земли. Посмотрите

внимательно на эти меридианы. На двадцати четырех меридианах, подобно клиньям, надо вогнать эти тормоза, по семь на каждом меридиане. Один на той точке, где меридиан пересекает линию экватора, три — по-
выше, до 60-й параллели северной широты, и три — внизу, до 60-й парал-
лели южной широты. Тормоза отдалены друг от друга на 20°

— Тормоза будут, конечно, действовать по принципу реактивного двигателя, — заметил Камарели.

— Вот именно. Тормоза будут глубоко вбиты в земную кору — и на суше и на дне океана — при помощи стальных свай. На верхних площадках тормозов установим башни, похожие на длинноствольные пушки, на каждом тормозе по двенадцать. Эти пушки будут заряжены не динамитом...

— Энергией атома, — вскрикнул Камарели.

— Освободив закованный в атоме ураган, мы получим огромную силу, которой можно будет взнуздать Землю или поднять ее на дыбы, — продолжал Каро. — Я должен извиниться перед вами, ибо не могу открыть секрет расщепления атома. Ученый совет моей страны решил пока принцип расщепления держать в тайне. Однако для вас это обстоятельство в данный момент не играет никакой роли: атомная энергия будет работать на вас так же, как если бы вы знали все ее секреты.

— От имени моей страны я искренне благодарю вас, — ответил Камарели. — Мы не будем злоупотреблять вашим расположением.

— Возможно, в недалеком будущем между нами установятся такие отношения, что и техника обеих планет составит одно целое. Пока же, говоря по-земному, это вопрос большой политики. Но вернемся к плану. Система тормозов должна быть готова к ноябрю. Осталось всего пять месяцев. Необходимо вовлечь в это дело металлургию всех стран. Вот планы и задачи отдельно для каждой страны, с обозначением главных заводов, — Каро передал Камарели несколько листов бумаги, испещренных диаграммами и цифрами.

Камарели просмотрел бумаги. Некоторое время он сидел в задумчивости. Его смущало большое число подводных тормозов.

— Наземных семьдесят три, а подводных девяносто пять, — наконец, нарушил молчание Камарели.

— Большое количество подводных тормозов, конечно, немного осложняет дело, так как повышение давления на поверхности океана вызовет ужасные штормы. Однако мы примем меры, о которых я уже говорил в своем выступлении.

— Какие меры вы подразумеваете, я что-то не могу припомнить?

— Взбаламученную воду надо срочно отнять у океана, чтобы волнение спало.

— Понимаю, — воскликнул Камарели. — Но надеюсь, перевозкой ее заниматься будем не мы.

— Конечно, это мы берем на себя.

— Волнение на море, видно, все же будет чувствительным, — сказал Камарели, поворачивая к себе глобус, — возникнет необходимость своевременно принять меры предосторожности. Плавание судов в ту пору надо довести до минимума.

— Согласен.

— Необходимо также соорудить дамбы для городов, лежащих близ пологих берегов, иначе разъяренное море смоев их с лица земли.

— Правильно.

— А каков будет эффект действующих на поверхности Земли тормозов?

— Можно ожидать возникновения зон землетрясения, — ответил

Каро, — и потому было бы хорошо на время эвакуировать население из опасных районов.

— А вдруг под колоссальной тяжестью обрушится земная кора и наше лекарство убьет больного прежде, чем он станет жертвой естественной смерти?

— Больше веры в науку, друг мой! — горячо возразил Каро. — В период выработки плана была учтена прочность земной коры. Не случайно приняты столь медленные темпы торможения — за целый год всего на три часа! К тому же вы допускаете одну ошибку: не все тормоза будут действовать одновременно. Хотя даже будь это так, и тогда ваши опасения необоснованы. Ибо действующая со всех сторон энергия не сможет повредить земную кору — вспомните хотя бы сжатое в кулаке яйцо. Работа тормозов будет, конечно, чувствительна для Земли, но не настолько, чтобы вызвать серьезные последствия.

— Я полностью удовлетворен, — словно подытожил Камарели. — Расчеты и выводы безошибочны, весь план очень гармоничен и последователен.

На следующий день Камарели уже принялся за исполнение своих обязанностей. В индустриальных гигантах Советского Союза, на заводах всего мира запылал раскаленный металл, началаськовка цепи, призванной пленить Землю.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

В ожидании катастрофы

Пять месяцев воздушный и морской флот всего мира непрерывно доставлял в заранее определенные пункты уже готовые части тормозов. Тело Земли словно ощерилось железными пиками. В неприступных горах взрывался динамит. Завеса копоти, застилавшая новообразовавшиеся овраги, прорезывалась потоками электрических лучей. Бороздящие воды океанов корабли, приближаясь к незнакомым островам с железными башнями, опасливо огибали их.

Земля готовилась к встрече со странником Вселенной. Каждое распоряжение Камарели исполнялось с рвением и усердием. Но все же заботы не в силах были развеять в сердцах людей подозрения и неверие. Кто слышал прежде о возможности торможения Земли? Может, Каро и Камарели просто хотят занять человечество детской игрой? Конечно, побуждение это благородное, но все же оно не в состоянии заглушить волну страха.

В конце августа Каро куда-то исчез. Камарели, оставшись один, не знал отдыха ни днем, ни ночью. Уподобившись секунданту на какой-то фантастической дуэли, он словно одевал своего рыцаря в броню, проверял его амуницию и с душевным трепетом ждал решающего часа. И хотя враг стремительно несся из бесконечности навстречу схватке, Камарели глубоко верил в победу.

15 ноября, когда все было готово, появился Каро. В 12 часов ночи на Дидубийском аэродроме опустился раунит. Каро носился на своей машине уже много дней от одного тормоза к другому, прилаживая к пушкам металлические с синим отливом коробочки. Со стороны, должно быть, казалось, что огромная неведомая птица кладет яйца в многочисленные гнезда... Эти коробочки были начинены той волшебной силой, которая должна была задержать стремительный бег Земли...

Семь тормозов каждого меридиана связывались между собой электрической проводкой. А у Тбилисского меридиана расположился главный штаб Управления тормозной системы, которым руководил Камарели.

Человечество нетерпеливо ждало дня включения тормозов — 24 ноября. Все хотели убедиться в реальном эффекте работы чудесной машины и более ясно представить себе возможный итог действия тормозов. Согласно плану, были приняты всевозможные меры предосторожности, но некоторые все же опасались, что взрыв дремлющего в синеватых коробках неизвестного вещества вызовет серьезные для жизни людей последствия.

23 ноября, в 10 часов вечера, Всесоюзное радио устроило последнюю проверку штабам меридианов. В час ночи Тбилисский меридиан, как первый в системе, должен был дать сигнал о начале работы (в первую очередь включались тормоза на меридианах от Тбилиси к востоку, до средней зоны Тихого океана).

24 ноября, ровно в 1 час ночи заработала система тормозов. И в то же мгновение Земля содрогнулась, задрезжала, словно треснутое стекло. Со всех сторон раздался ужасный гул, слышались громовые раскаты. И хлынул ливень, подхваченный порывами ветра.

— Что вы на это скажете? — пристально посмотрел Камарели на Каро.

— Пока что все идет нормально, — спокойно произнес Каро.

— Землю, не переставая, бьет озноб. Неужели это будет еще долго продолжаться? — вновь спросил Камарели.

— В зонах действующих меридианов ее кора все время будет так гудеть.

— Все меридианы — действующие.

— Нет, часть их отдыхает.

Камарели вновь забеспокоился.

— Если в течение целого года Землю будет так трясти лихорадка, то на что станет похоже ее лицо?

— Как говорится, не до жиру, быть бы живу. Кто станет плакать по волосам, коль уцелела голова. Пройдет время — и вырастет новая шевелюра, — улыбнулся Каро.

В это время обложенное тучами небо трижды потрясли громовые удары.

— Гром и молния в ноябре — редкое явление! — воскликнул Камарели. — По-видимому, в атмосфере собираются свободные электроны?

Ровно через час главный штаб получил первые известия. В Японии, Малой Азии и Калифорнии начались землетрясения. Австралии и Новой Гвинее грозит разбушевавшийся океан. Небывалый шторм ярится у берегов Китая, а севернее Филиппинских островов даже один тормоз уже накрыт гигантской волной и выведен из строя.

Сейсмографы всех стран отметили землетрясение огромного радиуса, однако малой силы. Подробные сообщения приходили в главный штаб через каждый час. Хотя землетрясения были небольшой силы, все же, благодаря непрерывному действию, они наносили огромный ущерб населению.

В 11 часов утра Тбилисский меридиан был выключен из действующей системы, и вскоре грохот утих.

В 12 часов ночи Каро и Камарели отправились на рауните проверить тормоза.

Обуреваемый любопытством, подымался Камарели на борт рауни-

та. Каро, не дав ему даже осмотреться, поспешно завел в одну из кабин. Усадив его в мягкое кресло, он предупредил, что во время полета необходимо крепко держаться руками за подлокотники. Затем Каро вышел из кабины, плотно притворив за собой дверь.

Камарели принялся рассматривать кабину. Здесь было всего одно круглое окошко с толстым, на редкость прозрачным стеклом. Не успел Камарели оглядеться, как что-то черное обволокло окно; в ту же минуту Камарели почувствовал толчок и с такой силой ушел в кресло, будто его придавили стопудовой гирей. Еще миг, и корабль, казалось, недвижно повис в воздухе. Камарели почувствовал себя таким легким, что не держись он крепко за ручки, пружины кресла подбросили бы его вверх. Это состояние длилось всего несколько минут, а затем могучая сила вновь придавила его к креслу... Корабль, видимо, остановился. В кабину заглянул Каро и попросил Камарели пойти за ним.

Камарели быстро поднялся, но тотчас почувствовал сильное головокружение.

Выйдя из раунита, он не поверил своим глазам: огромные волны с яростью обрушивали на берег клочья пены, брызги сверкали в лучах полуденного солнца. Они находились на острове. Камарели бывал на этом острове и раньше — здесь находился один из тормозов — иначе никто не смог бы его убедить, что это волны Тихого океана, а не Черного моря, — ведь немисливо преодолеть такое расстояние за несколько минут. Но вот на стене и номер башни — 75, а правее, словно наспех сколоченная эстрада, маленькие подмости на бетонных сваях. Именно на этом месте стоял Камарели месяц тому назад, прилетев на гидросамолете для проверки тормозов.

Камарели в один миг сообразил, что произошло.

Раунит, вылетев с Тбилисского аэродрома, взвился в стратосферу и в почти безвоздушном пространстве поглотил несколько десятков тысяч километров так, что пассажир не успел даже глазом моргнуть.

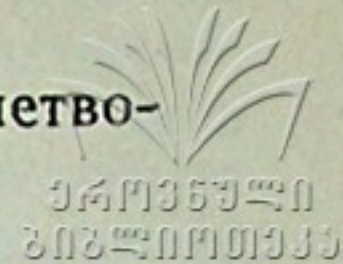
Камарели хорошо знал, что раунит — корабль для межпланетных путешествий, но одно дело знать, а другое убедиться воочию. Сейчас же он сам стал свидетелем стремительного полета раунита.

С площадки башни, где стоял Камарели, был хорошо виден океан, который бурлил и ярился, словно под ним пылал гигантский костер; волны величиной с гору с ревом шли друг на друга. Но что это? На гребнях волн качались невиданные черные шары. Океан был ими усеян до самого горизонта.

Откуда они взялись? Напоминая гигантские глобусы сказочных миров, кружатся они в океане. Камарели прищурился — не обман ли это зрения, может, всему виной плотный туман? Но нет — вот к башне подплыл один из шаров, и Камарели ясно различил на его поверхности шляпки гвоздей. Так откуда взялись эти огромные мячи диаметром с добрый километр? Неужели и это — дело рук человека? И все же Камарели не верил своим глазам. «Мираж, вызванный торможением Земли», — уговаривал он себя. Внимание Камарели привлек один из шаров. С быстротой, казалось, никак не соответствующей его величине, шар оторвался от воды и устремился ввысь. Вскоре он поднялся так высоко, что казался обыкновенным детским воздушным шариком. За ним последовал второй, третий. Через несколько минут целый рой их исчез в небесной выси.

Камарели обернулся к Каро. Тот стоял чуть поодаль и загадочно улыбался. Прислонившись к столбу, он с грустью следил за растворяющимися в пространстве шарами.

— Что это за шары? — спросил, недоумевающая, Камарели.
— Первый транспорт с водой отправился на Марс, — удовлетворил его любопытство Каро.

1933 год испуганными глазами робко взглянул на мир.

Взнузданная человеком планета мчалась извечным путем. Изумленная, взбешенная дерзкими ударами, она хлестала огненной лавой из тысячи вулканов, грозила волнами морей смыть все живое с лица Земли.

А человечество именно на эти удары и возлагало все свои надежды, нетерпеливо ожидая результатов наблюдений обсерватории. Однако из-за непрерывных колебаний земной коры телескопы не могли работать с той точностью, которая требовалась для обнаружения малейших изменений в скорости движения Земли.

Лишь подведя итоги наблюдений за полугодие, ученые смогли сделать некоторые заключения. Отдельные ученые, сомневаясь, достигнут ли желаемый эффект торможения, утверждали, что, мол, торможение происходит очень медленными темпами. По их расчетам, Земля к моменту встречи с Биэлой замедлит бег всего на 15 километров. А это, конечно, не сможет отвлечь столкновения. Но большинство ученых, напротив, расценивало полученные результаты весьма оптимистично.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

На 100%

Настал критический момент. Раненой птицей с подбитым крылом пронеслись знойные летние месяцы, и незаметно угасла золотая осень.

19 ноября телескопы поймали в небе новую планету, а на третий день люди уже невооруженным глазом могли увидеть на вечернем небе страшного гостя. Комета приближалась.

22 ноября, в 11 часов утра по распоряжению Камарели была выключена вся система тормозов. Содрогаясь, как сошедший с рельсов поезд, Земля вновь легла на свой обычный курс, и мгновенно смолк оглушающий грохот пушек. Ветер постепенно успокаивался, изнемогшие морские волны отступали от берегов.

Забрезжил рассвет 23 ноября.

Камарели опубликовал свои окончательные выводы. Он поздравил человечество с торжеством плана торможения Земли.

Манифест вызвал горькие улыбки на лицах скептиков. Если оправдается «предсказание» Камарели — честь ему и хвала. А если?.. Камарели нечего терять. Кто сможет разоблачить его после гибели Земли, когда не будет уже ни обвиняемого, ни обвинителей?..

Однако в 9 часов 45 минут вечера 25 ноября комета Биэлы пересекла земную орбиту на расстоянии в 10.000 километров от Земли и преспокойно продолжала полет в дальние просторы Вселенной.

Немедленно за этим радостным сообщением ТАСС из двух тысяч пушек двадцати четырех меридианов вырвались фонтаны красных и зеленых ракет. Доселе невиданная праздничная иллюминация, растянувшаяся на 10.000 километров, воистину способна была ослепить даже изумленные планеты и астероиды.

Реакция

Опасность миновала, и люди занялись своими делами. Освобожденный от страха человек мог вернуться к каждодневным заботам.

Но, надо сказать, что хотя Земля и вышла победительницей из смертельного поединка, победа эта стоила больших жертв. Как выяснилось, землетрясения, молнии и наводнения причинили многим странам огромный ущерб, было разрушено даже несколько городов.

Разъяренное море сорвало дамбы и потопило в портах множество кораблей. Кроме того, уровень морей понизился на три метра, что грозило мореплаванию большими бедствиями. Ряд портов стал недоступным для океанских судов. Вышли из строя также пристани для небольших кораблей почти во всех портах Земли. Все это сразу сказалося на состоянии торговли.

Некоторые газеты капиталистических стран связывали все бедствия с отправкой воды на Марс, хотя большинство ученых объясняло понижение уровня воды деформацией земной коры.

Англия, США и Япония подняли даже вопрос о созыве совещания для разрешения возникших экономических проблем.

Такая конференция представителей «свободного мира» открылась в Лондоне 27 февраля. В день открытия конференция послала Камарели приветственную телеграмму и сообщила, что по завершению работы его посетит в Тбилиси специальная информационная группа делегатов.

С самого начала работы конференции стало ясно, что нужно разрешить один-единственный вопрос — о дальнейших взаимоотношениях с Марсом. Однако, как заметили участники конференции, для этого капиталистическим странам необходимо будет пересмотреть их прежние отношения с Советским Союзом.

Конференция начала работу при закрытых дверях.

Первым выступил с докладом Макдональд.

— Понижение уровня морей прямо связано с отгрузкой воды на Марс. Мы допустили бы ошибку, — говорил докладчик, — объяснив этот факт деформацией земной поверхности, как пытаются убедить нас некоторые лица. Погружение некоторых частей суши в море вовсе не свидетельствует об общем понижении дна океана. Ведь если суша осела в одном месте, то в другом, напротив, образовались бы горы. На земной коре образуются складки, но это отнюдь не говорит о быстром изменении зеркала океана. Кто ознакомится с масштабами первой транспортировки воды на Марс... (Голос с места: «Что значит — первой? Разве ожидается и вторая?»). Да, нам известно из достоверных источников, что в скором времени ожидается отправка второго эшелона (С места: «Ого, вот что задумали!»). Повторяю, кто ознакомится с данными о количестве воды, которую отправили на Марс, тому станет ясной причина понижения уровня морей и океанов. У всех свежо в памяти сообщение британского адмиралтейства от 27 ноября 1932 года о катастрофе в Индийском океане. Как вы знаете, в тот день поблизости от Мадагаскара по неизвестным и сейчас причинам при странных обстоятельствах погиб британский крейсер «Асквит». Вот как описывает эту катастрофу адмирал Криг, который в то время находился на дредноуте «Гладстон» и командовал всей эскадрой:

«24 ноября мы вышли из Занзибарского порта, чтобы встретить

надвигающийся шторм в открытом море. 27 ноября в 11 часов утра мы обогнули восточные берега Мадагаскара. Шторм постепенно крепчал, и мы взяли курс на юго-восток. Был солнечный день. Вдруг в небе появились огромные черные шары. За несколько минут они заполнили все небо. Вокруг стало темно. Шары опускались на поверхность океана и медленно погружались в воду. Я, потеряв связь с вверенными мне кораблями, в течение трех часов наблюдал это непонятное явление. В два часа пополудни шары всплыли и неожиданно оторвались от воды. Когда мы восстановили связь с кораблями, то недосчитались крейсера «Асквит». Он утонул. Погибло 162 моряка...»

Господа! Мы переживали тогда такой период, что не обратили должного внимания на это сообщение.

Сейчас же прояснилось то «непонятное явление», которое погубило крейсер «Асквит». Нам известны не только колоссальные размеры посланных Марсом шаров, но и то, что такими гигантскими летающими резервуарами были усеяны также Атлантический и Тихий океаны. По нашим подсчетам, у Земли похищено около миллиона кубических километров воды. А подобная недостача воды должна была неминуемо, как утверждают ученые, привести именно к сегодняшним последствиям. Уровень морей понизился на три метра. Как видите, искать другие причины — напрасный труд. Марс, в результате только первой транспортировки, похитил у нас целое море, приблизительно равное Черному.

Открылась дискуссия.

Делегат США Дингвей вкрадчиво напомнил конференции слова марсианского инженера, сказанные на Тбилисском конгрессе, и ответ конгресса на его выступление. Инженер Каро говорил тогда о гармоническом разрешении вопросов, интересующих Землю и Марс. В этом он усматривал залог победы.

— Надежды,—с пафосом сказал Дингвей,—как видите, оправдались. Земля спасена от опасности, однако в «гармонию интересов» диссонансом врывается перспектива осушения нашей планеты. В ту страшную минуту мы готовы были пообещать блестящему представителю Марса даже больше того, что он просил, но сейчас одно воспоминание об этом вгоняет нас в краску. Сегодня вопрос стоит так: Марс вызволил Землю из когтей смерти не из чувства человеколюбия, а в собственных интересах. Мы можем даже ожидать от Марса попыток превратить нашу планету в колонию. Вполне возможно, что для колонизации Земли марсиане вздумают уничтожить нашу культуру, — думаю, их «внешняя» политика только вывозом воды не ограничится. Как должны мы ответить на удар Марса? Как защитить независимость? Вот кардинальный вопрос, который с особой остротой стоит перед нами. Я затрудняюсь дать на него исчерпывающий ответ, так как хорошо знаю, с какой мощью придется нам иметь дело, если столкновение станет неизбежным.

Слово взял делегат Франции — Бриан.

— Правда, мы обещали марсианскому инженеру поделиться некоторым количеством воды, но нельзя забывать и о мотивах, принудивших к этому мероприятию: для ликвидации морской бури, вызванной торможением Земли, нам предложили снять с океана верхний слой. Против подобной операции никто не возражал. Больше того, сейчас очевидно, что принятые меры помогли спасти значительную часть суши от наводнения. Но повторная транспортировка уже не может иметь оправдания. Напротив, ее надо расценивать как отступление от данного

инженером слова и как явный шаг к покорению нашей планеты. Будем надеяться, что слухи о новой переброске воды лишены всяких оснований... осно-
24135720
313 3000333

После горячей дискуссии конференция избрала делегацию, которой было поручено подробно проинформировать Камарели и попытаться договориться с Каро.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Два лагеря

Мартовское небо забавляется игрой с солнцем: то, укрывая одеялом из белого шелкового тумана, убаюкивает его в голубой колыбели, то наряжает в синее платье и ведет, словно ребенка, по газонам облаков, то набрасывает на плечи его черную бурку и прячет, как похищенную красавицу, в чаще дождевых туч.

Поэтому улицы Тбилиси то утопают в слякоти, то прихорашиваются под лучами солнца. Порой город как будто беспричинно улыбается, порой так же беспричинно хмурится.

Моросит дождь.

Гурген Камарели ждет в своем кабинете чужестранных гостей. Он просматривает английские газеты. Сообщения о Лондонской конференции шипами вонзаются в сердце инженера.

Революция вселила в душу Камарели высокие идеалы, именно она свела его с прилетевшим из недостижимого далека гением, этим живым воплощением благородных помыслов и мечтаний человечества. Она распахнула дверь в прекрасное будущее и показала всему миру покоряющую силу борьбы.

В груди Камарели горит светоч веры в науку, любовь, радость. Никто не погасит его энтузиазма. Камарели полон решимости, непоколебимости, непримиримости. Каждая клеточка его души полна энергией творчества. Из дали-дальней смотрит на него Гада Нуавэ — добрый ангел Земли и факел грядущих веков. Ему видится вся Земля, одетая в революционные знамена и прокладывающая себе дорогу в будущее.

Какая сила может остановить это движение?!

Залитая слезами улица хмурилась. Вдруг из-за туч выглянуло солнце, и слезы засверкали бриллиантами. По городу разлился свет. Казалось, светится сам воздух. Но еще минута, и солнце вновь опустило глаза.

По улице Чавчавадзе бесшумно скользнул автомобиль. Завернув за угол, он остановился у дома Камарели. Из машины выпрыгнул Бакур Шеварднадзе. За ним не спеша следовали члены делегации Лондонской конференции — Макдональд, Бриан и Дингвей.

Шеварднадзе провел их к Камарели.

После первых приветствий глава делегации Макдональд обратился к грузинскому инженеру с краткой речью.

— Мне выпало счастье, — начал он, — именем цивилизации приветствовать вас и передать сердечное спасибо людей всех стран. Ваш гений, вдохновленный революционным взлетом, спас человечество от несчастья, не имеющего прообразов в истории, и мир не счел бы себя достойным спасения, если бы позабыл увековечить ваш подвиг. Мне особенно приятно сказать вам об этом, ибо вся моя жизнь — жизнь

предпринимателя — есть неустанное служение рабочим, к чьей великой творческой энергии приобщились и вы. От всей души благодарим вас, дорогой инженер Камарели. Нет, мы никогда не забудем, что гениальная идея спасения Земли зародилась в вашей стране. Зерна великой идеи упали на животворную почву, — Макдональд склонил голову и лицемерно прижал к груди правую руку.

Бриан кашлянул, как бы прочищая горло, и выступил вперед.

— Я хочу добавить пару слов к высказываниям главы нашей делегации, — он кивнул головой Макдональду и затем с деланным пафосом обратился к Камарели: — Вы спасли земной шар от неизбежной гибели. По достоинству оценить ваши заслуги человечество просто не в силах. Но избавленные от угрозы смерти люди должны продолжать жить и трудиться. В этой связи я хочу обратить ваше внимание на тот экономический хаос, в который повергло все страны ожидание катастрофы. Понадобится немалый труд для восстановления прежнего положения. Наш союз должен быть скреплен дружбой, мы должны стать на путь сотрудничества и общими усилиями навести порядок в хозяйстве. Да не испугает нас то обстоятельство, что Советский Союз и капиталистические страны зиждятся на разных экономических основах. Ведь это не мешало нам совместно претворить в жизнь грандиозный план торможения Земли. Мы пришли к вам с предложением дружбы и сотрудничества...

После недолгой паузы Камарели сказал:

— Я, конечно, благодарен за столь высокую оценку моего труда. Однако для меня было бы важнее получить от вас, прежде всего, более подробную информацию о Лондонской конференции. Газеты не освещали закрытых заседаний, но по имеющимся сведениям там господствовал совершенно иной дух, другое настроение. А ваши сегодняшние заявления отражают дух Тбилисской конференции, от которой Лондон отказался и которую постарался предать забвению.

Бриан бросил быстрый взгляд на Макдональда.

— Нас послала к вам Лондонская конференция, — заговорил Макдональд, закручивая длинные усы, — и это значит, что наше заявление полностью соответствует решениям конференции. Не скрою, в работе конференции возникли критические моменты, однако они были вызваны лишь остротой нынешнего положения. Что касается пути, намеченного Тбилисской конференцией, то мы категорически заявляем: Лондон не только не отклонился от него, но, напротив, неукоснительно следовал решениям Тбилисской конференции, о чем говорит и принятая нами резолюция.

— Я хочу до конца быть искренним с вами, — снова заговорил Бриан, вскочив с кресла, — поэтому, не скрывая, изложу все, что заставляет нас задуматься. Мы как-нибудь залечим раны, все же нанесенные отведенной опасностью.

— Прошу прощения, но должен вас прервать, — сказал Камарели, хмурия брови. — Мы убеждены, что для прогресса человечества история никогда еще не работала в таком могучем темпе, как сегодня.

— Не надо смешивать в одном котле вчерашнее и сегодняшнее, — ответил Бриан. — Вчера для нас были предельно ясны взаимоотношения действующих сил, и мы могли взвесить и ограничить их мощь. Сегодня лишь вы можете пролить свет на все сомнения, и мы надеемся, что вы повлияете на новый фактор истории.

Бриан сел.

— Вам хорошо известно, о каком факторе идет речь, — добавил Макдональд. — Это третья сила. О ней мы почти ничего не знаем;

кроме, пожалуй, того, что среди движущих сил нашей истории она, возможно, станет величайшей и значительнейшей.

— Вот, наконец-то вы ухватились за главное, — иронически улыбнулся Камарели. — А все разговоры о заслугах и т. д. были лишь поэтическим вступлением. Я удовлетворяю вашу просьбу и попытаюсь воздействовать на этот фактор.

— Нас интересует, — вновь заговорил Дингвей, — станут ли марсиане вмешиваться в нашу жизнь?

— Без нашего согласия марсиане не будут вмешиваться в земные дела, — твердо ответил Камарели.

— А кто будет представлять наши интересы? — спросил Бриан.

— Об этом надо договориться.

— Ходят слухи об отправке второго транспорта с водой. Насколько это верно? — спросил Макдональд.

— Вполне может быть, что отправят и второй и третий, — отпарировал Камарели. — Воды у нас много. Во всяком случае, бояться нечего: Марс настолько «богат», что от «торговли» с ним мы не останемся в убытке.

Члены делегации растерялись.

Макдональд нервно теребил усы. Бриан принялся так усиленно моргать, словно в глаза ему попала соринка. На лбу Дингвея заблестели капли пота. И вдруг все трое заговорили в один голос:

— Надо срочно повидаться с инженером Каро... Просим вас устроить нам встречу...

— Сегодня Каро здесь нет. Завтра в 12 часов он приедет. Я передам вашу просьбу. Ответ сообщу.

Члены делегации попрощались с Камарели и вышли.

— Если слова Камарели о невмешательстве марсиан в дела Земли соответствуют действительности, то главное препятствие снимается с повестки дня, — уже в машине радостно зашептал Бриан.

— Я думаю, Камарели не стал бы утверждать так категорически, если бы сомневался в нейтральности марсиан, — ответил Макдональд, — тем более, что говорил он, как видно, со слов Каро.

— В таком случае, удивительно его простосердечие, — заметил Дингвей. — Сколько бы мы ни говорили о союзе и дружбе, пропасть невозможно заполнить сладкими речами. Камарели хорошо понимает неизбежность борьбы, и я просто не могу постигнуть, почему он ослабляет свои позиции подобными откровенными заявлениями.

— Может, он просто уверен в своих словах, рассчитывая на летаргин, — проворчал Бриан. — Но летаргин действительно представляет собой большую силу.

Бриан и прежде видел огромное превосходство советской авиации, однако напуганный страшной мощью раунита, не обратил тогда на «Геду» должного внимания. Сейчас же, когда страх перед раунитом чуть отступил, тайна «Геды» вновь завладела им. На сколько миль распространяется сила летаргина? Каким расстоянием ограничен радиус действия «Геды» в предстоящих воздушных сражениях? Пока мы не получим ответа на эти вопросы, трудно рассчитать нормальное соотношение сил.

— Как вы думаете, — нарушил молчание Бриан, — какова была зона действия «Геды» до торможения Земли?

— В 1932 году, после закрытия Тбилисского конгресса, — сказал Дингвей, — главы делегаций летали на «Геде» из Тбилиси в Москву и Ленинград. Возвращались мы по линии Харьков — Баку. Я хорошо

помню, тогда зона летаргина не была проведена к польской границе. Сейчас же, если не по всей территории Советского Союза, то по крайней мере до его западных границ воздух насыщен летаргином.

— У меня имеются сведения, — вставил Бриан, — что в Белоруссии сооружены три электростанции огромной мощности. Их энергия намного превосходит потребности местной промышленности.

— Можно предположить, у станций другое назначение, — заметил Макдональд, — они, по всей вероятности, вырабатывают летаргин.

— И меня это беспокоит, — сказал Бриан, — может, уже до Варшавы дошли волны летаргина, вырабатываемого новыми станциями. Ведь мы не можем фиксировать наличие летаргина в воздухе.

— Все это только лишней раз подтверждает необходимость быстрого претворения в жизнь нашего плана, — заключил Дингвей и открыл дверцу автомобиля, остановившегося перед гостиницей.

Окончание следует

Георгий Мазурин

НОВЫЕ СТИХИ

* * *

Пока в плечах крутая сила
И кровь красна и солоня,
Хочу, чтоб тяжело носила
Меня родная сторона,
Хочу ходить высоко в горы
И солнце пробовать на вкус,
И в небе радуги, к которой
Я с детских лет рукой тянусь,
Хочу ходить в степях широких,
Чтоб ветры прямо в душу шли,
Морей прозрачных и глубоких
От зорких маяков вдали,
И женщин добрых и жестоких,
Весенний хмель моей земли;
И все начала, все истоки,
Чтобы меня питать могли, —
И жизнь
 с меня
 тогда пусть спросит
(в такой-то день, в такой-то год!)
И моя вызревшая осень
Отдаст земле
 свой спелый плод!

* * *

Поезд дальнего пути
Общий жесткий вагон,
Ты стучи, ты гуди, ты лети,
И гляжу я, гляжу в окно:
Это
 небо втекает в Амур,
Потому такая река.
Это
 словно огромный омар —
Пень плывет к нам издалека.

Забываюсь, гляжу в окно,
Все, как будто споткнувшись, летит.
Ах, прикованный к рельсам вагон,
Нам с тобой от себя не уйти...

В ОЧЕРЕДИ ЗА ГАЗЕТОЙ

Весенний дождь играл то в чет, то в нечет.
Киоск сзывал на утреннее вече.

И, словно тяжело груженные возы,
качались спины, плечи, картузы.

Передо мной стоял старик седой,
закрыв полнеба согнутой спиной.

А дождь весенний что-то пел и бредил,
прохладил шею из багровой меди,

и скулы, что в окалину одеты,
и пальцы сильные, сжимавшие монеты.

Вот он газету взял и развернул ее, —
там клокотало и гудело бытие,

и были точные описаны орбиты,
и были скобки прошлого раскрыты...

Старик читал. Старик внимательно молчал.
Старик
движению истории внимал.

И. В. Тюленев,
генерал армии

Битва за Кавказ

Из книги «Через три войны»

Окончание

В сентябре я снова выехал в штаб 46-й армии, чтобы помочь наладить обеспечение войск, действующих на перевалах, необходимыми средствами.

Передо мной на столе в штабе лежала карта, сплошь окрашенная в коричневую краску — условный цвет горных кряжей. Мы с генералом Леселидзе искали пути подвоза питания отрядам на перевалы. Здесь же с нами было двое летчиков «ПО-2».

— Позвольте мне, — попросил пилот Примов, — я найду посадочную площадку, и мы самолетами будем доставлять отрядам боепитание и продовольствие.

Я дал согласие. И вот в сторону перевалов улетели в разведку летчики Примов и Мариненко. Первая попытка ни к чему не привела, вторая — тоже. Только на третий раз сумел Мариненко перетянуть свой самолет через острозубую, увенчанную ледником гору.

Несколько дней Примов и Мариненко были как бы проводниками, показывали остальным пилотам открытые ими аэродромы. Потом все привыкли. Начальник штаба армии составил расписание полетов. На посадочные площадки назначили комендантов — и пошла совсем нормальная жизнь. Днем и ночью летали «ПО-2». Днем и ночью доставляли они продукты, боеприпасы, медикаменты, эвакуировали раненых...

Жестокий бой гремел на высоте в три с лишним тысячи метров. Днем и ночью, девять суток кряду! Баварцам мерещились мандариновые сады, а им уготовили... пропасть.

На перевалы для руководства боевыми действиями выехал член Военного Совета фронта А. Саджая. Вот что он передавал оттуда:

«Немцы занимают район вблизи Эльбруса. С виду местность неказистая и даже очень непривлекательная. Шпалеобразная крутая громада хребта вся в снегу. Слева примыкает ледник. Взобравшись сюда, немцы перерезали единственную тропу к перевалу «Приют одиннадцати», как на ладони, видели все наши действия и непрерывно угрожали фланговым ударом.

К тому же враг постарался хорошо укрепиться — через каждые

25 — 30 метров выставил автоматчиков, через каждые 100 — 150 метров — организовал узлы сопротивления со станковыми пулеметами, расположенные ярусами, один над другим. Между собой узлы сопротивления были связаны по радио.

К этим опорным пунктам на высокогорных перевалах можно продвигаться с трудом, в один след, пробитый вожаком. Оступишься, чуть пойдешь вправо или влево — шагаешь в пустоту...»

Но все это не устрасило советских воинов. Три наших отряда, каждый в полтора — два взвода, со станковыми пулеметами наступали на перевал справа, с центра, слева, штурмовали в лоб. Пятнадцать солдат-альпинистов пробирались с северо-востока, чтобы перерезать трою и не дать гитлеровцам уйти. Бойцы медленно продвигались вперед. Передние вбивали в скалу клинья, цепляясь металлическими кошками, остальные подтягивались на веревках. Наконец, до противника осталось не более 100 метров. В ход пошли два главных вида оружия ближнего горного боя — гранаты и камни. С быстротой молнии летит брошенный сверху камень, увлекает за собой второй, третий, а секунду-другую спустя с треском, с невероятной скоростью несется лавина, сшибая все на своем пути.

В кровопролитных боях, продолжавшихся до октября 1942 года, войска Закавказского фронта, действуя в условиях высокогорной местности, остановили наступление противника, нанесли ему тяжелые потери и, отбросив его на северные склоны перевалов, заставили отказаться от наступательных действий и на этом участке фронта. Была создана устойчивая оборона на всех перевалах.

Многодневные бои на перевалах показали, что непроходимых горных рубежей нет и не бывает. Всякий рубеж, если он не подготовлен по-настоящему к обороне и не защищается войсками, может быть захвачен противником. Горные условия местности, несомненно, создают известные трудности для действий войск. Но эти трудности всегда преодолимы, если боевые действия организуются со знанием дела.

Еще Ф. Энгельс, исследуя вопросы горной войны, указывал, что оборона в горах не должна быть пассивной. Она должна черпать свою силу в подвижности, и всюду, где представляется случай, надо действовать наступательно. Совершенно ясно, что такая оборона требует глубоко продуманного плана и энергичных опытных командиров-исполнителей, так как в этих случаях инициатива и находчивость отдельных командиров часто решают исход боя.

Несмотря на выгоднейшую обстановку, немецко-фашистские горные войска, так и не сумев прорваться к побережью Черного моря, вынуждены были отказаться от наступательных операций и перейти к обороне.

На эльбрусском направлении части 1-й немецкой горной дивизии под ударами наших войск оставили несколько перевалов, бежали на северные склоны хребта и оставались там до января 1943 года.

На Клухорско-Марухском участке немецко-фашистские войска крупными силами стремились прорваться к Сухуми, но, так же как и под Эльбрусом, были опрокинуты контратаками наших войск и, оставив перевалы, отошли на северные их склоны.

Весьма интенсивные боевые действия происходили на перевале Санчаро. Это направление выводило гитлеровские войска наикратчайшим путем к району Гудаута — Гагра. Здесь сотни раз немецкие оккупанты бросались в атаку, стремясь проникнуть к берегам Черного моря, и каждый раз с большими потерями отбрасывались нашей сводной группой в исходное положение.

Особо ожесточенный бой велся за селение Псху, которое немецко-фашистские войска первоначально захватили и превратили в свою основную базу боевых действий на южных склонах хребта.

Одно время на санчарском направлении немецко-фашистским частям удалось даже достигнуть района, удаленного всего лишь на 25 км от Гудаута. Однако удержаться им здесь долго не удалось. Контратаками группы

полковника Пияшева их основные силы были разгромлены, а остатки отброшены далеко за перевалы хребта.

В других районах гитлеровцы проявляли также большую активность, стремясь прорваться к морю и перерезать рокадную магистраль, связывающую Закавказский фронт с Черноморской группой войск. Но и там все попытки врага были тщетными.

Так, в октябре 1942 года на всех перевалах Кавказского хребта была ликвидирована угроза немецко-фашистского наступления.

«ГОРЫ» И «МОРЕ»

Учитывая сложившуюся обстановку на фронтах Великой Отечественной войны и, главным образом, успешные наступательные действия наших войск под Сталинградом и на реке Терек, я в конце декабря 1942 года направил в Ставку Верховного Главного Командования план наступления Черноморской группы войск. Этим планом намечалось начать наступление с 3 января 1943 года частями 46-й армии на майкопском направлении с задачей освободить Майкоп, выйти в долину северных отрогов Кавказского хребта и там соединиться с наступающими войсками группы генерала И. И. Масленникова. С целью обеспечения основного удара на Майкоп предусматривались также вспомогательные удары 18-й и 47-й армий, чтобы сковать противника на всем фронте и замаскировать наши основные боевые действия. Возможности для выполнения этой операции у Черноморской группы войск имелись.

29 декабря из Ставки Верховного Главного Командования на посланный мною план я получил ответ следующего содержания:

«Наступление Черноморской группы на майкопском направлении Ставка временно отменяет.

Вам надо срочно подготовить и провести наступление на краснодарском направлении с тем, чтобы прорвать фронт обороны немцев и, наступая через Краснодар, перерезать железную дорогу в районе Тихорецкая, тем самым отрезать пути отхода кавказской группировки противника.

Одновременно Вам нужно нанести вспомогательный удар в обход Новороссийска и при благоприятной обстановке занять Новороссийск, а в дальнейшем иметь в виду захват Таманского полуострова.

Для проведения такой операции Черноморской группе сил и средств в настоящее время недостаточно. Ставка предлагает перебросить из состава Северной группы 10-й гвардейский стрелковый корпус, две стрелковые дивизии из 58-й армии и одну стрелковую дивизию из 46-й армии. Всего — стрелковый корпус, три стрелковых дивизии и три танковых полка из резерва Ставки.

План проведения Краснодарской операции представить шифром в Ставку 30.12.42 г.»

Получив ответ Ставки, мы с командующим Черноморской группой Иваном Ефимовичем Петровым крепко призадумались. Но время не терпит, сидеть сложа руки нельзя, и началось то, что мы с Петровым называли «вариантной лихорадкой». Вариант за вариантом выдвигался то мной, то Иваном Ефимовичем, и после горячего обсуждения браковался. Все они и с военно-теоретической и с практической точки зрения оказывались нереальными.

Ставка поставила нам трудную задачу. Требовалось в предельно короткий срок прорвать сильно укрепленную оборону противника; выделив из состава Черноморской группы мощную колонну войск, бросить ее на Тихорецкую и Батайск, отрезав врагу пути отступления на Таманский полуостров. Цель, выраженная в директиве Ставки, была ясна: с выходом на Батайск мы ставили противника в безвыходное положение, при котором его полный крах на Кавказе был неминуем.

Но при осуществлении плана мы должны были неминуемо столкнуться с целым рядом препятствий. Одно из них — это сам район предстоя-

щих боевых действий, отроги Главного Кавказского хребта. Наступать надо было в самое неблагоприятное на юге время года, когда температура на побережье плюсовая, а в горах доходит до $-15 - 20^{\circ}$. В этот период и без того почти непроходимые отроги хребта покрыты глубоким снежным покровом. А отсутствие дорог для подвоза боепитания и продовольствия? Строительство их требовало большого количества дорожных и инженерных батальонов, а их на фронте были считанные единицы. Да и вряд ли они сумеют в короткий срок подготовить район боевых действий к наступательным операциям наших войск.

Трудность номер два. Черноморская группа располагала недостаточными силами и средствами для такой грандиозной операции. Правда, Ставка приказывала произвести переброску войск из района Орджоникидзе, но для этого требовалось много времени. К тому же перегруппировка войск с одного фланга на другой могла осуществиться только комбинированным путем: до порта Поти по железной дороге, а затем — морем.

Командующий Черноморской группой Иван Ефимович Петров, талантливый, всесторонне развитый военачальник, преодолевший немало трудностей при героической обороне Одессы и Севастополя, признавался:

— Приходилось мне разгрызать крепкий орешек в Крыму, но то, что нам предстоит ныне, куда покрепче!

Но директива Верховного Главнокомандования — не предмет дискуссии, и я счел все же нужным успокоить его:

— Не так уж страшен черт, как его малюют! Выдюжим, Иван Ефимович. Давай еще раз обмозгуем план операции, прикинем, какую помощь нам может оказать Черноморский флот.

Обсуждение в штабе заканчивалось тем, что мы садились в вездеход и выезжали на рекогносцировку местности. Уж на что вынослив вездеход, но и он с трудом преодолевал лишней десяток метров до перевала: подъемы и спуски обледенели, снежный покров — в два метра. И по этой дьявольской дороге надо пропустить колонну пехоты, артиллерию.

А на следующий день мы уже разведали дорогу на другом направлении — горячеключевском. Она также оказалась непригодной для продвижения большой массы войск.

— Сколько же дней потребуется на расширение этой и прокладку новых дорог? — спросил Петров.

— Ни одного лишнего, — ответил я. — Торопись, Иван Ефимович. Дай задание своим дорожникам, пусть проявят чудеса расторопности и смекалки. Без дороги, проходимой для артиллерии и автотранспорта, нам нечего и думать о наступлении. Придется организовать перевалочные станции, наладить диспетчерскую службу.

Вернувшись в штаб, я позвонил И. В. Сталину, доложил о том, что дала рекогносцировка на лазаревско-майкопском и горячеключевском-краснодарском направлениях.

Краснодарский вариант, предложенный Ставкой, вступил в силу...

В соответствии с ним штаб Черноморской группы и Закавказского фронта срочно разработали план наступления на краснодарском направлении, который состоял из двух частей (операций) — «Горы» и «Море».

Операция «Горы» предусматривала прорыв вражеской обороны в районе Горячего Ключа и с выходом на Кубань — занятие Краснодара. Но, как указывала Ставка, Краснодар — не конечная цель наступления. Отрезав пути отхода кавказской группировки противника на Ростов, Ейск, наши войска должны были овладеть Тихорецкой и Батайском. Этим завершалась операция «Горы».

Решив план наступления с суши, мы взялись за уточнение тактической операции с моря. Ее замысел предусматривал наступление левофланговых войск 47-й армии. С выходом наших сухопутных частей на заранее указанный рубеж, Черноморский флот должен был высадить морской десант в район Южная Озерейка и совместным с пехотинцами ударом разгромить немцев у Новороссийска, овладеть портом и городом.

Чтобы дезориентировать врага в отношении места высадки, морские патрули получили задачу демонстрировать высадку в районе Анапы.

Руководство десантом возлагалось на вице-адмирала Ф. С. Октябрьского. Опытный флотоводец, Октябрьский приобрел немалый опыт взаимодействия флота с сухопутными частями при обороне Севастополя. И, надо сказать, десантная операция в районе Озерейка — Станичка была разработана тщательно.

Но плавучих средств для обеспечения десанта было недостаточно. Поэтому пришлось, скрепя сердце, идти на высадку в два захода, понимая, что это лишает удар стремительности и внезапности.

В случае неудачи с десантом в районе Южная Озерейка мы с Октябрьским наметили второй, засекреченный пункт высадки — Станичку.

В процессе подготовки этого плана были отменены ранее отданные директивы. Армии Черноморской группы готовились к наступлению. Для перегруппировки войск мы привлекли флот, железнодорожный и автомобильный транспорт, которые непрерывно перевозили войска, вооружение, подбрасывали боеприпасы и продовольствие на групповые и армейские базы. Было издано специальное постановление Военного Совета Черноморской группы об улучшении дорожной сети в районах Лазаревское, Тубы, Гожет, Фанагорийское, Ставропольская, Дефановка, Геленджик, Шапсугская, Кабардинка. В этих районах создавались базы для питания войск группы боеприпасами, продовольствием и горючим.

Для улучшения руководства перегруппировкой войск и наступательными действиями была создана оперативная группа из штаба Черноморской группы в районе Джубга — Бжидский, которая в последующем, образуя первый эшелон штаба, перешла в Марьину Рошу.

Верховный Главнокомандующий, ознакомившись с представленным планом наступательной операции Черноморской группы войск Закавказского фронта на краснодарском направлении, 4 января 1943 года в директиве № 30003 писал:

«Противник отходит с Северного Кавказа, сжигая склады и взрывая дороги. Группа Масленникова — Северная группа войск Закавказского фронта, — наступавшая с рубежа Моздок, Алагир на Армавир, Тихорецкая, превращается в резервную группу, имеющую задачу легкого преследования противника

Нам невыгодно выталкивать противника с Северного Кавказа. Нам выгодно задержать его с тем, чтобы ударом со стороны Черноморской группы войск осуществить его окружение. В силу этого центр тяжести операций Закавказского фронта перемещается в район действий Черноморской группы, чего не понимают ни Масленников, ни Петров.

Первая задача Черноморской группы войск — выйти в район Тихорецкая и помешать таким образом противнику вывести свою технику на запад. Эта же задача была поставлена 51-й армии левого крыла Южного фронта».

Вторая главная задача, говорилось далее в директиве Верховного Главнокомандующего, состоит в том, чтобы выделить мощную колонну войск из состава Черноморской группы, занять Батайск, Азов, ворваться в Ростов с востока и закупорить таким образом северо-кавказскую группировку противника с целью взять ее в плен или уничтожить.

Для выполнения этой задачи левый фланг Южного фронта должен был наносить удар севернее Ростова в западном направлении.

Верховный Главнокомандующий отдал мне распоряжение:

«Прикажите Петрову, чтобы он начал свое выступление в срок, не оттягивая это дело ни на час, не дожидаясь подхода резервов». И далее:

«Вы немедленно выезжайте в Черноморскую группу войск и обеспечьте выполнение настоящих указаний».

* * *

Противник на всем фронте Черноморской группы в декабре продолжал укрепляться. Но с 5 января 1943 года положение изменилось. Немец-

кие части стали оставлять перевалы Главного Кавказского хребта, чтобы усилить оборону на краснодарском направлении.

Войска Северной группы, развивая наступление по всему фронту, к 10 января овладели Воронцово-Александровским, Солдатско-Александровским и вышли на рубеж рек Куба, Золка, Малка.

В 9 часов утра 11 января 1943 года с рубежа Церковный, высота 509,9, в общем направлении на Самурскую, перешла в наступление 31-я стрелковая дивизия 46-й армии. Ее поддерживали шесть горно-вьючных и три 107-мм батареи, имеющие по два орудия в батарее. Остальная часть артиллерии левого фланга 46-й армии: пять батарей 9-й горно-стрелковой дивизии, 193-й гвардейский минометный полк и гвардейский минометный дивизион в бою участия не принимали, так как, ввиду плохой погоды, не могли занять огневых позиций.

Погода, если можно так выразиться, играла на руку врагу. 10, 11 и 12 января непрерывно шли дожди с мелким снегом, дороги стали совершенно не проходимыми для всех видов транспорта. Части армии испытывали недостатки в боеприпасах и продовольствии.

Поэтому уже на следующий день противник, сосредоточив до двух батальонов пехоты в районе Черниговский — Измайловский, сам перешел в контрнаступление и снова оседлал высоту 509,9, которую несколько дней назад с таким трудом штурмом взяли два батальона 248-го стрелкового полка 31-й дивизии.

Наступление 46-й армии с 11 по 15 января на самурско-апшеронском направлении имело своей целью ввести противника в заблуждение и отвлечь его внимание от готовившейся главной операции на краснодарском направлении, прорвать его оборону на рубеже Армянское — Черниговский — гора Оплепен, выйти в долину реки Пшеха для развития в последующем наступления на Апшеронский и Майкоп. Но исключительно неблагоприятные метеорологические условия, сложный рельеф местности, недостатки организации взаимодействия и огневой поддержки наступающих частей 46-й армии артиллерией и авиацией, как я уже сказал, сыграли на руку противнику, дали ему возможность затормозить наше наступление.

Другая наша армия, 47-я, с той же целью — скрыть готовившийся удар на краснодарском направлении — в полдень 12 января атаковала немцев, оборонявших район Ахтырская — Абинская. Натолкнувшись на упорное сопротивление, брошенные в наступление полки на отдельных участках продвинулись на 300—500 метров, а местами даже вели бой только за передний край.

Крайне медленно, из-за непрерывных снежных заносов, вела наступление и 18-я армия; в горах сугробы доходили до полутора метров. Лишь два дня спустя части армии овладели перевалом и 17 января вышли на рубеж — гора Гунай.

Зато на главном направлении войска 56 армии прорвали немецкую оборону. За три дня, преодолевая огневое сопротивление и отражая контратаки противника, они продвинулись на 20 километров.

Выходом частей 46-й и 18-й армий в район Апшеронский — Хадыженская, собственно, и закончился первый этап наступательной операции основных сил Черноморской группы.

В следующие дни, несмотря на трудности, войска правого фланга и центра Черноморской группы, блокируя гарнизоны противника, продолжали отбрасывать его в северном направлении, идя на соединение с группой войск генерала Масленникова.

24 января 1943 года Ставка Верховного Главного Командования образовала из Северной группы войск Северо-Кавказский фронт с непосредственным подчинением Ставке. В составе Закавказского фронта теперь оставалась Черноморская группа и войска, прикрывавшие побережье, турецкую и ирано-советскую границы.

...Черноморская группа войск продолжала наступать.

Немцы с ожесточенными боями отходили на север и северо-запад. На краснодарском направлении враг сильными контратаками стремился восстановить потерянные позиции, а на новороссийском — укреплял оборону.

Одновременно он производил общую перегруппировку сил по фронту и подтягивал новые части.

И все же к концу января войска Черноморской группы, ломая упорное сопротивление противника, своим правым флангом сомкнулись с левым флангом 37-й армии Северо-Кавказского фронта.

В двухнедельных наступательных боях Черноморская группа нанесла значительное поражение противнику. По неполным данным, за указанный срок было захвачено и уничтожено 25 тысяч солдат и офицеров, 200 орудий, до 400 минометов, 300 пулеметов, 500 автомашин, 64 самолета и много другой военной техники.

* * *

По операции «Море» главная задача возлагалась на 47-ю армию, которая во взаимодействии с Черноморским флотом должна была прорвать оборонительную полосу противника на участке — высота 424,5 — гора Сахарная Головка и, нанося удар, с последующим вводом в бой группы Гордеева (морской десант: 83-я и 255-я мотострелковые бригады, отдельный пулеметный батальон и отдельный танковый батальон), овладеть городом Новороссийск. Таким образом создавались условия для дальнейших действий армии по захвату Таманского полуострова.

Начало наступления планировалось на 1 февраля. К исходу недели мы должны были овладеть районом Новороссийска.

1 февраля части левого крыла 47-й армии (группа войск генерал-майора Гречкина) после пятичасовой артиллерийской подготовки в 13.00 перешли в наступление, и, преодолевая упорное огневое сопротивление, отражая контратаки противника, на отдельных направлениях продвинулись на 200 — 500 метров от переднего края. На следующий день в шесть часов утра ударная группа возобновила наступление. Однако из-за плохой видимости, артиллерия не могла поддержать наступающих огнем, поэтому общее наступление пришлось приостановить. Но отдельные штурмовые группы в течение короткого февральского дня продолжали блокировать огневые точки и разрушать проволочные заграждения противника.

3 февраля войска группы Гречкина вели ожесточенные рукопашные бои с переходившим в контратаку противником на новороссийском направлении. А тем временем группа Гордеева произвела посадку на боевые и транспортные суда в порту Геленджик (83-я мотострелковая бригада — в Туапсе) и вышли к району высадки.

Ночью 4 февраля первый эшелон морского десанта, покинувший порт Геленджик, подошел к Южной Озерейке. После получасового огневого налета нашего крейсера и двух эсминцев по району высадки, блиндеры и канонерские лодки устремились к берегу.

И хотя немцы открыли сильный артогонь и кораблям Черноморского флота пришлось отойти от берега, успевшие высадиться бойцы продолжали на берегу неравный бой. К исходу дня они заняли и в течение трех дней удерживали в своих руках Глебовку. Однако, воспользовавшись тем, что на помощь десантникам не идет подкрепление, противник расчленил их на отдельные группы и вышиб из Глебовки. Часть морской пехоты прорвалась в район Станички, другая ушла в горы.

Одновременно вторая десантная группа (батальон автоматчиков, 700 человек) произвела успешную высадку в районе Станички. Десантники внезапно овладели огневыми позициями на берегу Цемесской бухты и уже к утру отражали контратаки противника, занимая его же укрепления.

Во второй половине дня 4 февраля подул сильный норд-ост, как это бывает в зимние месяцы в районе Новороссийска, поднялись крутые волны — и в течение трех дней был настолько большой накат, что катера не могли подходить к берегу. Все это крайне затрудняло боевые действия высадившегося десанта.

Бои десантной группы поддерживала дальнобойная артиллерия из

района Шесхарик и авиагруппа с аэродрома Геленджик. Следует заметить, что командир десантной группы майор Ц. Л. Кунников умело использовал работавшую у него штурмовую авиацию, часто компенсировавшую даже огонь артиллерии. Как только в Станичке или на ее окраинах противник сосредоточивал живую силу для перехода в контратаки, появлялась наша штурмовая авиация и рассеивала его подразделения.

4 февраля после возвращения кораблей в Геленджик, а 83-й мотострелковой бригады — в Туапсе, когда выяснились обстоятельства боев в районе Южная Озерейка, я приказал вице-адмиралу Ф. С. Октябрьскому: 255-ю мотострелковую бригаду, отдельный пулеметный батальон, а за ними и 83-ю мотострелковую бригаду высадить в районе Станички, развить успех ранее высадившихся частей и во взаимодействии с левым крылом 47-й армии овладеть Новороссийском.

Уже позже, анализируя ход операции по овладению районом Новороссийск, мы увидели и допущенные нами ошибки. Одна из них — недостаточная разведка противника в районах высадки десанта. Участок побережья от Новороссийска до Мысхако и Анапы, по имевшимся в группе данным, обороняла 19-я румынская пехотная дивизия; в действительности же — наиболее ответственные участки побережья были усилены немецкими гарнизонами с большой насыщенностью минометами и артиллерией различных калибров. Утеряна была и внезапность удара. Немцы знали о готовящейся высадке морского десанта в районе Южная Озерейка — об этом командование Черноморской группы предупреждала Москва.

* * *

Битва за Кавказ закончилась поражением немецко-фашистских войск. Все попытки врага захватить грозненскую и бакинскую нефть, проникнуть к берегам Черного моря и в Закавказье были сорваны воинами Советской Армии.

Советский народ напрягал все свои усилия, чтобы скорее сломать вражескую военную машину. Народ верил, что переломный год скоро наступит.

Сталинградское сражение предрешило судьбу врага. Оборона Кавказа помогла этому. Советские войска и народ отстояли Кавказ.

Кавказ — это не только снежные вершины и мандариновые рощи, и не одни лишь поэтические берега Черноморского побережья. Кавказ — это нефть, марганец, металл. Кавказ — это один из ключей, которым враг хотел отворить двери своей победы.

Советская Армия и народы нашей Родины, руководимые великой Коммунистической партией, организовали в предгорьях Кавказа такой отпор, что враг расшиб себе голову. Это привело к тому, что план Гитлера захватить Закавказье был сорван, а немецко-фашистские войска на Кавказе — разгромлены. Африканский корпус, подготовленный для выполнения бредовой гитлеровской фантазии — похода через Кавказ в Египет, — легкостью в донских и кубанских степях, а снаряжение этого корпуса захвачено вместе с другими трофеями в районе Георгиевска.

Значение и роль обороны Кавказа определяются тем, что в этой битве Советская Армия разгромила врага и не допустила его вторжения в пределы республик Закавказья.

Роль обороны Кавказа в минувшей войне определяется также и тем, что войска Закавказского фронта накрепко прикрыли левый фланг советско-германского фронта, отстояли главные источники нефти — основного сырья для производства автомобильного, тракторного и авиационного горючего.

В битве за Кавказ, как и в героической обороне Москвы, Ленинграда, Сталинграда и Одессы, отражена великая, все возраставшая с каждым днем сила Советской Армии, сила советской тактики и стратегии.

В обороне Кавказа, как и во всех боевых действиях, прославились стрелковые части. Где бы они ни были — на рубеже ли Терека, среди снегов и льдов Чипер-Азау, или в дремучих лесах предгорья, — всюду они сражались с неизменным упорством и беспощадно громили вооруженного

до зубов врага. Плечом к плечу со стрелковыми частями героически сражались полки конницы. Советская конница неделями держала оборону под Туапсе и совершала победные переходы по безводным пескам за Моздоком. Золотыми буквами записаны славные имена отличившихся в период боев за Кавказ храбрых артиллеристов — несравненных мастеров точного огня смелых соколов-летчиков, связистов, саперов и танкистов. Навеки сохранится у потомства память о подвигах наших чудесных отрядов морской пехоты, бесстрашных моряков-черноморцев, которые били врага под Новороссийском и под Туапсе, под Моздоком и под Ищерской, во всех местах, куда направляло их командование.

Тщетно пытались гитлеровцы посеять между народами Кавказа национальную рознь, раздуть в горах братоубийственную войну. Нерушимая дружба соединяла все народы Кавказа в единый боевой лагерь. Против общего заклятого врага храбро сражались русские, украинцы, белоруссы, грузины, армяне, азербайджанцы, осетины. Наряду с бессмертными подвигами Кошкина, Суворова, Барбашева, братьев Остапенко и многих других, в летопись кавказской обороны вписаны подвиги Канкава, Мамедова, Мкртумяна — воинов, которыми справедливо гордятся Грузия, Азербайджан и Армения.

Многие герои битвы за Кавказ отдали свои светлые жизни во имя будущего блага человечества, пали смертью храбрых на поле боя. В минуту жестоких испытаний они, с честью выполнив приказ Родины, отстояли Советский Кавказ.

НАРОД И АРМИЯ — ЕДИНЫ

Не так легко было отразить наступательный напор немецко-фашистских полчищ и разгромить их в предгорьях Кавказа. Вспоминается исключительно тяжелое положение, которое сложилось к началу битвы за Кавказ, когда войска Северо-Кавказского фронта откатывались с равнинных степей Дона и Кубани к горам Кавказа.

Нефтяники Баку писали тогда воинам Закавказского фронта:

«Дорогие товарищи!

В дни ожесточенных боев на юге с немецко-фашистскими захватчиками мы, рабочие, инженеры и служащие орденоносного промысла, шлем вам свой горячий привет. Хочется сказать вам, товарищи: будьте стойки в этих боях, не щадите ни сил, ни самой жизни для защиты родного Кавказа, сделайте все, чтобы враг был остановлен, а затем отброшен назад. Таково веление Родины и таково наше требование — нефтяников...

Счастливы сообщить вам, что в дни Великой Отечественной войны наш промысел получил орден Ленина. Эта высокая награда далась нам, конечно, нелегко.

Вместо вас, ушедших на фронт защищать наше черное золото — нефть, пришли ваши жены и сестры. На промысле теперь работают жены Мелкумова, Усейнова, Стушова, Парфенова, Горячева и многих других. Они овладели специальностями операторов, слесарей, монтеров. Старые производственники — Арутюнов, Шахбазов, Нерсесов и другие заботливо учат и воспитывают молодые кадры.

Во всей своей работе мы стараемся равняться на наших земляков — героев Отечественной войны, мужественно и отважно сражающихся на фронте. На днях командование Н-ской артиллерийской части прислало нам письмо, в котором благодарит коллектив промысла за воспитание отважного воина Арама Бабаяна. Бывший монтер нашего промысла показал исключительное мужество в боях с врагами Родины и представлен к ордену Красного Знамени и званию лейтенанта.

Будьте такими же героями, товарищи! Деритесь на фронте яростно, смело, бесстрашно. Пусть каждый из вас вернется на промысел с победой.

Со своей стороны мы обещаем приложить все силы к тому, чтобы добыча нефти росла с каждым днем. Страна получит столько нефти, сколько ей потребуется!».

А вот что писали трудящиеся Грузии:

«В коммунистическом труде на военных предприятиях, во многих миллионах рублей, собранных на строительство танковых колонн и авиаэскадрилий, в многочисленных подарках сказывается наша любовь к вам, отважные воины... Трудящиеся Грузии принимают все меры для снабжения героических защитников Кавказа оружием, боеприпасами, обмундированием и питанием. Все для фронта! Все для победы! — этот лозунг Коммунистической партии прокатился по всей республике. С этим лозунгом оружейники выпускают автоматы, текстильщики ткнут сукно, колхозники собирают урожай, шахтеры добывают сверх плана уголь. Сотни рабочих фабрик и заводов, не жалея сил, трудятся во имя победы над врагом. Будьте стойки!..»

Защитникам Кавказа с большой любовью писали труженики Армении, Украины, Дагестана, народы других республик. Все они выражали готовность советского народа — отстоять независимость Родины. В то же время они обязывали воинов Советской Армии, не щадя жизни, остановить и разгромить врага.

Академик Иосиф Орбели, работавший в годы войны в Тбилиси, в своем письме писал:

«Братья — воины Советской Армии, сражающиеся с врагом на подступах Кавказа! Помните, братья, что битва за Кавказ — есть битва за весь советский народ, за свободу и счастье всей Советской страны и в то же время битва за ваши родные очаги...

Пусть навсегда в историю человечества будет занесена слава сынам Кавказа, которые плечом к плечу с русскими, украинцами, со всеми своими братьями сломят врага и разможат ему голову у ворот Кавказа...

К этому зовут вас ваши престарелые отцы, матери, об этом вас молят ваши дети. Помните всегда об этом — и вы победите, отстоите великие завоевания Октября».

Благородные чувства советских людей и те требования, которые они выражали в своих письмах к воинам, сражавшимся за Социалистическую Отчизну, глубоко волновали солдат и офицеров действующих армий. Они укрепляли их ряды, вселяли силу и самоотверженность в каждого воина, веру в победу над немецкими оккупантами. В своих ответных письмах солдаты, сержанты, офицеры обещали народу, Коммунистической партии остановить и разгромить врага. И этот долг перед народом в ожесточенной битве на юге они выполнили с честью.

Иное настроение царило в стране врага. Опьяненное временными успехами, захватом большого территориального пространства, немецко-фашистское командование представляло себе, что потенциал советской экономики, моральный дух народа и силы Советской Армии настолько подорваны, что Советская Армия, сражаясь один на один с гитлеровскими полчищами, не в состоянии будет без открытия второго фронта в Европе остановить наступление фашистов и тем паче — перейти от оборонительных действий к наступательным.

В эфире на весь мир раздавались голоса немецко-фашистских главарей о том, что скоро настанет конец Советской власти. В своих сводках немецкое командование отмечало, что летнее наступление на юге протекает так же успешно, как оно шло на Дону и Кубани, а задача захвата грозненской и бакинской нефти — дело ближайших дней, после чего падет весь Кавказ. Таким образом, главные силы Советской Армии будут отрезаны от нефти. Эти мысли сквозили во всех высказываниях немецко-фашистских главарей.

Так, выступая в берлинском отеле «Кайзергоф», гитлеровский министр иностранных дел фон-Риббентроп, «предрек» близкое и неизбежное поражение Советского Союза.

«В летнем наступлении, — сказал он, — войска Германии и ее союзников отбросили Советскую Армию и находятся теперь, несмотря на огромное расстояние, уже на Волге, в глубине Кавказа и в области Каспийского моря... Занятие Украины, местности между Доном и Донцом, широких пространств между Доном и Волгой, занятие Крыма и завоеванных частей Кавказа дали нам богатейшие области Советского Союза... К этому

присоединяется еще решительный фактор — это чрезвычайное заторможение советской нефтепродукции. Отправка нефти с Кавказа уже и теперь едва ли возможна, а без наличий нефти и бензина не может обойтись ни одна современная армия, без этого она — калека».

18 октября в мюнхенском офицерском собрании выступил Геббельс. Со свойственной ему циничной развязностью, он говорил: «Мы заняли страну на Востоке не только для того, чтобы ею обладать, но и для того, чтобы организовать ее прежде всего для себя. Мы ведем войну за уголь, железо и нефть... Если к назначенному нашим командованием времени закончатся бои на Кавказе, мы будем иметь в своих руках богатейшие нефтяные области Европы. А кто обладает пшеницей, нефтью, железом и углем — тот выиграет войну».

Так гитлеровские министры рассматривали положение на юге, такие надежды они лелеяли, предпринимая летнее наступление 1942 года. И эта оценка положения на советско-германском фронте со стороны гитлеровских главарей явилась их роковой ошибкой.

Почему же гитлеровское командование допустило эту свою роковую ошибку? Да потому, что враг не понимал и не мог понять сущности социалистической системы и всей природы Советского государства, его души — Коммунистической партии.

Враг не учитывал жизнеспособности социалистической системы и животворной силы советской экономики. Потенциал производительных сил СССР в процессе войны не затухал, а возрастал. Увеличивалась производительность труда, усиливались темпы выпуска продукции для удовлетворения нужд фронта.

* * *

В самые тяжелые августовские дни, когда надо было стабилизировать фронт, остановить врага, обеспечить новые формирования боеприпасами, вооружением, продовольствием и обмундированием, когда надо было на ходу превратить Закавказье в основной арсенал и основную продовольственную базу Юга, Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, партийные организации и правительственные органы Азербайджана, Грузии, Армении, коммунисты северо-кавказских автономных республик мобилизовали все силы и средства на борьбу с полчищами фашистских захватчиков.

Трудно переоценить роль этой гигантской самоотверженной работы в организации обороны Кавказа, в сплочении его народов в единый боевой лагерь.

Народы Кавказа объявили Гитлеру священную войну. В боевые порядки Красной Армии влились грузинские, армянские, азербайджанские части, полки славных джигитов, сформированные из горцев Дагестана. Вместе с русскими, как бы соревнуясь с ними в мужестве и храбрости, в готовности отдать свою жизнь за мать-отчизну, в предгорьях Кавказа громили врагов азербайджанцы и украинцы, грузины и осетины, армяне и белорусы, узбеки и дагестанцы.

Опыт битвы за Кавказ позволяет сказать: есть одна, совершенно неприступная линия обороны, о которую разбиваются самые могущественные силы противника, в каком бы числе они ни были, — это дружба народов, это ленинская национальная политика.

С молоком матери сыны Кавказа впитывают высокие солдатские идеалы — честь мужчины, честь воина. Вольнолюбивый сын Кавказа скорее простится с жизнью, но позора на свою голову не примет. Каждый из нас знает тысячи фактов, подтверждающих эту истину.

В предгорьях Кавкасиони и на его высокогорных перевалах сражалось немало бойцов — сынов Северного Кавказа и Закавказских республик, среди которых было много добровольцев. Каждый из них считал своим долгом защищать свой дом, свой очаг, а вместе с этим и всю нашу социалистическую Родину.

Все они самоотверженно защищали Кавказ, проявляя и крепя при этом братскую нерушимую дружбу народов Советского Союза.

Героическая борьба защитников Кавказа против гитлеровских оккупантов высоко оценена партией и правительством. Указом Президиума Верховного Совета СССР 1 мая 1944 года была учреждена медаль «За оборону Кавказа», которой награждены все защитники Кавказа.

Помните, товарищи мои по Закавказскому фронту, нашу любимую фронтовую песню?

Пусть дети и внуки взволнованно внемлют,
Пускай же об этом расскажут не раз,
Как мы защищали советскую землю,
Как мы защищали Советский Кавказ.
Мы шли по горам, сквозь пургу и метели,
Морил нас и холод и зной,
И те, кто орлятами в горы летели,
Орлами вернулись домой.
Мы знали, что ждать нам придется недолго,
И Терек вновь зацветет берега,
Гвардейцы отгонят фашистов от Волги,
А мы от Кавказа отбросим врага.

Так оно и вышло. Враг был разбит и отброшен от Кавказа...

* * *

Отгремели последние залпы войны...

День Победы, столь дорогой для каждого советского человека, я встречал не у стен Рейхстага, а в солнечной Грузии.

В незабываемые майские дни 1945 года, когда залпы салюта в частях нашего Закавказского фронта потрясали воздух, отдаваясь эхом в предгорьях, на Тереке и Баксане, радостно было сознавать, что враг, вероломно напавший на Советский Союз, не только остановлен, но и разбит наголову, получил сторицей за свои чудовищные преступления.

Радостно было у меня на душе, и вместе с тем я не мог не сожалеть о том, что нахожусь не там, где написана завершающая страница летописи Великой Отечественной войны, на самом переднем крае — в Германии, Австрии или Чехословакии, где наши вооруженные силы нанесли последний сокрушительный удар немецко-фашистским войскам.

Но уже одно сознание, что многие воины, сражавшиеся на Закавказском фронте, проделали славный путь от берегов Черного моря к берегам Балтийского, в Померанию, к набережным Шпрее, до самой Эльбы, от Эльбруса до Зесловских высот, — наполняло сердце гордостью.

Могучая волна войны откатилась от наших границ за тысячи километров, знамя Победы заалело над почерневшим куполом Рейхстага.

...За моими плечами свыше сорока лет службы в рядах Советской Армии. Солдат в империалистическую войну, затем красногвардеец, командир бригады Первой конной, советский генерал — погоны генерала армии я с гордостью ношу и теперь, — я пережил три большие войны, прошел со своим народом большой путь из отсталой царской России до социалистического государства, находящегося в преддверии коммунизма.

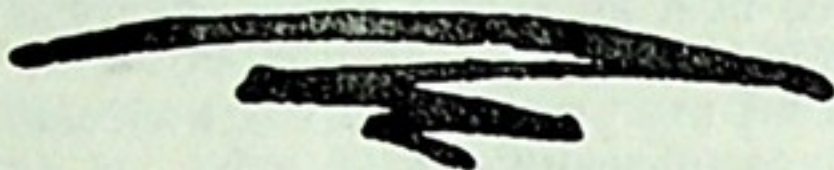
Многое позабылось за эти долгие годы, но никогда не сотрутся в моей памяти имена товарищей по оружию, с которыми мне довелось воевать бок о бок в гражданскую и Великую Отечественную войну, — и тех, кто погиб, защищая наше правое дело, — вечная им память! — и ныне здравствующих, как и я, продолжающих служить в рядах Советской Армии, или ушедших на отдых, но по-прежнему неутомимых, с горячими юношескими сердцами.

Без малого пятнадцать лет прошло со дня окончания второй мировой войны. В частях и подразделениях место ветеранов-фронтовиков заняли молодые воины, армия оснастилась великолепной боевой техникой, всеми видами современного оружия. Отечественная война послужила нам замечательной школой, можно сказать, академией: богатейший боевой опыт, на-

копленный в сражениях больших и малых, изучается сейчас и необстрелянными молодыми воинами и седыми генералами.

Наш народ-великан миролюбив, он никому не угрожает и не бряцает оружием. Советское правительство сокращает численность армии. Но по первому зову Коммунистической партии солдаты, офицеры и генералы Советской Армии готовы нанести любому врагу такой сокрушительный удар, который не оставит от агрессора камня на камне.

Все пережитое мною за долгие годы позволяет мне сказать: нет тверже материала, чем тот, из которого выкована воля, мужество советского человека, когда речь идет о самом дорогом и святом для него — защите матери-Родины.

Н. Новицкий

Города для радости

Заметки журналиста

Удобно, экономично, разумно

Главный принцип нашего градостроительства — это забота об удобстве, уюте, комфорте и здоровой среде для человека. Удобно, экономично, разумно — вот что нам нужно. Все, что не отвечает этому принципу, — прочь с дороги!

Конечно, накопленное то громадного опыта градостроительства, которым мы сейчас располагаем, шло не без ошибок и не без промахов. Их было, прямо говоря, более чем достаточно. Их немало и в нынешней практике строительства городов. Коммунистическая партия говорит об этом открыто.

Сообщение о том, что ЦК КПСС и Совет Министров СССР созывают Всесоюзное совещание по градостроительству, вызвало огромное оживление не только в специальных проектных организациях, не только среди архитекторов и строителей, страстно, с увлечением спорящих о том, как строить города сегодняшнего и завтрашнего дня. Всех советских людей волнует этот вопрос. Каждый хочет видеть свой родной город самым красивым и самым благоустроенным.

Тбилисские Черемушки и Лужники

Тбилиси строится! Эти два слова лучше всего характеризуют сего-

дняшний облик столицы Советской Грузии.

На первом плане — жилищное строительство. В прошлом году в эксплуатацию была сдана общая площадь в 121 тысячу квадратных метров. В этом году предстоит сдать не менее 135 тысяч квадратных метров. Это вдвое-втрое больше, чем сдавалось еще несколько лет назад. Практически это означает, что каждые три дня сейчас в Тбилиси сдается и заселяется крупный многоквартирный дом.

Можно с полной уверенностью сказать, что в течение нынешней семилетки должна быть построена жилая площадь бóльшая, чем за все предыдущие 1.500 лет существования города.

Тбилисцы охотно и любовно равняются по Москве. Район самого массового сейчас жилищного строительства — Сабуртало они называют «тбилисскими Черемушками». Строящийся Дворец спорта, рассчитанный на десять тысяч зрителей, уже сейчас именуется «тбилисскими Лужниками»...

В Сабуртало строителям еще хватит работы на несколько лет, главным образом, по благоустройству. Но уже сейчас сильно выдвигаются вперед новые районы массового жилого

строительства — Навтлуги и Дигоми.

Освоение Дигомского массива уже началось. Вначале строители предполагали прийти сюда в 1961—1962 годах. Но жизнь потребовала более решительных действий. Работы начались сразу на будущем главном проспекте района. Он устремлен в сторону Военно-Грузинской дороги. Пьянящий воздух гор делает Дигомский массив самым лучшим в смысле микроклимата районом Тбилиси. На Дигомской площадке в 270 гектаров, на правом берегу Куры, будет построена жилая площадь в 225 тысяч квадратных метров. Это будут дома в 4, 5, 10 и 12 этажей. В новом районе вырастут корпуса киностудии «Грузия-фильм», комплекс зданий отделения медицинских наук Академии наук Грузинской ССР и, разумеется, школы, кинотеатры, спортивные сооружения.

Проект застройки Дигоми мы впервые увидели в начале нынешнего года в кулуарах Тбилисской городской партийной конференции. Здесь были широко представлены и другие проектные материалы. Их экспонировали Горпроект, Гипрогорстрой, Гипросельстрой и Грузгоспроект. Планшеты и макеты дали прекрасное представление о завтрашнем дне столицы Советской Грузии.

Границы города намного расширяются. Будет построено много новых, красивых зданий. Это, например, здания гостиницы «Интурист», концертного зала Грузгосфилармонии, телецентра, театра музыкальной комедии, гостиницы на Вокзальной площади, Дома творческих союзов, Центрального универмага, автовокзала, нового кинотеатра...

Делегаты партийной конференции очень внимательно рассматривали все эти проекты. Конечно, особенно оживленные разговоры велись вокруг типовых проектов жилых домов, ибо в области градостроительства нет сейчас задачи более важной для Тбилиси, чем широкое развертывание жилищного строительства.

Вокруг проектов велись споры. Одним нравится, другим не нра-

вится. Высказывались очень дельные замечания. Кое-кому из авторов проектов, присутствовавших тут же, пришлось выдержать самые настоящие, и притом нелюбезные, атаки. Но все это, конечно, носило мимолетный, эпизодический характер. А вот большой разговор о том, как строить дальше Тбилиси, каким он должен быть в условиях развернутого коммунистического строительства, — этот разговор еще настоящему не состоялся.

Почему? Я поинтересовался в исполкоме Тбилгорсовета: есть ли сейчас нечто подобное такому документу. Короче говоря: существует ли сейчас сводная, обобщенная «Записка о лучших способах построить коммунистический Тбилиси»? Мне ответил на эти вопросы главный архитектор города Иван Ноевич Чхенкели, кстати сказать, один из авторов проекта детальной планировки и застройки Дигоми:

— Еще в 1955 году Совет Министров Грузинской ССР утвердил план развития и реконструкции Тбилиси, рассчитанный по 1970 год включительно. Этим планом предусматривалось довести к 1970 году ежегодный ввод в действие новой жилой площади до 120—130 тысяч квадратных метров. При этом учитывалось, что население города к тому времени составит примерно 700 тысяч жителей. Нечего и говорить о том, что обе эти цифры уже достигнуты, уже являются реальной, сегодняшней действительностью.

— Значит?

— Значит, нужна очень серьезная корректировка ранее составленного плана. Она и осуществляется сейчас. Так, Тбилгорпроект разрабатывает семилетний план размещения нового строительства в городе с учетом новых задач и требований, предъявляемых к современному градостроительству.

— Не сочли бы вы нужным вынести ваши планы и проекты на суд общественности, на широкое обсуждение?

— Разумеется, это было бы очень полезным делом для архитекторов и строителей..

В самом деле, почему бы не иметь сейчас своеобразной «Записки о

лучших способах построить город Тбилиси», наподобие грибоедовской записки, да не поставить ее на обсуждение собраний трудящихся? Да сделать докладчиками архитекторов и строителей! Да собрать бы предложения трудящихся и учесть их в окончательно сработанном и скорректированном перспективном плане строительства родного города!

Развитие строительной индустрии открыло самые широкие перспективы в деле скорейшего осуществления даже самых смелых строительных планов. Побывайте на строительных площадках. Вы увидите, что характер работ здесь резко меняется. Дома уже не столько строятся, сколько монтируются из готовых частей. Трест «Тбилстройиндустрия», предприятия которого изготовляют эти готовые части жилых домов, стал теперь одной из самых крупных хозяйственных организаций города. Взят курс на так называемое полносборное домостроение из заводских деталей.

В таких благоприятных условиях роль и ответственность архитекторов, конструкторов, проектировщиков и строителей перед народом еще более повышаются.

Пятый фасад

Знаете ли вы, что такое «пятый фасад города»? Это — вид сверху. Город, таким образом, можно и должно рассматривать не только с четырех сторон, но и с пятой, — с птичьего полета. Вид на крыши, на общую картину размещения цветных пятен, на общий силуэт города имеет далеко не последнее значение в градостроительстве.

В условиях Тбилиси мы можем получить наглядное представление о «пятом фасаде», поднявшись на верхнее плато фуникулера. Красиво? Да, красив наш город, вырвавшийся из узкой долины Куры на простор Самгори, Ваке, Сабуртало, Дигоми, устремившийся навстречу Рустави! Но единственное яркое цветовое решение — это красные крыши. Маловато и бедновато для такого города, как Тбилиси, где сама природа протягивает руку художникам и проектировщикам!

Кстати, о тех же крышах. Архитекторы должны всерьез задуматься над тем, как использовать крыши. Для кафе, кинотеатров, спортплощадок и даже для создания таких уголков отдыха, где можно было бы в летний вечерок полежать в шезлонге...

Мне запомнился рассказанный как-то Леонидом Сардионовичем Мамаладзе любопытный эпизод о его поездке в Чехословакию. У этого художника — всеохватывающий глаз, и к его мнению по вопросам градостроительства нельзя не прислушаться.

Итак, Мамаладзе был в Чехословакии, на Баррандовской киностудии. Близ студии находился небольшой городок, вернее, даже поселок. С первого же взгляда он поразил художника своей удивительной слитностью с природой. На слегка всхолмленной, утопающей в зелени территории были построены дома, окрашенные в удивительно мягкие, приветливые краски. Каждый дом сочетал краски по-своему, а в целом создавались удивительно стройные ансамбли. И при всем том не было ни пестроты, ни крикливости.

— Я долго стоял, как зачарованный, — рассказывал мне Мамаладзе. — Вот когда город поет и сверкает! И тотчас подумал о родном Тбилиси, о городах Грузии. Ведь природа у нас колоритная, звучная. Так почему же мы так обедняем ее однообразием планировки городов и однообразием красок наших сооружений? Мы забываем порой об искусстве светотени, о всех возможностях красиво «выявить» здание, о том, что солнце — наше богатство, не умеем по-настоящему распорядиться этим богатством. Я хочу видеть свой город таким, чтобы он предоставлял населению максимальные удобства и был могучим средством эстетического воспитания...

Несколько позднее мне довелось увидеть планшет работы молодого архитектора Гипрогорстроя Д. Давитая, специально посвященный «пятому фасаду» Тбилиси. Эта едва ли не первая попытка решить в условиях Тбилиси проблему цвета в градостроительстве. Нельзя не признать удачными и первые дома, выпол-

ненные в новом цветовом оформлении: дом на проспекте И. Чавчавадзе, который называют «ажурным», где очень эффектно применен цвет бордо, и дом на Набережной с зелеными проемами в главном фасаде. Но ведь это только первые и пока очень робкие попытки учесть огромное значение цвета в современной архитектуре!

Косности в градостроительстве еще целые горы. В сознание некоторых архитекторов крепко въелось представление о прекрасном в архитектуре как о чем-то парадном, обязательно симметричном, расположенном строго по осям. У нас еще очень сильна идеализация городов с их эстетическими канонами. Прекрасен, например, Ленинград с его старыми парадными ансамблями. Однако современному городу эти парадные ансамбли и старые принципы украшения зданий — совсем ни к чему! Но ведь это же классика! Да, классика. Конечно, правильное понимание классики — это не раболепное преклонение перед ней, а глубокое осмысливание и уяснение того, что подлинно классическое всегда современно.

Был в Тбилиси замечательный архитектор А. Кальгин, по проекту которого сооружено, например, здание Публичной библиотеки имени К. Маркса. Профессор Кальгин, еще в двадцатых годах, не раз говорил своим ученикам, что настанет время, когда человек будет иметь жилища совершенно нового типа, где одним нажатием кнопки можно будет создавать нужную температуру или делать стены прозрачными, словом, создавать все те чудеса, которые сегодня уже никак не кажутся чудесами. Современная классика и будет рождаться на основе художественного раскрытия богатых возможностей индустриальных конструкций, керамики, пластмассы, стекла, при активном использовании многообразия цвета и качества фактуры. Дом из синтетических материалов — это не такое уж далекое будущее. А что касается кондиционирования воздуха, то и эта проблема может быть решена в короткие сроки в Грузии, где меньше чем за два года создано до двадцати новых

электротехнических и приборостроительных заводов. И если взяться за это дело энергично, то в самое ближайшее время мы сможем сдавать наши дома в эксплуатацию с «климатом по заказу».

Индустриализация строительства повергла отдельных архитекторов — не будем стесняться в выражениях — в ужас. Заводское производство деталей дома, по их мнению, несет с собой смерть искусству. Ничуть не бывало! Именно сборное, индустриальное строительство дает возможность добиться исключительно высокого качества и художественной выразительности строительства. Строгая типизация строительных элементов и деталей, переход на полносборные конструкции заводского изготовления — все это совершенно не снимает проблему красоты и внешней привлекательности жилых и общественных зданий и целых районов. Все дело в том, что проектировщики должны сообщить заводскому изделию эстетическое качество, найти, с учетом национальных традиций архитектуры, художественное выражение современных конструкций. К сожалению, ни в Тбилиси, ни в Рустави, ни в других городах Грузии, где имеется развитая индустриальная база строительства, почти еще ничего не сделано в этом направлении. Потому так много еще однообразия в жилых кварталах Сабуртало, и правобережной части Рустави, и в других новых крупных жилых массивах.

Жилой дом должен быть прежде всего современным, удобным, комфортабельным домом. Но он должен быть и красивым, художественная сторона его архитектуры должна быть правдива и выразительна по отношению к строительным материалам и конструкциям. Я побывал на ряде заводов сборных железобетонных конструкций и, однако, пока не видел, чтобы к ним приложили свою руку художники.

Видимо, и в этой области не обойдется без большой ломки старых понятий и традиций. Но лед уже трогается. В Тбилиси, например, уже есть главный художник города. Представляете, сколько новых дел сразу навалилось на Отара Антоно-

вича Литанишвили! И это не удивительно. Ведь художественный облик города — это не механическое соединение парадных фасадов, а непосредственное живое отражение свободной, счастливой, радостной и здоровой жизни строителей коммунизма.

На сегодня и на будущее

Если смотреть на Тбилиси с верхнего плато фуникулера, то можно обнаружить не только цветные огрехи. Бросается в глаза и немало промахов в планировке города. Между тем, планировка имеет для города первостепенное значение. И по сей день ей наносится серьезный ущерб из-за того, что представления многих наших градостроителей о современном городе не отвечают тем коренным изменениям, которые произошли в самом существовании современной городской жизни.

До сих пор, например, еще много улиц-коридоров, наблюдается сосредоточение общественных зданий в одном месте и разреженность их в другом. Микрорайонирование не носит продуманного характера. А между тем, каждый микрорайон должен иметь свой комплекс культурно-бытового обслуживания, свою сеть общественных учреждений. Более равномерно следует разместить и места отдыха. Такими местами отдыха должны стать и дворы в домах и скверы перед домами. Совсем недавно перед новым, только что заселенным домом на проспекте Чавчавадзе разбили небольшой сквер. Он помогает и лучше «выявить» здание, и служит местом отдыха, и совершенно по-новому осветил красоту этой части проспекта. Хорошее начинание!

Большой и хаотический поселок индивидуальных домов возник в Ваке вне всякой связи с экономикой. Нет здесь ни предприятий, ни учреждений. А практика показывает, что такие поселки, только хорошо спланированные, нужно обязательно создавать в тесном взаимодействии с производством.

Очень много сейчас говорят и пишут о городах-спутниках. Намечается создать такой город и в зоне Тбилиси. Это должен быть городок в Со-

ганлуги тысяч на десять населения, состоящий сплошь из индивидуальных домов. Но такой городок-спутник будет действительно экономически и функционально целесообразен только при совместном существовании с предприятиями, где могла бы работать часть населения.

Для упорядочения планировочной структуры городов важное значение имеет проблема городского движения. Закупорку городских артерий можно уже сейчас наблюдать в часы «пик» и в Тбилиси. Между тем, проектировщики продолжают мыслить старыми категориями, словно нашими улицами владеет не автомобиль, а фаэтон. Давно уже на ряде людных перекрестков Тбилиси нужно соорудить подземные переходы. Давно надо создать специальные и благоустроенные стоянки автомашин, вынести за город междугородные магистрали. Словом, требуется построение новой планировочной сети города в соответствии с развитием автомобильного транспорта.

А как много у нас еще непорядка с подземными коммуникациями! Современный город немыслим без газовых, теплофикационных, водопроводных, ливнеотводных и телефонных сетей. Между тем, в Тбилиси почему-то по многу раз разрывают одни и те же улицы. Это потому, что работа шла без детально разработанной перспективы, без твердого курса на современное городское строительство. Вместо того, чтобы сразу уложить все нужные сети, делают это помаленьку. А город между тем растет и предъявляет свои требования — сегодня на газ, а завтра еще на что-нибудь. Так не лучше ли сразу все это предусмотреть в планировочной структуре!

А бывает и так: спрямили спуск Элбакидзе. Великолепно! Мы увидели город с новой точки. Но прокладывая эту магистраль, строители забыли заменить уложенный еще в 1889 году ливнеотводный коллектор, и он провалился.

Самые популярные в Тбилиси люди — новоселы порой резко отзываются о качестве строительных работ. Главная беда — недоделки. Эти проклятые недоделки способны свести на нет радость жизни. Почему

же они возникают? Да как им не быть, когда авторский надзор со стороны проектировщиков еще очень слаб и носит эпизодический характер, когда на стройках еще часты проявления цатурмовщины. То, что было в конце 1959 года в Тбилиси, когда залпом «выстреливались» дома (и, конечно, с недоделками), не должно больше повториться. Сдачу готовых домов нужно расписать по дням на протяжении всего года — и строго придерживаться этого графика. Новоселье совсем не обязательно должно совпадать со встречей Нового года.

Недалеко уже то время, когда каждая семья будет иметь отдельную квартиру. Но какую? Есть квартиры удобные и неудобные. Есть большие и малые.

У нас уже сейчас все шире развивается строительство домов для малосемейных и молодежи. Вполне отвечают здоровым потребностям человека и в то же время весьма экономичны небольшие квартиры в одну, полторы, две комнаты.

Я был недавно на новоселье в Сабуртало в так называемой полуторакомнатной квартире. Муж, жена и маленький сынок. Очень довольны. Но, конечно, сообразно своим потребностям, семья уже сейчас произвела кое-какие изменения в общей планировке квартиры. И тут я должен заметить, что такая перепланировка не есть какая-то крамола. Больше того, наши архитекторы обязаны уже теперь создавать такой тип квартиры, планировкой которой ее жильцы могли бы распоряжаться более свободно.

Новые строительные материалы позволяют избавиться от постоянных перегородок, намертво определяющих планировку квартиры. Но можно просмотреть все типовые проекты квартир работы тбилисских архитекторов, и нигде не найти действитель-

но современного решения этой проблемы.

Мои друзья-сабурталинцы, при всей их радости, все же выразили и серьезное недовольство проектировщиками. Балкон микроскопически мал, — его назначение — только украшать фасад. А ведь мы живем в южном городе! И еще в таком, где балконы всегда были местом отдыха. Можно ли так легко от этого отказываться!

Сделать малую квартиру удобной во всех отношениях — это задача, над которой стоит потрудиться. Если в ней будет «эластичная» планировка, если она правильно будет повернута к солнцу и в нужный период умело от него хорониться, если в ней будут все коммунальные удобства — свет, газ, теплофицированная линия, горячая вода, мусоропровод, кондиционированный воздух, встроенная мебель и балкон, достойный города, получившего свое название от слова «тбили», — то стены такой малометражной квартиры как бы сами собой раздвинутся... Польза и красота! Эта классическая формула великого русского зодчего Баженова должна быть в полной мере реализована и применительно к разработке типовых проектов наших квартир.

Город начинается с жилого дома. А дом — с квартиры. Сделать каждую квартиру, в том числе и малую, удобной, способной окрасить жизнь в яркие, светлые тона, каждый дом — комфортабельным, каждую улицу — приветливой, а весь город — современным, чтобы в нем находили правильное взаимоотношение труд, быт, культурное обслуживание и отдых, — это ли не самая почетная и благородная задача наших градостроителей!

А что касается нас, скромных горожан, которым еще придется пожить в советских городах второй половины XX века, то мы просим градостроителей учесть наши некоторые замечания и предложения — на сегодня и на будущее.

Бесо Жгенти

За драматургию большого идейно-эстетического звучания!

В продолжение трех дней (12—14 апреля) в Москве на очередном пленуме правления Союза писателей СССР шел большой, принципиальный разговор о насущных творческих вопросах советской драматургии. В получившем общее одобрение интересном и содержательном докладе секретаря правления СП СССР драматурга А. Салынского и в выступлениях многих видных деятелей многонациональной советской литературы и искусства подверглось глубокому критическому анализу нынешнее состояние репертуара нашего театра и кино, художественного радиовещания и телевидения. Развернулась широкая творческая дискуссия вокруг проблем дальнейшего развития этих важнейших отраслей нашей социалистической культуры. В деловой товарищеской обстановке участники дискуссии отстаивали свои эстетические убеждения, свои воззрения на природу современного конфликта и способы его отображения в искусстве, на главного героя нашей литературы и пути глубокого художественного раскрытия характера нашего современника, повышения художественного мастерства и новаторских поисков в этой области. Вся атмосфера обсуждения была пронизана искренним стремлением к принципиальной консолидации творческих сил нашей художественной интеллигенции на главном направлении развития советской литературы и искусства. Это главное направление, ясно и четко сформулированное в известном партийном документе, состоит в том, «чтобы литература и искусство были всегда неразрывно связаны с жизнью народа, правдиво отображали богатство и многообразие нашей социалистической действительности, ярко и убедительно показывали великую преобразовательную деятельность советского народа, благородство его стремлений и целей, высокие моральные качества».

Драматургия является таким жанром художественной литературы, от уровня которого всецело зависит судьба самых массовых видов искусства — театра, кинематографии, телевидения. Обращенные к миллионам советских людей, призванные играть огромную роль в формировании коммунистического характера народа, эти отрасли искусства могут выполнить свое высокое призвание лишь на основе полноценной в идейном и эстетическом отношении драматургии. И тем досаднее, что из всех жанров литературного творчества именно драматургия находится в настоящее время в наибольшем долгу перед народом, именно она больше всего отстает от все растущих духовных запросов советских людей.

В знаменательные дни 90-летия со дня рождения великого Ленина было опубликовано постановление о присуждении Ленинских премий за выдающиеся произведения советской литературы и искусства, науки и техники за 1959 год. В числе произведений, удостоенных высокого всенародного и государственного признания, мы видим новые замечательные образцы советской поэзии и художественной прозы, публицистики и журналистики, музыкального искусства и кинематографии. Но в этом списке, к сожалению, нет ни одного драматического спектакля, ни одной пьесы, отображающей современную жизнь советского общества. Это значит, что за истекший год во всей нашей многонациональной драматургии не создано ни одного большого художественного полотна, способного надолго удержаться в репертуаре и оставить глубокий след в духовной жизни народа. И не только за истекший год. Вспомним наиболее выдающиеся достижения советского театра и драматургии последних лет — «Третью патетическую» Н. Погодина и осуществленную Г. Товстоноговым постановку «Оптимистической трагедии» Вс. Вишневского.

Правда, они отображают события весьма значительные, но отдаленные от нас почти четырьмя десятилетиями. А о жизни советского общества послевоенного периода, насыщенного огромными событиями всемирно-исторического значения, пока еще не создано ни одного драматического произведения, которое можно было бы сравнить с лучшими образцами советской драматургической классики.

В обзорных статьях, в докладах перечисляется большое количество пьес на современные темы, созданных за последние годы как в русской, так и во всех других наших национальных литературах. Все это неоспоримо и очень важно. В количественном отношении современная тематика безусловно преобладает во всей советской драматургии и в репертуаре многонационального советского театра. Но ведь в искусстве количество никогда не является определяющим. Важно, чтобы обращение советской драматургии к темам современности обязательно сопровождалось умением драматурга еще глубже проникать в духовный мир советского человека, сопровождалось повышением художественного уровня пьес и спектаклей, совершенствованием мастерства их создателей. Ведь партия и народ действительно и законно требуют от своей художественной интеллигенции добиться того, чтобы советская литература и искусство были бы первыми в мире не только по актуальности, богатству содержания, но и по высокому художественному мастерству и эстетической ценности. В области драматургии мы особенно далеки от этой цели. Отдельные удачные пьесы порой тонут в потоке серых, тусклых произведений, пробивающихся на сцену под прикрытием «злободневности» темы. Наши театры, выполняя требование постановления ЦК партии о том, что они обязаны в каждом театральном сезоне давать два-три спектакля на современную тему, зачастую предаются забвению такую «мелочь», как идейно-художественный уровень.

Один из важнейших выводов развернувшейся на пленуме дискуссии заключается в том, что понятие современности в драматургии нельзя ограничивать одной лишь тематикой. Современными должны быть и позиция автора, и его отношение к изображаемому материалу. Необходимо, чтобы в духовном облике персонажей современной пьесы проявились новые черты характера советского человека, тот новый образ мыслей и строй чувств, те новые морально-этические качества, которые порождаются нынешним этапом строительства коммунистического общества. Нужно, чтобы современная пьеса по своему художественному мастерству стояла на уровне современного интеллектуального и эмоционального развития нашего общества, на уровне всей современной прогрессивной мировой художественной культуры. Именно такое широкое и всестороннее понимание требования современности в искусстве

может избавить нас от тех опасных заблуждений, которые приводят к засорению репертуара многих наших театров написанными на «современную тему», но скороспелыми, тусклыми, низкопробными пьесами, наносящими невозместимый урон и театру, и воспитанию эстетических вкусов зрителей.

Прозвучавшее на пленуме единодушное и настоятельное требование решительного повышения эстетических критериев в области драматургии само по себе знаменует начало нового большого творческого подъема в этом важнейшем жанре нашей литературы. Нельзя мириться больше с таким положением, когда высокое искусство драматической поэзии заменяется холодным ремесленничеством самого низкого пошиба.

Как в докладе А. Салынского, так и в выступлениях участников пленума приводилось множество фактов, свидетельствующих о заметном творческом оживлении в области нашей драматургии. Наиболее ярким результатом этого процесса является талантливая пьеса А. Арбузова «Иркутская история». В свежей, оригинальной драматургической форме это произведение изображает замечательные моральные качества рядовых советских людей, участвующих в большом всенародном трудовом подвиге, проявляющих высокую человечность. Пьеса подкупает глубоким проникновением в духовный мир персонажей; в ней много тонко подмеченных и правдиво-жизненных деталей, в ней сильна поэтическая, лирическая струя. Языковая ткань пьесы, ее сюжетное построение, композиция — все изобразительные средства отмечены испытанным профессиональным мастерством и художественным вкусом. Появление этой пьесы — значительное событие в советской драматургии, в театральной жизни последнего времени. Ее одновременно ставят театры Москвы и многих других крупнейших городов страны. Однако такой исключительный успех «Иркутской истории», как правильно и остроумно сказал на пленуме народный артист СССР М. Царев, свидетельствует не о богатстве нашей драматургии, а, наоборот, о ее весьма неотрадном сегодняшнем состоянии. Лишь при отсутствии больших, высокохудожественных драматургических полотен могла вызвать такой огромный интерес «Иркутская история», которая, при всех своих бесспорных достоинствах, отнюдь не является эталоном и никак не может стать в один ряд с пьесами, признанными классическими образцами советской драматургии. Ведь эта пьеса не лишена серьезных недостатков. Основные сюжетные повороты ее зиждятся на совершенно случайных происшествиях, а персонажи — хорошие обаятельные советские люди не совершают ничего такого, что воодушевляло бы на большие подвиги и свершения.

В поисках причин нынешнего отставания

нашей драматургии от других литературных жанров и в стремлении осмыслить пути ее нового подъема мы, естественно, подходим к проблеме драматургического конфликта. Не случайно эта проблема заняла центральное место как в творческой дискуссии на пленуме, так и в обсуждении вопросов драматургии, проходившем на страницах «Литературной газеты» и «Советской культуры» в период подготовки к пленуму.

Учитывая все высказывания по этому вопросу, можно с уверенностью сказать, что сейчас у нас уже не стало убежденных сторонников и защитников пресловутой «теории» бесконфликтности. Даже драматург Г. Мдивани, которого изображали последним поборником бесконфликтности, решительно и довольно убедительно защищался на пленуме от подобного обвинения. Выяснилось, что вся беда заключалась лишь в отдельных неточных формулировках, имевших место в его дискуссионной статье в «Литературной газете». А по существу, как прав критик А. Анастасьев, утверждающий, что современная драма не мыслима без острого, напряженного конфликта, в такой же мере прав Г. Мдивани, полагающий, что мы не можем копировать старые традиционные конфликты, ибо современные жизненные противоречия требуют постижения новой природы конфликта.

Но одно дело — добиться договоренности в теоретическом споре, признать необходимость конфликта, как основы драматургического произведения, а другое дело — создать произведения, правдиво воспроизводящие подлинные и важнейшие современные жизненные конфликты и противоречия.

На предыдущих этапах истории советского общества, когда жизнь протекала в обстановке открытых антагонистических конфликтов, художнику легче было уловить их, осмыслить и изобразить в остро драматизированной форме, тем более, что в деле художественного воспроизведения такого рода коллизий советскому писателю помогала многовековая богатейшая традиция мировой художественной культуры. Советская действительность наших дней не знает антагонистических классов. Для образного воплощения современного жизненного материала мы уже не найдем готовых образцов в отечественной и мировой литературе предыдущих столетий. Чтобы подметить имеющиеся жизненные противоречия, глубоко раскрыть и правильно осмыслить их, найти действенные изобразительные средства для воссоздания этих противоречий нового типа, нужно не только большое дарование, но и острый наметанный глаз художника, исключительная творческая активность и новаторское дерзновение.

Эта трудность и заставила не только драматургов, но и многих наших мастеров литературы и искусства, обратиться к по-

рочной теории и практике «бесконфликтности». А облегченное, бесконфликтное отображение действительности в любом литературном жанре, в любой области искусства лишено жизненной правды и художественной убедительности.

Последствия «бесконфликтности» особенно пагубными оказались в области драматургии, ибо сама природа этого жанра подразумевает обязательное наличие острого, напряженного конфликта, без которого не бывает подлинного драматического действия. Мы говорим об этой трудности драматургического воспроизведения современных жизненных противоречий не для того, чтобы оправдать отступление перед ней, а для того чтобы осмыслить причину нынешнего состояния советской драматургии, а следовательно, облегчить преодоление этой трудности. Многонациональная советская драматургия находится сейчас в стадии активных поисков путей ее преодоления, создания полноценной современной драмы. Первые отрядные результаты уже появляются во всех наших национальных литературах. Но для завоевания по-настоящему больших успехов в этой области нужны напряженные творческие усилия, и, конечно, нужно время. А пока художники слова поглощены мучительными поисками нового, ловкие драмоделы и приспособленцы в изобилии фабрикуют пьесоподобные тусклые однодневки. И некоторые растерянные руководители наших театров спешно хватаются за эти «эрзацдрамы», ошибочно полагая, что этим они выполняют свой долг перед современностью. Но ведь все это не имеет ничего общего с искусством, и тем более с драматургией, являющейся самым сложным и трудным жанром литературы. Известно, что Белинский называл драматургию «венцом поэзии», а Лессинг считал, что драматический писатель должен быть поэтом и философом, чтоб проникнуть в глубину человеческой души и создать покоряющий образ добродетели. Именно в создании такого образа видел первейшее призвание драматического писателя автор «Гамбургской драматургии». По словам Ильи Чавчавадзе, драму следует строить на таком сложном движении человеческой души, что не всякий, даже очень талантливый писатель может осмелиться писать драматические произведения. А сколько людей, ничего общего не имеющих с искусством, не обладающих элементарной профессиональной грамотностью, осмеливаются сейчас называть свои произведения пьесами и настойчиво «устраивать» их в наши театры. Решительная борьба против такого безответственного снижения эстетических критериев является одним из обязательных условий повышения уровня советской драматургии. Относясь с особенно глубоким уважением к творческому труду каждого подлинного драматурга, активно поддерживая и всячески поощряя даже малейшие благородные попытки та-

лантливому драматическому писателю, к какому бы поколению он не принадлежал и в каком бы жанре драматургии не работал, мы решительно должны преградить путь на сцену бесталанным ремесленникам, рассматривающим драматургию лишь как средство легкого заработка. Они наносят большой урон литературной репутации драматургических произведений. Не потому ли пьеса зачастую расценивается у нас только как основа спектакля и нередко дописывается в театре режиссерами и даже актерами?! Понятно, что такие пьесы не печатаются, да их и нельзя печатать, ибо народ их не читает. Необходимо возродить литературный престиж драматургии, памятуя о том, что лишь та пьеса может рассчитывать на настоящий сценический успех, которая является полноценным самостоятельным литературным произведением, не только при сценическом воплощении, но и при чтении.

Это следует сказать и относительно кинодраматургии, где под прикрытием якобы не доступной писателям «сценарной специфики» широко орудуют изворотливые «сценармахеры». В наше время, в говорящем кинематографе, где решающее значение приобретает диалог, полнокровный человеческий образ и закономерно развивающееся сюжетное действие, успех дела прежде всего зависит от вдохновенного писательского труда. Всеобщее одобрение нашло на пленуме выступление В. Шкловского, который требовал, чтобы писатель стал центральной фигурой в кино, как это было в годы зарождения звукового кинематографа, в годы бурного расцвета советского киноискусства. Писатель должен занять также определяющее положение в рождающемся ныне и стремительно развивающемся новом жанре — теледраматургии. Только настоящий художник слова способен создать большие обобщающие образы, живые типические характеры передовых людей нашего времени. Именно с позиции таких героев современности, с высоты их мировоззрения и идеалов должно освещать действительность советское искусство, даже в тех случаях, когда художественный замысел произведения заключается в гневном изобличении пороков и отрицательных явлений, препятствующих движению советского общества вперед к своей великой цели — коммунизму. Только подлинный мастер литературы может создать стройные сюжетные композиции, правдиво воспроизводящие новые сложные социальные и бытовые взаимоотношения советских людей. Только от большого писателя можно ожидать выразительной сценической речи, насыщенной глубоким смыслом и конкретной образностью, преодоления речевого натурализма и словесного убожества, которыми грешат многие спектакли и фильмы последних лет. Только полноценное литературное произведение, пронизанное ощу-

щением кипучей атмосферы наших дней, может открыть театру горизонты подлинных новаторских поисков в области сценической формы. Эти поиски нередко еще заменяются бессмысленными формалистическими трюками, изжившими себя уже в двадцатых годах нашего века.

Автору этих строк пришлось возразить на пленуме Н. А. Михайлову, заявившему в своем выступлении, что при общем повороте советского театра и драматургии к тематике современности, на грузинской сцене пока еще преобладают цари и представители высшей феодальной знати, изображенные в идеализированном виде. Такое утверждение не соответствует действительности. Историческая тематика давно уже потеряла преобладающий вес в репертуаре грузинского театра. За последние 2—3 года только в двух грузинских драматических театрах — имени Руставели и имени Марджанишвили — было поставлено около пятнадцати оригинальных пьес на самые актуальные темы современности. В этом отношении грузинский театр и драматургия не составляют никакого исключения. Однако количественный перевес пьес на современные темы еще не означает подлинного утверждения духа современности в грузинской драматургии и сценическом искусстве. Идеино-художественный уровень подавляющего большинства этих пьес, претендующих на отображение современности, низок, и многие из них быстро сошли со сцены. Преследуя благородную цель пополнить репертуар произведениями национальной драматургии, посвященными событиям нашего времени, театры снизили требовательность к новым пьесам, предали полному забвению идейно-эстетические критерии. Лишь этим можно объяснить появление на сцене театра имени Руставели — крупнейшего грузинского драматического театра, заслуженно прославившегося во всей нашей стране и за ее пределами, низкопробной, порочной в идейно-художественном отношении пьесы В. Канделаки «Однажды умершие». В своем докладе на пленуме А. Д. Салынский справедливо подверг суровой критике эту пьесу. Он говорил: «Есть факты, когда ремесленническое умение используется без всякого чувства ответственности. В тбилисском театре им. Руставели поставили комедию В. Канделаки «Однажды умершие». Главный ее персонаж пошляк и «герой» любовных похождения. В самом сюжете заложена столь явная пошлость, что диву даешься: как мог серьезный театр принять подобную пьесу?» (цитируется по краткому изложению доклада А. Салынского, опубликованному в газете «Правда» от 13 апреля 1960 г.). Нельзя не согласиться с этой оценкой.

Главный герой пьесы Аскалон Чукакидзе когда-то работал в органах милиции. Его командировали по служебным делам в Хевсуретию. Оказавшись в семье одного хевсура, Аскалон был принят по всем правилам старинного хевсурского гостеприим-

ства. Перед сном, по местному обычаю, ему помыла ноги дочь хозяина, прекрасная семнадцатилетняя девушка. Чукакидзе же обесчестил ее. Испугавшись суровой мести за осквернение обычая горцев, Аскалон бежал из Хевсуретии и больше туда не являлся. Дальнейшая судьба Тинии (так звали девушку-горянку) была ему неизвестна. Между тем Тиния родила ребенка. Родители Тинии—люди строгих патриархальных нравов и взглядов немедленно отдали новорожденного на воспитание в одно из сел соседнего ущелья, а Тинию уверили в том, что ребенок родился мертвым. Прошло время. Тинию взял к себе дядя, проживающий в селении Цинамдзвариант-кари. По какой-то случайности она опять встретила с Аскалоном. Тиния и Аскалон понравились друг другу и вскоре поженились, даже не подозревая о первой своей встрече в Хевсуретии много лет назад. Трудолюбивая, умная и благородная горянка завоевала почет и уважение не только в семье Чукакидзе, но и во всей деревне. Но став законной женой Аскалона, она почему-то не родила ему детей. А муж жаждал продолжения рода. Он настойчиво предлагал свои услуги любой встречной женщине, как бы соревнуясь в этом со своим отцом Тома, овдовевшим старцем, тоже страстно искавшим любовные похождения. А к тому времени сын Тинии и Аскалона—Саба, который считал себя сиротой, случайно узнал, что его мать жива, вышла замуж и живет где-то в деревне. Узнав правду о своем рождении, Саба, ставший отцом многочисленного семейства, мечтает разыскать мать и жестоко отомстить тому неизвестному пришельцу, который доставил Тинии и ее родителям столько горя. И вот в одном из грузинских журналов появились фотография Тинии и рассказ об ее жизненном пути. Саба догадался, что эта знатная труженица и есть его мать и, забрав с собой своего старшего сына Мгелику, немедленно направился в деревню, где жила семья Чукакидзе. Каково же было удивление молодого хевсура, когда он узнал, что нынешний муж матери—Аскалон—его родной отец. «Благополучный» финал пьесы повествует о радостной встрече Саба со своими родителями, которых он долго считал «однажды умершими». Тиния и Аскалон тоже узнали друг друга. Все недоразумения разъяснились. Успокоился Аскалон, страдавший из-за отсутствия продолжателей рода, он неожиданно приобрел не только сына, но и внуков. Так судьба наградила «героя» за его похождение давно минувших лет.

Нет надобности доказывать, что вся эта история лишена жизненной правды и, тем более, какой-либо типичности, что в развитии событий грубо пренебрегаются элементарные требования логики и здравого смысла. Спрашивается: во имя чего, для художественного утверждения какой мысли, какой морали сочинена вся эта небывлица? Ведь сюжет пьесы должен раскры-

вать какую-либо идею. В чем заключается эта идея в данном случае? Ответить на этот вопрос нет никакой возможности, если судить по развитию сюжета пьесы, а не по отдельным высказываниям персонажей, кстати сказать, щедро начиненным всеяческой пошлятиной и похабщиной. И эта бессмыслица преподносится зрителю, нашей молодежи со сцены крупнейшего грузинского театра в постановке весьма уважаемого режиссера, в исполнении талантливых, любимых народом актеров.

Беда в том, что «Однажды умершие» не составляют исключения в репертуаре грузинского театра последних лет. На невысоком идейно-художественном уровне стоят пьесы Р. Эбралидзе «Нана» и А. Чавчавадзе «Сто тысяч», поставленные другим ведущим грузинским драматическим театром—имени Марджанишвили. А сколько подобных пьес о современности идет в периферийных театрах...

Особо следует поговорить о комедии К. Буачидзе «Вспомним нашу молодость» («Повесть о любви»), поставленной театром имени Руставели. К. Буачидзе—автор, обладающий определенным комедийным дарованием. Он умеет строить отдельные остро задуманные сценические ситуации, он, безусловно, талантливый мастер комедийного диалога. Благодаря этим достоинствам, комедии К. Буачидзе вызывают живую реакцию зрителя и привлекают к себе внимание наших театров. И тем досаднее, что свой талант и умение автор использует в ложном, ошибочном направлении. Умея смешить зрителя и небезуспешно добиваясь этого, драматург не заботится о том, чтобы осмыслить этот смех, придать ему социально-эстетическую функцию. А ведь настоящая комедия не только смешит, но и направляет сознание зрителей против какого-либо социального зла и тем самым служит утверждению определенного положительного идеала. Стоит ли в доказательство этого положения приводить многочисленные общезвестные примеры из истории отечественной и мировой классической комедиографии, из опыта, накопленного в этой области многонациональной советской и, в частности, современной грузинской драматургией. Достаточно вспомнить хотя бы написанную в двадцатых годах замечательную сатирическую комедию Ш. Дадиани «Прямо в сердце» и не сходящие со сцены в продолжение многих лет превосходные образцы грузинской советской комедиографии—«Кваркваре Тутабери» и «Свадьба колхозника» выдающегося грузинского драматурга П. Какабадзе.

Советский комедиограф не может ограничивать свою задачу пустым развлечением. С помощью смеха наше искусство выполняет огромную роль в деле разоблачения и выкорчевывания в сознании людей темных пережитков прошлого, а следовательно, и утверждения светлых идеалов нового мира. Без положительного эстетического идеала не было и нет подлинного реалистического сатирического и

комедийного искусства. Об этом много и правильно говорилось на пленуме Правления Союза писателей СССР, посвященном вопросам драматургии.

Участники пленума с законной озабоченностью говорили о слабом развитии комедийных и сатирических жанров в советской драматургии. Народу, советскому зрителю нужен смех, здоровый, осмысленный, социально и эстетически значимый, целенаправленный. А между тем наша драматургия не сумела пока достойно ответить на это требование народа. Очевидно, мы не так уж богаты писателями комедийного дарования. Потому и заслуживают внимания настойчивые поиски драматурга К. Буачидзе в этом жанре первостепенной важности. Потому и обязаны мы убедительно разъяснить ему ошибочность и непродуктивность творческого пути, по которому он упорно продолжает идти.

Возьмем, к примеру, его последнюю комедию «Вспомним нашу молодость». Прежде всего следует отметить, что она не имеет единого сюжетно-фабульного стержня. Пьеса представляет собой набор различных скетчеобразных пассажей. О чем только не рассказывает эта пьеса—о мучительной любви молодого хевсура Вепхиа Габидаури к прекрасной девушке Иамзе Матабели, о взаимоотношениях между доцентом Катамадзе и студенткой Бостоганашвили, о злосчастной истории получения квартиры научным работником, о поступках обиженных судьбой «бывших людей» Кокони и Севериана. Основной недостаток пьесы заключается в том, что зритель никак не может понять, что и кого высмеивает автор, против чего настраивает он зрителя, куда зовет его.

В пьесе действуют профессор-кардиолог, доцент и студенты физкультурного института, молодые спортсмены, комендант и сторож спортивного стадиона, продавщица мороженого—словом, люди самых различных профессий и положений. Автор ставит всех их в одинаково смешное положение, ради смеха оглуляет все свои персонажи, даже комментатора, выступающего от лица автора, заставляет каждого из них совершать и говорить всевозможные глупости и нелепости, чтобы рассмешить, развеселить зрителя. Одна из центральных картин комедии повествует о том, как кандидат наук Катамадзе после долгих мытарств в конце концов получил однокомнатную квартиру именно в тот момент, когда собрался жениться на своей студентке Бостоганашвили. Вселяясь в квартиру и видя, что он уже располагает собственными «удобствами», Катамадзе от радости получает инфаркт, а присутствующие при этом близкие ему люди долго не могут оказать больному необходимую первую помощь, ибо в новой квартире ни из одного крана не идет вода.

Ясно, что на основе подобных пьес грузинский театр, при всех своих стараниях, не мог добиться серьезных успехов в деле творческого овладения актуальной темати-

кой наших дней. Прославившись на весь Советский Союз своими великолепными постановками «Отелло», «Царя Эдипа» и «Ричарда III», грузинский театр не создал за последние годы ни одного полноценного спектакля, отображающего сегодняшнюю жизнь грузинского народа. Давно на сцене грузинских драматических театров мы не видели полнокровного, волнующего образа нашего современника, находящего горячий отклик в сердцах зрителей, духовно обогащающего и воодушевляющего нас. В этом заключается сейчас основной недостаток грузинского театра и драматургии. И пока этот недостаток не будет преодолен, мы не можем радоваться даже большим победам, одерживаемым нашими театрами в новом прочтении и осуществлении великих произведений мировой классической драматургии.

В последнее время в Грузии появились пьесы, одобрительно встреченные общественностью и театральной критикой, порождающие реальные надежды на новый подъем в республике драматургического творчества. Театр имени Марджанишвили поставил пьесу автора «Стрекозы»—М. Бараташвили—«Мое Квавилети». В пьесе воссозданы живые, яркие картины современной трудовой жизни грузинской колхозной деревни, поэтично отражена атмосфера новых социальных и бытовых взаимоотношений, утверждающихся ныне на селе. И на этом фоне в пьесе повествуется о судьбе молодого инженера Давида, по окончании института вернувшегося в родную деревню с искренним намерением бороться за новый подъем хозяйственной и культурной жизни колхозного села. Но на этом пути он наталкивается на серьезное препятствие. Его жена, молодая, красивая, но легкомысленная, избалованная Нино и ее тетя Нимфа—взбалмошная обывательница—не хотят мириться со «скукой» деревенской жизни. Они настойчиво пытаются оторвать Давида от любимого дела, от близких ему людей, толкают его в болото праздной, обывательской жизни.

Нелегко было Давиду, влюбленному в свою красивую жену, преодолеть это препятствие. Не раз колебался он и раз даже серьезно ошибся. Но обстановка современной созидательной жизни помогла ему преодолеть эти сложные противоречия и занять достойное место среди тружеников родной деревни.

Написанная живым, образным литературным языком, пронизанная мягким лиризмом, пьеса эта могла бы стать незаурядным событием в нашей драматургии, если бы автор добился цельности и монолитности композиции, более четкой разработки главной сюжетной линии, несущей основную смысловую нагрузку, если бы писательница нашла более яркие краски для обрисовки полнокровного характера своего положительного героя. Действия Давида, раскрывающие его лучшие черты, проходят за кулисами. Поэтому зрителю трудно близко

принять к сердцу авторские характеристики героя, недостаточно подтвержденные его делами.

Живой интерес вызвала сатирическая комедия О. Чиджавадзе «Крот», поставленная сперва тбилиским русским драматическим театром имени Грибоедова, затем кутаисским драматическим театром имени Месхишвили, а сейчас готовящаяся к постановке в ряде других театров республики. Со временем эта пьеса войдет, по видимому, в репертуар театров и других братских республик. Важное достоинство этой комедии заключается прежде всего в том, что, изобличая пережитки капиталистического прошлого, она убедительно показывает обреченность носителей этих пережитков. Решительно порицая, вместе с драматургом и театром, прожженного бюрократа, взяточника, безнравственного обывателя и труса Сандро Коридзе — главного героя пьесы, — зритель на всем протяжении сценического действия ни разу не теряет ощущения того светлого мироощущения, рожденного нашей действительностью, на фоне которого этот сатирический персонаж выглядит особенно смешным и жалким. Вся природа советского общественно-политического строя принуждает этого скудоумного проходимца существовать под постоянным страхом разоблачения. Поэтому трусость стала главной чертой его натуры, лишаящей его элементарных человеческих достоинств. Интересно задуманные острые комедийные ситуации, колоритно вырисованный типаж в сочетании с правильно осмысленным отношением драматурга к изображаемым явлениям и людям, обеспечивают этой комедии успех у зрителя. Автор «Крота» идет в своем произведении по правильному пути. Однако ему следует стремиться к созданию сатирического образа более крупного плана, необходимо выразительнее показать всю вредоносность и опасность для нашего дела пока еще существующих в советском обществе гнилых, порочных людей. Наша сатирическая драматургия должна обладать большей изобличительной силой и пафосом порицания, чем это имеет место в комедии О. Чиджавадзе. Произведения этого жанра должны вызывать не добродушный смех, а чувство негодования, гневной непримиримости ко всему порочному и отрицательному, тормозящему развитие советского общества.

О новом творческом оживлении в области драматургии свидетельствуют также лирическая драма В. Габескириа «Шелест тополей» и драматическая поэма А. Мирцхулава «Разбитый кувшин», в которых затрагиваются весьма острые, злободневные проблемы нашей современной жизни. В настоящее время эти пьесы готовятся к постановке. Без сомнения, новыми темами и образами обогатят грузинскую драматургию новые пьесы, которые уже заканчивают Г. Абашидзе, М. Мревлишвили и Г. Шатберашвили. Наступает новый этап в развитии нашей драматической литературы, а

следовательно, и в нашей театральной жизни. С новой силой возрождается замечательная традиция активного творческого содружества театров с писателями, в значительной мере ослабленная за последние годы. И, говоря об ослаблении этой прекрасной традиции мы с огорчением думаем о том, какие большие и драгоценные возможности упустил грузинский театр, пройдя мимо многих лучших произведений грузинской художественной прозы 30-х—50-х годов.

То же можно сказать и о грузинской кинематографии. Ни одно из отображающих современность произведений нашей прозы последних лет не было использовано кинематографистами для создания художественных фильмов. Они предпочли сценарии, написанные случайными людьми, ничего общего не имеющими с литературным творчеством. В результате такого игнорирования писательского труда, равнодушия к литературным качествам сценариев, тбилисская киностудия «Грузия-фильм» подряд выпустила ряд неудачных фильмов — «Цветок на снегу», «Белая гостиница», «Две семьи», «Нино», «Приговор», «Где твое счастье, Мзия?» и др. Нет надобности анализировать драматургию этих фильмов, лишней раз разъяснять убожество именно их драматургической основы. Об этом много уже сказано и написано. Недавно накануне объединенного пленума правления Союза писателей и оргкомитета Союза кинематографистов Грузии, посвященного вопросам кинематографии, был устроен просмотр грузинских фильмов последних лет. Он показал, в каком кривом зеркале, как искаженно и изуродованно представила наша национальная кинематография современную жизнь и духовный облик грузинского народа. Непонятно, как можно так дискредитировать народ, славящийся своими замечательными моральными достоинствами, трудолюбием, мужеством, богатой духовной культурой, неиссякаемой творческой потенцией. Сценарии всех этих порочных фильмов принадлежат случайным людям, ловким «сценармастерам». Наиболее же удачными оказались те фильмы нашей киностудии, которые созданы на основе произведений, написанных квалифицированными, профессиональными писателями («Они спустились с гор», «Тень на дороге», «Парень из Сабудара», «Лурджа Магданы» и др.).

Отсюда сам собой напрашивается вывод: грузинская кинематография только тогда сумеет выйти из нынешнего весьма затруднительного, нетерпимого положения, когда к созданию сценариев будут привлечены мастера нашей литературы. Знакомаясь с творческим планом тбилисской киностудии на ближайшее время, убеждаешься, к сожалению, что эта очевидная истина пока еще не осознана руководителями и деятелями нашей кинематографии. Напрасно они ссылаются на то, что писатели, якобы, неохотно берутся за написание сценариев. Если это так, то следует изучить

причины, отталкивающие писателей от кинематографии и искоренить эти причины. О них часто говорится на наших совещаниях по вопросам киноискусства, и они всем хорошо известны. С большим удовлетворением было воспринято участниками пленума правления Союза писателей СССР сообщение о том, что специальным приказом кинорежиссерам запрещено писать сценарии или вступать в соавторство с драматургами без особого на то разрешения. У нас имеются режиссеры, обладающие литературными способностями. Они, конечно, могут писать сценарии. Но, как правило, кинодраматургические произведения должны создавать писатели, а дело режиссера направлять все свои творческие силы на глубокое раскрытие и высокохудожественное воплощение этих произведений. К великому сожалению, эту элементарную истину приходится доказывать и отстаивать и по сей день. Необходимо решительно изгнать из сложнейшего искусства кинодраматургии людей, которые, прикрываясь своими познаниями в области «сценарной специфики», ищут в кинематографии лишь средства личной наживы.

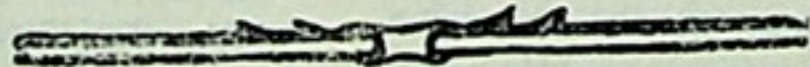
На пленуме правления Союза писателей СССР много говорилось о том, что московские драматические театры, охотно принимающие к постановке порою посредственные произведения зарубежной драматургии, проявляют удивительное равнодушие к творчеству драматургов братских народов СССР. Участники пленума единодушно поддержали известного армянского писателя Г. Боряна, умно, интересно и убедительно начавшего этот разговор. В ходе пленума выяснилось, что в этом деле, как заявил А. Салынский в своей заключительной речи, у нас до сих пор положение прямо таки постыдное.

В преодолении этого серьезного недостатка многое зависит от русских драматургов. Совершенно правильно сказал об этом на пленуме Вл. Пименов: пока лучшие русские драматурги с искренней заинтересованностью не возьмутся за перевод произведений писателей народов Советского Союза, как это делают многие мастера русской поэзии, до тех пор не удастся вывести на широкую всесоюзную арену луч-

шие образцы наших национальных литератур. Вместе с тем мы должны бороться против самотека и частной инициативы в этом важном деле. Чем можно объяснить и оправдать, например, то положение, что некоторые слабые грузинские пьесы, отнюдь не делающие чести нашей национальной литературе, были поставлены за последние годы некоторыми московскими театрами, а замечательные комедии П. Какабадзе этого пока не удостоились? Одновременно надо позаботиться о том, чтобы с большим вниманием относились друг к другу и драматурги и театры наших братских народов. Почему, например, мы давно не видим в репертуаре грузинских театров произведений армянской, азербайджанской, белорусской, узбекской и других национальных литератур? К сожалению, и в этом отношении грузинский театр не составляет исключения.

В связи с затронутыми в этой статье вопросами следует сказать несколько слов и о нашей критике. Весьма отрадно, что за последнее время у нас появилось молодое поколение талантливых, эрудированных театральных критиков и театроведов. Однако грузинская театральная критика до сих пор проявляет удивительную робость и, я бы сказал, позорную трусость, не сопротивляясь тусклости, посредственности и бездарности в нашей драматургии и театральном искусстве. Сколько низкопробных пьес и спектаклей появилось у нас за последнее время! Почему же молчит в таких случаях наша театральная критика? А бывает и хуже—некоторые критики безудержно восхваляют эти порочные произведения, способствуя тем самым снижению требовательности в искусстве, а следовательно и обеднению нашей драматургии и театра. В этом, на наш взгляд, заключается основной и весьма серьезный недостаток грузинской театральной критики.

Активно поддерживая и поощряя все новое, прогрессивное и талантливое в искусстве, наша театральная критика со страстной непримиримостью должна бороться против ремесленничества и серости. Только тогда она сможет выполнить свое высокое призвание в борьбе за высокий идейно-эстетический уровень нашей драматургии и театра.

Кто виноват?

Я прочел статью Лины Хихадзе «Переводчик или автор?» не только с интересом, но, прямо скажу, с волнением. Автор правильно и с точным прицелом ставит вопрос, важный для развития всей нашей многонациональной культуры. Вопрос чрезвычайно серьезный. Обвинения в адрес поэтов-переводчиков не могут быть опровергнуты ничем. Они справедливы и убийственны.

Резкие, ничем не оправданные расхождения с оригиналом говорят о том, что поэты-переводчики, упомянутые в статье, либо заблуждаются в природе и задачах переводческого искусства, либо сами введены в заблуждение, либо попросту работают спустя рукава, неряшливо.

Боюсь, что последнее предположение самое верное!

Почему же это могло произойти? Почему талантливые молодые поэты, которых мы хорошо знаем, честные и добросовестные люди, так недобросовестно отнеслись к серьезной и ответственной работе?

Львиная доля вины ложится исключительно на них самих: за плохую работу всегда и везде отвечает тот, кто ее сделал.

Но следует вспомнить вот о чем!

Где скрывался при этом редактор, в чью обязанность прежде всего входит тщательно сравнить перевод с оригиналом? Его обязанностью было также указать переводчику на его недопустимую вольность, а то и забраковать перевод!

Где был автор? Разве входит в его намерения предстать перед русскими читателями в изменившемся до неузнаваемости виде?

У всех у нас накопился большой и часто горький опыт в области редактур и издания переводных поэтических книг. Они редактируются и издаются в ничем не оправданной спешке. То ли сроки какой-нибудь декады нависают над чьими-нибудь головами, то ли еще какие-нибудь чрезвычайные обстоятельства толкают в спину редактора или самого поэта, но рукопись поэта, особенно молодого, безжалостно разрывается на куски; отдельные, не связанные между собою стихотворения поручаются отдельным, не связанным между собою переводчикам, которые плохо представляют себе, что за поэт перед ними. Подстрочники в подавляющем большинстве случаев сделаны небрежно. Очень часто в них трудно уловить смысл.

Нередко поэту - переводчику самому, на свой страх и риск, приходится продираться сквозь дебри прозаического, бессвязного пересказа. Ему приходится благодарить собственное чутье, если не случай, когда в результате перед ним забрезжит проблеск чего-то вроде понимания.

Заметьте, что все это говорит старый, очень опытный поэт, даже «мастер»! Что же бывает с молодыми поэтами?

Но допустим, что так бывает не всегда, что и подстрочник может оказаться вполне добросовестным и толковым, даже талантливым, что он — верная опора в рискованном, сложном труде, каким по самой природе своей является поэтический перевод. Правильно! Но мы недаром говорим: сложный и рискованный труд. Ведь это творчество, а не ремесло. Элемент толкования, трактовки, то есть элемент своего неизбежен во всяком творческом переводе. И если говорить правду до конца, это свое, внесенное в перевод самим переводчиком, тоже

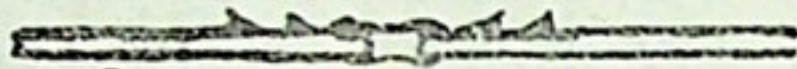
Начало дискуссии по вопросам поэтического перевода см. в журнале «Литературная Грузия» №№ 1, 2, 3.

оценивается как нечто положительное: благодаря такому привнесению перевод и становится поэзией, а не переводом только.

Вот тут-то и необходим толковый и тактичный редактор, чтобы судить с мере допустимой вольности. Ему не зачем ждать авторского вмешательства, он обязан и заметить, и сигнализировать вовремя, и вмешаться, и добиться исправления сам. На то он и существует. В этом его главная функция.

Вот мои печальные раздумья по

поводу острой и нужной статьи Лины Хихадзе. В заключение подчеркну: я не собираюсь затушевывать или усложнить основной вывод, сделанный с самого начала: за плохой перевод прежде всего отвечает его автор. Все остальное — это наши производственные, «кухонные» подробности. Читатель ими мало интересуется. Читатель берет в руки книгу и замечает в ней брак. Это очень скверно, но мы обязаны смотреть правде в глаза и не замазывать правды.

„Витязь в тигровой шкуре“ в переводе Ш. Нуцубидзе

В ходе дискуссии о переводах, ведущейся на страницах «Литературной Грузии», я считаю необходимым поднять вопрос о переводе на русский язык бессмертного творения Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Вопрос этот имеет, на мой взгляд, тем большее принципиальное значение, что подстрочник Иорданишвили стал библиографической редкостью, а из поэтических переводов преимущественное распространение получил перевод проф. Шалвы Нуцубидзе, в котором, на мой взгляд, немало языковых ошибок и смысловых неточностей. Между тем, именно с этого перевода делаются теперь переводы «Витязя...» на другие языки... Цитаты из перевода Ш. Нуцубидзе я буду приводить по последнему «исправленному» его изданию. Следует, впрочем, сразу же отметить, что при «исправлениях» нередко одна ошибка заменялась другой. В качестве примера приведу первую, по-грузински всем известную строку поэмы:

„რომელმან შექმნა სამყარო ძალითა მით
ძლიერითა“.

Эту строку поэмы Ш. Нуцубидзе все время печатал в таком виде: «Тот, кто создал мирозданье самовластьем всемогущим».

После того, как в своей статье, напечатанной в журнале «Мнатоби» (1956 г., № 4), я заметил, что бога самовластным называют Сатана Мильтона и Люцифер Байрона, строка эта в последнем издании была «исправлена» таким образом:

«Кто создателем вселенной был всеильно-всемогущим».

В этом новом варианте опять-таки имеется грубая ошибка: совершенно недопустимо здесь прошедшее время — «был всеильно-всемогущим». С точки зрения любой монотеистической религии, всемогущество является вечным, неизменным признаком божества. Поэтому нельзя сказать: «бог был всемогущим», или «бог будет всемогущим», а говорится лишь в настоящем времени: «бог всемогущ». Ведь из всех трех времен только настоящему времени присущ характер общности.

Мне кажется, что в переводе Ш. Нуцубидзе трудно, пожалуй, найти строфу, в которой не было бы или смысловой неточ-

ности, или стилистической неряшливости, или же просто грамматической ошибки. Для большей убедительности обратимся хотя бы к первой странице книги. Здесь напечатаны три строфы, и все с такими дефектами, которые никак нельзя извинить. О первой строфе уже говорилось. Во второй строфе читаем:

«Облегчи грехи, что к небу мы уносим в твой чертог!»

По переводу Ш. Нуцубидзе выходит, что творить грехи — это самое надежное средство, чтобы попасть в чертоги бога. По мнению религиозных людей, греховный человек попадает не на небо, да еще в чертоги бога, а в преисподнюю, в ад. К богу же он возносится, лишь очистившись от грехов.

В третьей строфе о царице Тамар и ее супруге Давиде сказано:

«Солнцу блещущему пары».

Здесь допущена грубая ошибка. Можно сказать: «Иван Петру пара», но нельзя сказать: «Иван и Давид Петру пары».

Но рассмотрим перевод других строф поэмы. Сперва я приведу из перевода Нуцубидзе такие примеры грамматических ошибок, логических несообразностей и стилистических вывихов, которые не требуют сличения с оригиналом. Вот эти примеры:

85. «Из такой же шкуры тигра голова его в тюрбане».

(Вследствие грамматической нескладности стиха получается, что «из такой же шкуры тигра» была голова Тариэля, а не его шапка).

95. «Он готовил всем нагнавшим бледный облик мертвецов,

Друг о друга он метал их».

(Можно ли говорить «бледный облик», да еще мертвецов? Да еще «метать их друг о друга»?).

121. «Торопясь, оделся в платье лучше всякой пестроты».

182. «Он прошел весь лик вселенной, где лежит земли порог».

218. «На мгновенье даже ока»...

(Здесь слово «даже», конечно, не на своем месте).

238. «...призывал он всех богов».

(Разве Автандил язычник?).

240. «Не скажу тебе, покуда не объемлет смерти мгла».
(Скажет, очевидно, после смерти!).

255. «...шли два путника вдвоем». (!)

260. «Таризель — зовется витязь, в нем людская мысль темна». (?)

267. «Дева под ноги постлала шкуры пестрые тигрицы.
Витязь сел на них, и душу тянут вздох вереницы».

308. «...Слез потоки на глазах».
(Из глаз?).

313. «...грудь ему пронзила рана».
(Разве рана может пронзить?).

313. «...и веселью нет изъяна».

314. «Вам служить готовый, сердца испытать хочу проворство».
(Проворство сердца?).

359. «И под деревом сомненья ощутил на сердце тьму».
(Что это за «дерево сомненья?»).

445. «Жаждал боя, как прибоя»...
(Почему: «как прибоя?»).

455. «Я послал людей повсюду для сбирания дохода».
(А не дани?).

519. «...волю дав дождить слезам,
«Слезы мне глаза пронзили».

559. «...Я гонцов предал кончине».

620. «Из врагов от ваших дланей до сих пор струится кровь».

648. «Войско горе выражало без прикрас и разговора».
(Горе можно выразить без слов, а не без разговора).

705. «...точно Тарос иль погода».
(Тарос по-грузински и есть погода).

707. «Витязь молвит: «Семь возвел я до восьми в тисках беды».
(Эту строку вообще невозможно понять).

714. «...Солнца мне тесны границы».

792. «Кто, найдя предел пределам, обессмертил божество».
(Что значит «предел пределам» и как можно обессмертить божество, которое, по убеждению религиозных людей, бессмертно?).

793. «Без лучей небесных розы увядают ежегодно».
(А разве розы, вообще, не увядают ежегодно?).

801. «...взят я времени размахом».

846. «Ничего о нем не слышно, ни в вестях, ни в разговоре».

856. «Справедливый сказ в Китае на скале начертан так».
(Почему сказ, а не поговорка, и почему на скале, а не на камне, как сказано в оригинале? Разве мудрые изречения писались в древности на скалах?).

863. «Пусть умру, себя не жалко, окровавлю свой хребет».
(Речь, понятно, должна идти об ответственности: «Пусть кровь моя падет на мою шею»).

886. «Врозь пошли мои стихи, возношусь в духовный ряд».

(Может быть, в духовный сан? И что за стихи, которые пошли врозь?).

921. «Кто умен, тот, пить желая, не прольет на землю воду».
(Для этого ума не требуется. В оригинале сказано: «Если он не сумасшедший»).

921. «Удивляюсь я такому слез из глаз моих исходу».
(Я тоже удивляюсь).

921. «Все струят, а влаги жаждут, словно в жаркую погоду».

970. «Инды, греки и арабы с двух сторон из-за границы».

973. «Всех земель и всех угодий Нурадин-Придон наследник».
(А речь идет о Придоне — «царе этой страны»).

1046. «Восемь их он бил об десять, то обратно наискось».

1090. «Смерть иль жизнь пусть мне укажут путь любовного обета».
(Не могут указать, потому что никто не знает, что такое «путь любовного обета». В оригинале сказано: «Пусть решится, наконец, жить мне или умереть!»).

1094. «Эта женщина всех знает, как владелица предместий».
(Неужели Фатман, жена торговца, владела предместьями столицы, да еще всеми?! В оригинале: «Та женщина живет здесь и встречается со многими людьми»).

1131. «Плыли двое с черным телом, волосами и лицом».

1198. «Отпустить ее решили, — чтоб невинность вновь воскресла».
(Может быть, невинность? Но в оригинале нет и этого).

1238. «...высох брод от глаза к глазу».

1241. «...деву дивную невестя».

1277. «Мчись, письмо, и, если можешь, распрями свои колена».

1337. «...и сплели венок из шей».

1414. «Трое едут стройным строем, выбрав каждому ворота».

1454. «На губах Асмаг горячих губ Не-
стан лежат узоры».
(У Руставели сказано просто: «Нестан-Дареджан обнимает ее, целует»).

1491. «Возвеличу речью пестрой я арабского патрона».
(Вот эта же строка по подстрочнику Иорданишвили: «Зачем я буду говорить с царем обняками?»).

Ограничимся пока этими примерами, число которых можно было бы легко умножить. Автор перевода, вообще говоря, составляя строфы, часто насилует русский язык и грешит против элементарной логики. Не удовлетворяет в переводе и инструментовка стиха, хотя в предисловии к книге Ш. Нуцубидзе смело заявляет: «Мы поставили себе задачей передать всю оркестровку Руставели» (16 стр.) и, как доказательство, приводит четыре примера. Рассмотрим по порядку все эти четыре примера.

Первый пример:

„ხელი ჰხადეს ხრმალოთა მათთა, არა ცუდად
წელთა ებნეს“. (1535)

«По холмам хорошим ходом мчат, рука дружит с мечом» (1537).

Сличив перевод с оригиналом, мы видим большое различие между ними в отношении содержания: во всяком случае в той части, где имеется сходство в звукозаписи, они в смысловом отношении не имеют ничего общего между собой. Помимо того, неверно выражение «хорошим ходом мчат». И, кстати, в слове «дружит» ударение должно быть на первом слоге.

Второй пример:

„გველნი მოშლით მოქეცხნეს, ბალი შეღმა
ჰერაშენდა“. (1158)

«Змеи кос, висевших косо, ширясь, шли в широкий сад» (1160).

После чтения этой строки перевода невольно возникают вопросы: почему косы висели косо, как они могли шириться и каким образом шли они в широкий сад?

Третий пример:

„თეთრთა კბილთათ გამოჰკრთების თეთრი
ელვა ვითა ჰვირი“. (1158)

«Блещут белым блеском зубы,—нет у молнии такого» (136).

Во второй части этой строчки («нет у молнии такого») обрывается столь неожиданно и резко возвышенный характер стиха, что вся строка становится комичной. И грамматически фраза составлена неправильно: чего «такого» нет у молнии? Блеска или, может быть, зубов?

Четвертый пример:

„კაცსა უკრავად დაბნედილს ხმა ტარიელის
ხატისა“. (1416)

«Без удара низвергает Тариэль громовым ревом» (1418).

По поводу этой строки, приводимой переводчиком в качестве образца совершенства, я писал в упоминавшейся уже выше статье: Руставели ни здесь, ни где-либо в другом месте не говорит, что Тариэль «ревет», а слово «низвергает» обязательно требует дополнения «кого?» или «что?». Посчитавшись с замечанием, Ш. Нуцубидзе исправил строку и напечатал ее в последнем издании в следующем виде: «Только окрик Тариэля оглушал врага как громом». Это тоже плохо. Добавим лишь, что переводчик забыл о собственном исправлении и во вступительной статье напечатал строку в ее прежнем виде.

Существует мнение, что перевод Ш. Нуцубидзе, не отличаясь поэтическими достоинствами, по крайней мере ближе к оригиналу, чем другие русские переводы. Это неверно. Не говоря о том, что попросту немислим подобный отрыв формы от содержания, заметим, однако, что перевод Ш. Нуцубидзе часто не точен и в передаче смысла. Это отчасти видно из примеров, приведенных мною выше. Стихи, да еще рифмованные, невозможно перево-

дить совершенно точно. Опытный переводчик умеет отличить в них главное от второстепенного и, стараясь передать главное, позволяет себе, по мере надобности, быть свободным в передаче второстепенного. Ш. Нуцубидзе же, по-моему, часто, упуская или искажая главное, старается особенно точно передать второстепенное. Например, в 184 строфе говорится: Автандил видит с горы поле, которое можно проехать «в семь дней». Необязательное, стоящее на рифме слово «семь», вместо которого могло быть и «восемь» и «шесть», если бы того потребовала рифма, Ш. Нуцубидзе передает точно — «семидневный в нем пробег». Но Автандил видит также, что у подошвы горы протекает окаймленная с двух сторон лесом река, или речка, для которой «не требуется мост». Это замечание важно — значит, река мала, и через нее Автандил может переправиться вброд. Не обращая внимания на это обстоятельство, Ш. Нуцубидзе переводит:

«Под скалой поток в теснине; русло—узкое для рек.

С двух сторон окован лесом бурных вод скалистый берег».

Из этого перевода, наоборот, следует, что Автандил непременно утонет в потоке «бурных вод», если он посмеет туда войти. (Кстати, что за выражение «под скалой поток в теснине?» Что значит обобщение: «русло — узкое для рек?» Разве реки местами не имеют узкое и даже очень узкое русло? Дальше — как может быть «окован» лесом «скалистый берег»).

Разберем еще один пример того, как переводчик, удерживая второстепенное и даже ненужное, искажает главное. 408 строфу он переводит так:

«Провела меня по дому, что украшен бани-баном,

И луна мне заблестала в ореоле сиянном,

Вся в зеленом, восседала на ковре багрянотканном,

Приводила чувства в трепет и лицом и стройным станом».

У Руставели действительно стоит на рифме «банис-банита» (терраса), но следует ли в русский перевод непременно перенести ее, да еще по-грузински? Русский читатель смысла этого слова или не поймет, или же подумает, что здесь речь идет о какой-то бане, пристроенной к дому. Соблюдая такую «точность», переводчик в то же самое время не замечает, что Нестан-Дареджан не «восседала на ковре», а сидела за ковром. Ведь сам Ш. Нуцубидзе в 343 строфе пишет: «Поднял он ковровый полог, я ж не видел неба дара» (обратите, между прочим, внимание на «стиль» второй половины строки). Нигде Руставели не говорит о цвете этого ковра, а Ш. Нуцубидзе указывает, что он «багрянотканый». Затем обычные языковые ошибки: Тариэля провела Асмат не «по дому», а в дом; плохо сказано «луна мне заблестала», далее, можно ли приводить «чув-

ства в трепет»? Наоборот, само чувство может привести человека в трепет.

Порой Ш. Нуцубидзе допускает даже такие ошибки, каких нет у русских переводчиков этой поэмы, пользовавшихся подстрочником. Приведем примеры. В 250 строфе Автандил говорит незнакомой пока ему Аснат: «Даже облако не достигнет тех мест, куда я приходил! Нашел я ваши сердца, твое принадлежащим ему, а его тебе». Ш. Нуцубидзе это переводит так:

«Всех путей моих скитаний не поймут и облака,

Но сердца нашел я ваши,—значит, цель моя близка».

Как могут понять что-нибудь облака? Выясняется, что Ш. Нуцубидзе слово Руставели «михвдебис» (достигнет) истолковал в его современном значении (поймет), а отсюда — несуразность.

Разберем другой пример. Аснат, главная прислужница Нестан-Дареджан, решает тайне помочь встрече Тариэля со своей повелительницей. С этой целью она вторично посылает через своего раба письмо Тариэлю, которого просит о встрече с нею, с Аснат. Когда витязю докладывают о приходе раба с письмом от мало знакомой ему Аснат, он подумал: «За кого же она меня принимает?» Однако (рассказывает он) «принесенное рабом письмо я прочел спокойно». Эту строку (364 строфа) Ш. Нуцубидзе переводит так: «Я письмо прочел, весь полный сладострастного желанья». Откуда появилось в переводе это «сладострастное желанье»? Очевидно, по той причине, что слово оригинала «небаса» (спокойно) переводчик прочел как «внебаса» (страсть).

Ни у одного из переводчиков Руставели нет, например, той грубой ошибки, какую Ш. Нуцубидзе допускает во второй строке 1285 строфы: местоимение оригинала — «ман» (или «он», или «она» по смыслу контекста, ибо рода в грузинском языке нет) переводчик отнес к Автандилу вместо Фатман, и получилось, что, якобы, некий витязь (Автандил) рассказал Фатман о скорбной участи Нестан-Дареджан. На самом же деле все было как раз наоборот, что хорошо известно каждому читателю поэмы Руставели. Вот это место в переводе Ш. Нуцубидзе:

«Некий витязь к нам явился, красота блестит во взоре,

Рассказал Фатьме подробно, ты в каком великом горе».

Невозможно не указать здесь еще на одну ошибку: красота не может блестеть во взоре, красивыми могут быть глаза, но не взоры.

Излишне говорить о том, что в переводе Ш. Нуцубидзе нет возвышенности, стиль перевода не выдержан. Часто переводчик использует слова и целые выражения, снижающие стиль поэмы. Например, Фатман посылает письмо Нестан-Дареджан, и это письмо переводчик почему-то называет письмецом. Вот вся эта строка (1278):

«И Фатьма раба призвала и вручила/
письмецо».

Тут невольно вспоминается стихотворение Плещеева — «Письмецо от внука получил Федот» (Положительно невозможно привести из перевода какой-либо отрицательный пример так, чтобы не найти в той же строфе другие промахи. Рядом с этим «письмецом» читаем: «Вкруг себя свой плащ зеленый обвивая, как кольцо». Выходит, что посланец не одел свой плащ, а закрутил его и обвязал им себя, как кольцом. Там же читаем, что «маг исчез, перелетая на крыльцо через крыльцо». На самом же деле он быстро пролетел над крышами домов и исчез).

В переводе Нуцубидзе Аснат нередко зовется не сестрой, а сестрицей. Например, в 222 строфе читаем «Молвит он: «Аснат, сестрица!». Но извлекая этот пример снижения стиля из 222 строфы, мы, неожиданно для себя, наткнулись там на еще более грубые погрешности. Так, в третьей строфе читаем:

«Молвя, в грудь себя ударил — ливень хлынул с высоты».

Но не думайте, что ливень хлынул с неба — из глаз Тариэля! (Следует вообще отметить, что переводчик очень пристрастился к слову «молвить», в этой строфе оно встречается два раза).

Вернемся опять к «сестрице». Это слово мы встречаем у Нуцубидзе даже в такой полной величия строфе, в какой описана разгневанная Нестан-Дареджан (522).

Вот перевод этой строфы:

«Так лежала, как у кряжа разъяренная тигрица.

Не сравнятся с ней чинара, ясный месяц и денница.

Мне, сраженному, велела дальше сесть Аснат-сестрица.

А Нестан, нахмурив брови, приподнялась, гневнолица».

Кроме неподходящей «сестрицы» в этой строфе можно указать еще и на другие промахи. Должно быть не «у кряжа», а «на краю скалы», как сказано в оригинале. Но самая грубая ошибка заключена в слове «велела». Как могла служанка Аснат «велеть» Тариэлю сесть?!

Итак, распространенное мнение о том, что перевод Ш. Нуцубидзе близок к оригиналу, — не подтверждается даже простым сопоставлением.

Для большей убедительности приведем еще несколько примеров. Вот известная строфа, описывающая Тинатин при ее посещении Автандилом. Оригинал (123):

*„გაძრცვილსა ტანსა ემოსნეს ყარყუმნი
უსაპირონი.
ეპურნეს მოშლით რიდენი, ფასისა თქმად
საპირონი.
ჰშვენოდეს შავნი წამწამნი, გულისა გასაგვირონი;
მას თეთრსა ყელსა ეხვივნეს გრძლოთ ოპანი არ
უხშირონი“.*

Перевод (123):

«Прикрывалась прелесть тела цельно-
шитым горностаем,
Головной убор бесценный ниспадал небрежным краем,
В сердцегибельных ресницах чары плыли черной стаей,
Белый блеск шеи волнами кос обильно обрамляем».

Помимо общей слабости нуцубидзевской строфы, в ней имеются обычные погрешности, не менее одной на каждую строку. Вот они: не годится и не соответствует оригиналу «прикрывалась прелесть тела»; покрывало не может ниспадать небрежно только «краем»; как могут чары плыть, да еще «черной стаей», то есть ресницами? В четвертой строке, для соблюдения стихотворного размера, слово «шеи» дано с неправильным ударением на последнем слоге; в той же строке неправильно «обильно обрамляем», — вряд ли можно «обильно обрамлять!»

Второй пример: 227 строфа, описывающая внешность Тариэля, проехавшего мимо следящего за ним Автандила:

„ავთანდილ ახლოს კვლა ნახა სახე მისივე
კაცისა,
ულვაშ-აშლილი, წვერ-გამო, „ნუთუ მზეაო, —
თქვა, — ცისა?“
ეყნოსა სუნი ალვისა, ქართავან მონატაცისა;
ასრე უჩხს მოკვლა ლომისა, მართ ვითა ლომსა
ვაცისა“.

Перевод Ш. Нуцубидзе:

«Автандил лицо увидел, как проехал витязь рядом.

Борода, усы виднелись. «То не солнце ль блещет золотом?» —

Молвит витязь, упиваясь пролетевшим ароматом.

«Льва, как лев козла, задушит», — молвит, вслед вперяясь взглядом».

Ошибки в этой весьма нескладной строфе следующие: по оригиналу у Тариэля только лишь пробиваются усы и борода, в переводе Ш. Нуцубидзе герой напоминает скорее не юного Тариэля, а Илью Муромца; «молвит» в третьей строке и опять «молвит» в четвертой; по-русски говорят не «вперяясь взглядом», а вперяя взгляд.

Третий пример (232):

„მას ყმასა თავი არ მისცა, კვრეტადცა
ებილწებოდა,
ვითა კაკაბი არწივსა ქვეშე მი და მო ძრწებოდა.
ტარიელს ვისმე უზახდა მწედ, თუცა არ
ემწებოდა,
ავთანდილ მუხლთა უყრიდა, თითითა
ეხვეწებოდა“.

Перевод Ш. Нуцубидзе (232):

«Не давалась, вырывалась, избегая даже взгляда,

Как в когтях орла добыча. Жизни горестной не рада.

Тариэля кличет в помощь, но вдали ее ограда.

Автандил же на коленях просит знаками, что надо».

Ошибки в переводе: в оригинале сказано, что ей (Асमत) даже смотреть на незнакомца (Автандила) было противно, а переводчик пишет: «Избегая даже взгляда», то-есть действие перенесено на Автандила. В третьей строке следовало указать, что кличет «какого-то» Тариэля, ибо Автандил впервые услышал это имя; четвертую строку нельзя прочесть без улыбки: право, что значит — «просит знаками, что надо».

Четвертый пример (507):

„დილასა აღრე სრას მიხმეს, დღე რა ქმნა
მწუხრმან ქამითა;
ავღეგ, ვცან მათი ამბავი, წასლვა ვქმენ მოთვე
წამითა;
ვნახე, ორნივე ერთვან სხდეს ხასითა ოღენ
სამითა,
რა მიველ, მოხრეს დაჯდომა, წინაშე დავვე
სკამითა“.

Перевод Нуцубидзе (507):

«Во дворец явиться — утром слышу я слова приказа.

Встал, спросил про все, собрался я в одно мгновенье глаза.

Прихожу, — там царь с царицей и пред ними все три хаса.

Пред царем я сел, как чином установлено дарбаза».

Во второй строке, как уже было указано, — в «одно мгновенье глаза» вместо «ока»; в третьей строке неверно — «все три хаса», как будто их было всего три у царя, в оригинале сказано, наоборот, «только три»; в четвертой строке — уточнения «чином установлено дарбаза» в оригинале нет, да и быть не могло, так как это не заседание совета, а частное совещание.

Пятый пример (822):

„თუ თავი შენი შენ გახლავს, ღარიბად არ
იხსენებო;
მაგრა მე რა ვქმნა, გაზრდილო, აწ სახლად
მმართვებს სენებო!
გამალარიბე, დამავღე, გულსა, გლახ, ვისთვის
ენებო,
შენად შეყრამდის პატიეთა ჩემთა ვერ იტყვის
ენებო!“

Перевод Ш. Нуцубидзе (824):

«Если разум твой с тобою, ты не в горе одиноком.

Что же делать мне, питомец? Дом мой в сумраке глубоком.

Вняв другим, меня ты бросил в одиночестве жестоком,

Мне страдать, пока с тобою я не встречу ненароком!»

Первая строка этой строфы — один из наиболее популярных афоризмов Руставели. Ш. Нуцубидзе не понял его содержания. В третьей строке не должно быть отсутствующего в оригинале слова «вняв другим», это звучит как клевета на Автандила. В четвертой строке совершенно недопустимо слово «ненароком», — если Автандил вернется в Аравию, разве Росте-

ვან с ним встретиться ненароком, то есть случайно?

Шестой пример (1063):

„მოვიდა მისი მებაღე, ბაღსა ეახლნეს რომელსა,
მას ყმასა უქვრეტს შეფრთხივით პირსა,
ელვათა მკრომელსა;
ავთანდილ უხმო, ეუანა კაცსა არ სიტყვა-
მცრომელსა:
„ვისნი ხართ, ვინ ხართ, რა ჰქვიათ მეფესა აქა
მჯდომელსა?“

Перевод Ш. Нуцубидзе (1065):

«И туда, где их стоянка, вскоре к ним
пришел садовник,

Зачарованный красавцем, загляделся, как
любовник.

Автандил задал вопросы, словно опытный
сановник:

«Чьи вы люди, как зовется царь ваш,
стольких благ виновник?»

Неудивительно, что садовник загляделся на Автандила, но почему «как любовник»? Автандил задает вопросы этому садовнику «словно опытный сановник», но почему «словно», разве он на самом деле не сановник, не вельможа? А главное, неужели только «опытный сановник» мог задать человеку такой простой вопрос—«кто вы такие, и кто ваш царь?»

Выписав последний пример, я неожиданно обнаружил в четвертой строке предыдущей строфы грубейшую ошибку. В переводе Ш. Нуцубидзе есть такие строки: «Скрыв лицо (!), торгует витязь, каравану он тавад». По Руставели же Автандил скрыл не свое лицо, а свою личность, он соблюдает инкогнито. Если он скрыл свое лицо, то спрашивается, почему на него садовник «загляделся, как любовник»?

Седьмой пример (1121):

„ამა ქალაქსა წესია, დღესა მას ნავროზობასა
არცა ვინ ვაჭრობს ვაჭარი, არცა ვინ წავა
გზობასა;
ყოველნი სწორად დავიწყებთ კაზმასა,
ლამაზობასა,
დიდსა შეიქნენ მეფენი პურობა-დარბაზობასა“.

Перевод Ш. Нуцубидзе (1123):

«День Навроза, праздник светлый, уста-
новлен этим градом,

В путь не тронутся торговцы, не займутся и подрядом,

Красоту мы все наводим, блещем праздничным нарядом,

И в дарбазе отмечают праздник царственным парадом».

Во всех четырех строках этого перевода имеются ошибки. Разве день Навроза (Новый год), главный праздник всего мусульманского мира, был установлен «этим градом»? Ведь Фатман жила не в Мекке? Во второй строке сказано, из-за рифмы, что в этот день торговцы «не займутся и подрядом», вместо того, чтобы сказать—«и торговлей»; «красоту мы все наводим»—на кого наводим? Неужели праздничный обед царя можно назвать «царственным парадом»?

Восьмой пример (1229):

„კვლა ვეუბენით მას მზესა ტკბილ-მოუბრითა
ენითა;
არ მოყმე იყო, ტყუოდა, ჩვენ ესე შევიგენითა,
როშაქ შეატყო ქალობა, გვერდსა წაუდგა
ცხენითა,
ალარ გავუშვით, დაჭირვა ვკადრეთ ხელითა
ჩვენითა“.

Перевод Ш. Нуцубидзе (1231):

«Обратились вновь мы к солнцу, не желая сладкоречья,

Что не муж она, уж видим,—ложь открылась человечья,

И Рошак, узнав в ней деву, стал ей рядом у предплечья,

И ее мы задержали силой, хоть и без увечья».

Станем «рядом у предплечья» переводчика и спросим его: разве можно такими «стихами» переводить на русский язык великое произведение Руставели? Ш. Нуцубидзе, однако, не только переводит так, но и заявляет следующее: «Предлагаемый перевод ставит себе задачей довести до широких масс народов знаменитую поэму Руставели «Витязь в тигровой шкуре» с предельным приближением к оригиналу. Другая задача перевода заключается в создании условий для научного изучения поэмы Руставели».

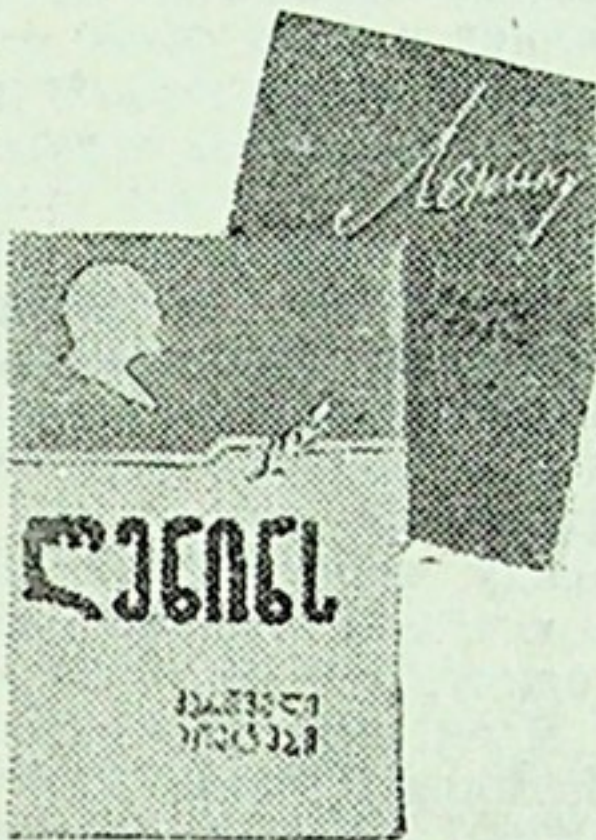
Насколько это заявление соответствует действительности, пусть судит читатель.

ВЕЛИКОМУ ЛЕНИНУ — ПОЭТЫ ГРУЗИИ

Две книги. На грузинском и русском языках. Обе называются одинаково: «Ленину — поэты Грузии».

В эти книги вошли стихотворения почти ста поэтов. В той, что издана на русском языке, каждый поэт представлен одним стихотворением, в грузинском сборнике — преимущественно подборками стихов. Самое раннее из них — «Петроград» — датировано 1917 годом: оно принадлежит Тициану Табидзе — свидетелю Октябрьской революционной бури.

Очень хорошо, что редакционные коллегии и издательства «Сабчота мцeralи» и «Заря Востока», подготовившие к печати эти сборники, проставили эти даты. Они помогают читателю проследить, как, начиная с 1917 года и по сей день, непрерывно растет, обогащается новыми произведениями, сверкая все новыми и новыми красками, грузинская Лениниана — поэтическое выражение той огромной любви и благодарности, которую питают к великому вождю всех трудящихся — Владимиру Ильичу Ленину — грузинский народ и его певцы. Необходимо, вместе с тем, оговориться — обе книги, даже взятые вместе, далеко не исчерпывают имеющихся в Грузии произведений о Ленине. Если даже, оставив в стороне прозу и драматургию, говорить

«Ленину — поэты Грузии». Издательство «Заря Востока», Тбилиси, 1960 г. На русском языке.

«Ленину — поэты Грузии». Издательство «Сабчота мцeralи», Тбилиси, 1960 г. На грузинском языке.

только о поэзии, то и в этом случае надо будет признать сборники весьма значительной по своим идейно-художественным устремлениям, но все же только частью созданной в Грузии Ленинианы.

Мы имеем в виду как стихи поэтов-профессионалов, так и наличие большого числа фольклорных произведений, созданных в народе и записанных в городах и селах Грузии.

Иосиф Гришашвили и Алио Мирцхулава, Симон Чиковани и Ираклий Абашидзе, Реваз Маргиани и Хута Берулава, Георгий Леонидзе и Иосиф Нонешвили, Галактион Табидзе и Колау Надирадзе, Алеко Шенгелия и Арчил Сулакаури, Паоло Яшвили и Дмитрий Гулиа, Александр Гомиашвили и Шалва Абхазидзе, Григол Абашидзе и Карло Каладзе, Анна Каландадзе и Фридон Халваши, Михаил Квливидзе и Сандро Шаншиашвили, Федор Гаглов, Кале Бобохидзе, Харитон Вардошвили, Реваз Асаев, Алексей Ласуриа, Андро Тевзадзе, Нодар Гурешидзе, Маквала Мревлишвили, Марика Бараташвили, Мухран Мачавариани — не перечислишь всех тех, кто славу воспел Ильичу. Да может быть, это перечисление и не нужно: кто из поэтов не посвятил вдохновенных строк своему великому вождю, своей любимой Родине, преображенной светом ленинских идей!

Образ Ленина в поэзии Грузии — это образ народного вождя и руководителя, создателя нашей Коммунистической партии и творца нашей государственности и, вместе с тем, это образ Человека, образ самого человеческого из всех прошедших по земле людей.

«В простоте своей неизменен,
Он вникает во все дела, —
Возникает повсюду Ленин,
И улыбка его светла», —

пишет Иосиф Нонешвили. Эту же мысль развивает в своем стихотворении Шалва Амисулашвили:

«Ты целый мир вооружил
Своим бессмертным
щедрым словом.
Ты жив!

И вечно будешь жив
Во всем
мятежном,
смелом,
новом!»

Мысль эта — Ленин и теперь живее всех живых — пронизывает многие стихи. Описывая памятник Ленину, Карло Каладзе находит такие слова: «Вождь глядит, как внимательный друг». Симон Чиковани пишет о торжестве ленинских идей:

«Вижу — Ленин стоит над волнами,
Озирая земли торжество,
И листва Зедазени, как знамя,
За плечами шумит у него».

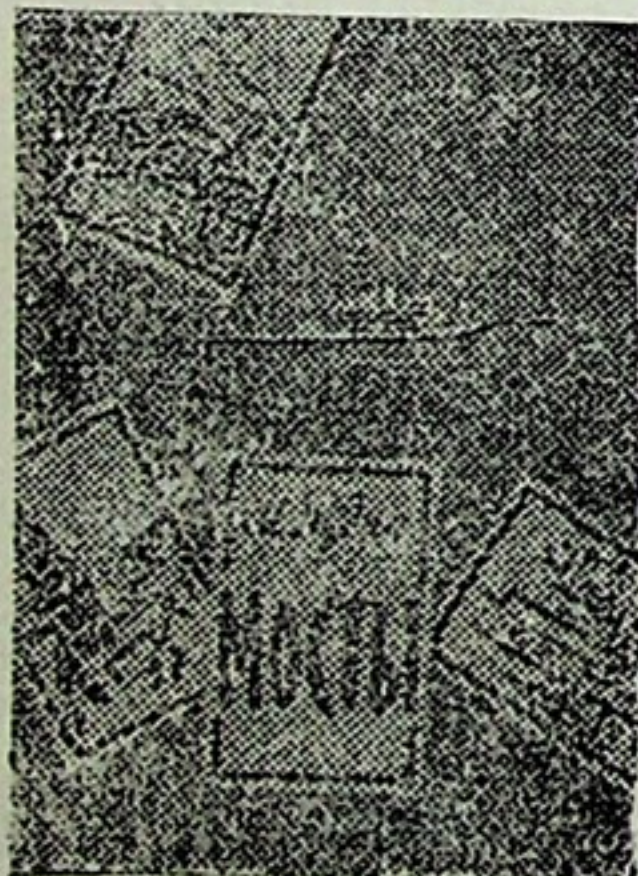
Хута Бериулава в своем стихотворении «Ленину» с полным правом утверждает:

«Одной-единственной датой
Венчает время жизнь твою —
Год восемьсот семидесятый
Я прославляю и пою.
Грохочет горным водопадом
Десятилетий череда,
Но встать с твоим рождением рядом
Смерть не посмеет никогда».

Образ Ленина навечно запечатлен в сердцах трудящихся Грузии. Одно из проявлений горячей и сердечной любви и благодарности народа к своему великому вождю — сборники «Поэты Грузии — Ленину».

С. МАРИНАШВИЛИ.

ПЕСНИ О МОСТАХ ДРУЖБЫ И МИРА

Есть книги, которые словно содержат частицу твоей души, хотя книга и не о тебе, и не ты ее автор. Именно такое ощущение было у меня, когда я прочитал сборник стихов ленинградского поэта Михаила Дудина «Мосты», поэтически запечатлевший те мо-

ря и земли, те города и тех людей, те музеи и памятники, которые довелось мне видеть вместе с автором этой книжки. Она воскрешает в памяти все виден-

Михаил Дудин. «Мосты». Ленинградское отделение издательства «Советский писатель», 1958 г.

ное, представшее теперь передо мной уже преломленным в сознании поэта, омысленным им, обогащенным его фантазией. И сейчас, когда, благодаря стихам М. Дудина, я снова пережил впечатления от нашего совместного путешествия по Европе на теплоходе «Грузия», мне захотелось написать про эти песни о мостах дружбы и мира.

Сборник открывается стихотворением «Книга земли», родившимся в результате бесед поэта с жителями Хельсинки, Стокгольма, Антверпена, Брюсселя, Гавра, Парижа, Рима, Неаполя, Пирея, Афин, Стамбула, Констанцы, Копенгагена, а также его непосредственных наблюдений. Впечатления от всего этого вылились в одно слово — «мир». Его поэт слышал всюду, где встречал людей доброй воли. Слово «мир» стало всеобщим открытым паролем братства и дружбы. Оно на устах у всех, для кого труд и честь, совесть и свобода — мерило человеческого достоинства. Произнося его, люди крепко жмут друг другу руки, их лица озаряются улыбкой, радостной и дружеской, потому что оно рождает надежду, веру и силу. С этим словом мы пересекали границы и возвратились на Родину.

Идея мира пронизывает весь сборник Михаила Дудина.

Поэт — борец за мир — вспоминает бури войны, испытанные народами. Следы этих бурь он находит повсюду и напоминает о них для того, чтобы еще раз разоблачить поджигателей войны. Эта мысль выражена в стихотворении «Закат у мыса Гангут». Вот несколько строк из него:

«Опять не внове
Видеть мне
Цвет красной крови
В глубине.

В глуби зыбей,
Среди валов, —
И кровь друзей,
И кровь врагов».

Но не только горькие воспоминания мы находим в сборнике. Он согрет лирическим настроением поэта-путешественника, который верит в торжество силы и разума человека, красоты природы и всюду находит их приметы.

Призвание человека, и особенно поэта, М. Дудин видит в укреплении сил мира, в служении делу мира на земле:

Поэты шлют, в словах просты,
Друг другу песни-вести
И строят
Общие мосты
Для будущего вместе».

Эти строки взяты из одного из наиболее удачных стихотворений сборника.

посвященного Елене Крачковской, автору песни о Варшаве.

Поэт горд тем, что дело мира во всем мире возглавляет его Родина — Советский Союз. Об этом очень лирично и тепло говорится в последних трех строфах стихотворения «Трагедия остается в Стокгольме».

Путешествуя по многим странам, М. Дудин пересек немало морей. В часы раздумий он прислушивался то к бушующим волнам, то к мягкому переливу их, и у него рождались строки, особенно понятные в книге ленинградского поэта, живущего у морских берегов:

«Вы мне однокашники и друзья,
Спутники поэзии моей,
Грубые от соли и натуги
Добрые работники морей».

Так обращается поэт к «моря работягам» в «Оде буксирам».

И совсем иная интонация в «Ночном сонете в открытом море», который заканчивается строками:

«Опять светла и хороша,
Звезде Полярной шлет душа
Ночной сонет в открытом море».

Такое поэтическое отношение к предметам и явлениям мы находим не только в стихах о море. Глубоко лиричны и многие другие стихотворения сборника, в частности посвященные классикам мировой литературы, бессмертным памятникам искусства. На берегах Англии поэт прославляет Шекспира и Бернса, на берегах Дании — Андерсена. После осмотра парижского музея он создает тонкое, поэтическое стихотворение о Джоконде. Вот одна строфа из него:

«И вот оно — души горенье,
Открытых глаз живая ртуть.
Передо мной, как откровенье,
Вся человеческая суть...»

Особенно сильно такое лирико-романтическое отношение к виденному и пережитому во время путешествия проявилось в стихотворении «Небольшой шторм и синие розы». Приведу одну строфу из него:

«В мутной хляби молния сверкает.
Шестьдесят громов разорвалось.
«Синих роз на свете не бывает», —
Я тебе достану синих роз!»

Хочется еще раз подчеркнуть одно большое достоинство книги. М. Дудин тщательно отбирал то, о чем писал, посвоему осмысливая тот или иной факт, явление, предмет. Весь сборник представляет собой строго завершенный цикл стихов, объединенных одной мыслью.

В завершающем сборник стихотворении «Песнь о мостах» идея мира воплощена наиболее четко и ясно. Это стихотворение невелико, и я приведу его полностью, как квинтэссенцию всех стихов книги:

«В мостах вражды
Нам нет нужды, —
Давай спалим мосты вражды,
Мосты войны,
Мосты тревог,
Обиды пройденных дорог.

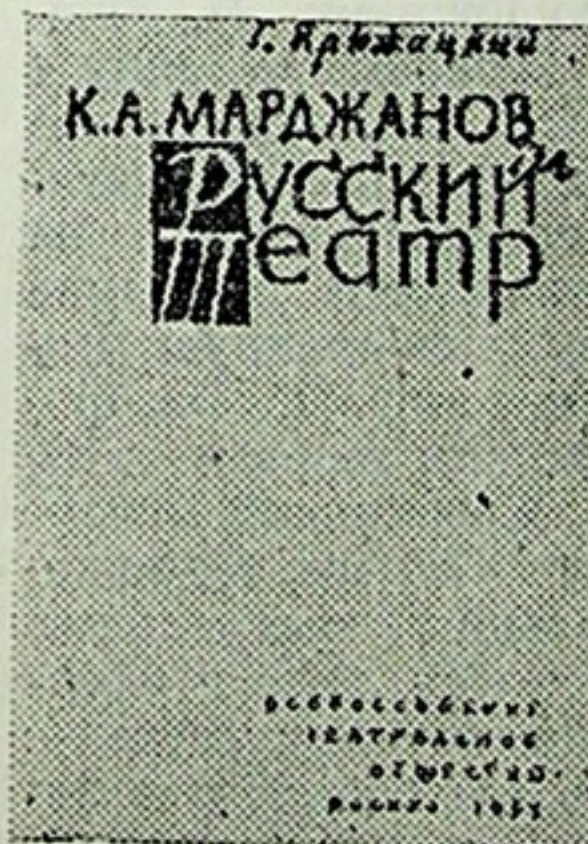
Основы
Новой
Путь не прост, —
Давай построим новый мост
От сердца к сердцу напрямик,
С материка
На материк.

Построим мост. На том мосту
Поставим дружбу на посту.
И будем вместе строить мост
С земли до звезд,
С земли до звезд!»

В одной грузинской пословице говорится: «Что вражда разрушила, то любовь построила». Когда я читал стихи Михаила Дудина в сборнике «Мосты», мне казалось, что именно эту пословицу имел в виду поэт, слагая песни о неисчислимых силах борцов за мир, призывая разрушать мосты войны и вражды и строить мосты мира и дружбы.

Серги ЧИЛАЯ.

НОВАЯ КНИГА О К. А. МАРДЖАНИШВИЛИ

Георгий Константинович Крыжицкий, советский режиссер и театровед, начал свою творческую деятельность под руководством К. Марджанишвили. Лет десять спустя после первого знакомства с ним, в 1928 году, в книжке «Режиссерские портреты» Крыжицкий делает первую попытку написать о К. А. Марджанове. Называя Марджанишвили «партизаном театральной революции», бунтарем, работавшим

Г. Крыжицкий делает первую попытку написать о К. А. Марджанове. Называя Марджанишвили «партизаном театральной революции», бунтарем, работавшим

Г. Крыжицкий. «К. А. Марджанов и русский театр». Всероссийское театральное общество, Москва.

без системы, он, вместе с тем, не мог не признать его блестящего режиссерского дарования. О поставленном им в 1919 году в Киеве «Овечьем источнике» Крыжицкий пишет: «Я помню зал, переполненный красноармейцами. Это была буря. Командарм, очищавший Украину от петлюровцев, сказал Марджанову после спектакля, что он будет посылать все отправляющиеся на фронт части смотреть «Овечий источник»: он будет уверен в победе».

В 1946 году Г. Крыжицкий выпускает уже книжку о К. Марджанишвили. Начинается она словами: «Константин Александрович Марджанов — талантливый режиссер-новатор, чье имя было внесено в список крупнейших мастеров-постановщиков». Автор отказывается от своего первоначального взгляда на Марджанишвили, как на бунтаря, работавшего без системы, и делает некоторую попытку обрисовать его идейно-творческие устремления. Речь здесь уже идет о том, что К. Марджанишвили сразу же заявил о себе как прогрессивный деятель сцены и новатор.

Эта эволюция в оценке деятельности К. А. Марджанишвили совершенно естественна — вдумчиво оценивая творчество замечательного режиссера, Г. Крыжицкий не мог видеть в нем только партизанщину и бунтарство.

Особенно обрадовала нас последняя книга Г. Крыжицкого — «К. А. Марджанов и русский театр», изданная Всероссийским театральным обществом. Эта книга достойна высокой оценки нашей театральной общественности. Она явилась результатом большой, кропотливой работы автора над материалами о К. Марджанишвили. Своей книге Г. Крыжицкий предпослал слова К. Марджанишвили из письма к художнику Н. Ушину: «Я все так же мучительно ищущу в искусстве и, кажется, никогда не замкну круга». Проследив весь двадцатипятилетний путь его творчества на русской сцене, используя поистине огромную литературу, посвященную этому вопросу, собрав материалы, разбросанные по многим русским газетам, журналам, альманахам, Крыжицкий приходит к такому выводу: «Жизнь Марджанова — вереница больших театральных битв. Он знал много побед, знал и немало поражений. Его жизнь в искусстве — это прекрасный путь влюбленного в театр художника-энтузиаста, путь трудный, яркий, иногда извилистый, но неизменно поучительный и искренний».

В чем же выражались поиски К. Марджанишвили? Талантливый режиссер свою деятельность на русской сцене тесно связал с именами двух великих писателей: буреветником революции Максимом Горьким и Антоном Чеховым. Пер-

вый спектакль его в 1901 году в Вятке — «Дядя Ваня» А. Чехова. В сезон 1902—1903 гг., возглавляя театр в Уфе, К. Марджанишвили одним из первых на русской сцене ставит горьковских «Мещан».

В сезон 1903—1904 гг. в Иркутске К. Марджанишвили вновь обращается к «Мещанам», прошедшим семь раз, и ставит пьесу «На дне», прошедшую одиннадцать раз (цифры, неслыханные для Иркутска), а также инсценировку «Фомы Гордеева» — спектакль, запрещенный сразу же после премьеры.

Такая деятельность К. Марджанишвили прочно закрепила за ним имя одного из прогрессивных деятелей русского театра.

В 1904 году К. Марджанишвили был приглашен в один из лучших провинциальных русских театров, в Ригу к К. Незлобину. Здесь он сближается с М. Горьким, принимает активное участие в революционных событиях, ставит «Мещан» и «На дне», а также «Дачников». Как пишет Г. Крыжицкий, эти спектакли, а также постановки пьес ряда других прогрессивных русских писателей, «явились живым откликом на общественно-политические настроения передового русского общества». «Дачники» имели настолько большой успех, что Незлобин с одним этим спектаклем выехал на гастроли в Москву.

В книге приводится очень интересный документ, являющийся идейно-художественным кредо К. Марджанишвили. Это — беседа с ним, помещенная в газете «Киевская мысль» в 1907 году. К. Марджанов в своих высказываниях во многом перекликается с «художественниками». Он декларирует реализм, пропагандирует необходимость связи театра с жизнью. «Театр не имеет права не отвечать на запросы и интересы духа времени. Иначе он будет мертв. Искусство же должно быть живым и животворным».

Правда, К. Марджанишвили отдал известную дань декадансу, но, как правильно пишет Г. Крыжицкий, «заложенное в самой сердцевине его миропонимания трезвое начало помогло талантливому художнику сохранить здоровые ростки реализма и демократический дух своего искусства».

Г. Крыжицкий описывает затем дальнейшую творческую деятельность К. Марджанишвили, его увлечение музыкальным театром, поиски «театра синтетического», огромный толчок, который дала творчеству замечательного режиссера Великая Октябрьская социалистическая революция.

Интересно рассказывает автор книги о послеоктябрьском творчестве Марджанишвили, в частности о его знаменитой

массовой постановке «К мировой комму-
не», осуществленной в честь второго
конгресса Коминтерна.

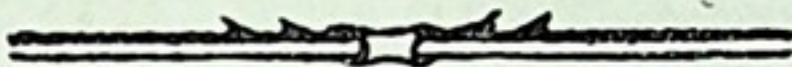
Отдельную главу посвящает Г. Кры-
жицкий режиссерскому методу К. Мар-
джанишвили: описывает систему его ра-
боты над пьесой, образом, мизансценами,
рассказывает о его творческом содруже-
стве с художниками, композиторами сво-
их спектаклей.

В общем, книга Г. К. Крыжицкого о
К. Марджанишвили — это интересный и
полезный труд, рисующий прогрессив-

ную, новаторскую деятельность этого
талантливейшего деятеля русской и гру-
зинской сцены, его постоянное стремле-
ние к поискам нового, неразрывной свя-
зи своего творчества с жизнью.

О К. Марджанишвили у нас издано
немало трудов. Среди них книга Г. Кры-
жицкого занимает видное место и богат-
ством содержания и увлекательностью
изложения.

Г. БУХНИКАШВИЛИ,
заслуженный деятель искусств.

Ш. Саакадзе

„Колокол“ и Грузия

60-е годы XIX века в России — период подъема освободительного движения, когда идеи революционных демократов распространялись не только в центре страны, но и на ее окраинах, в том числе и в Грузии. Проводниками этих идей были произведения Белинского, Добролюбова, Герцена, Чернышевского, а также прогрессивная русская пресса. В частности, огромное революционизирующее воздействие оказывал герценовский «Колокол». Передовой грузинской интеллигенции он был известен почти с первых же номеров. Так, видный общественный деятель того времени З. Чичинадзе отмечал в 1858 году: «Мы видели номера «Колокола», а также «Полярной звезды» за три года, собранные вместе и переплетенные». Эти журналы хранились у поэта Александра Чиковани. «Мысли этих газет, — продолжает З. Чичинадзе, — Александр Чиковани хорошо должен был знать, ибо важные места всех статей были подчеркнуты и отмечены карандашом».

О распространении «Колокола» в Грузии говорят и письма М. А. Бакунина, относящиеся к 60-м годам XIX века.

В 1862 году Бакунин писал одному из активных распространителей «Колокола»: «Явится к вам в Питер с письмом от меня Николай Ильич Воронов... Он переговорит с Вами о новом средстве доставления наших товаров в Кавказский край... Горцы же, пользуясь правом возить с гор дрова на все русские посты, то-есть на всю линию, прилегающую к Черному морю, не раз ввозили между дровами и наши лондонские запрещенные товары».

Итак, к этому времени речь шла уже не о возможности распространения

«Колокола» в Грузии, а о совершенствовании имеющихся средств его доставки.

Несомненно, без активного участия местного населения невозможно было бы завозить и распространять в Грузии запрещенные издания. И, конечно, издатели «Колокола» имели для этой цели доверенных людей. Одним из них и был преподаватель Н. И. Воронов, который в 1861 году, в Лондоне, познакомился с Герценом и Бакуниным.

«Положительно хороший и полезный человек, заслуживающий полного доверия», как охарактеризовал его Бакунин, Воронов с большой радостью и охотой согласился помочь Герцену в распространении «Колокола» в Грузии. С этой целью Воронов даже решает навсегда поселиться в Тифлисе.

В октябре 1862 года он был арестован и отправлен в Петербург как лицо, причастное к процессу 32-х («Дело о лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами»). Причиной его ареста послужило письмо Бакунина к Михаилу Налбандяну, в котором Воронов был упомянут как человек, пригодный для распространения «Колокола». Но более веских улик у властей не оказалось, и по окончании следствия, в 1865 году, он был освобожден.

В августе 1866 года на заставе в Кутаиси, во время беседы с солдатами, был задержан учитель Тифлисской классической гимназии Аркадий Иванович Василевский, обвиненный в распространении «вредных суждений». В рапорте наместнику начальник управления 6-го округа корпуса жандармов сообщал, что «содержащийся ныне на Кутаисской гауптвахте учитель Тифлисской классической гимназии Василевский, назад тому около четырех лет

был замечен в Тифлисе в переписке с издателем «Колокола», за что его хотели исключить... Если это обстоятельство справедливо, то весьма быть может, что Василевский с целью узнавал дух народа, под видом наблюдения нравов испытывал между прочим настроение умов нижних чинов, чтобы передать свои замечания за границу, как он делал это прежде».

С 1861 года на страницах «Колокола» появляются материалы о Грузии. Так, 1 марта 1861 года в «Колоколе» было опубликовано письмо — «Из Тифлиса». Автор его высказывал надежду, «что «Колокол» по крестьянскому вопросу на Кавказе не откажет бедным и угнетенным рабам в своем содействии; когда по освобождении всех крестьян в России, очередь дойдет до кавказских, кругом ограбленных народонаселений».

Эта статья — первое выступление «Колокола» против колониальной политики царизма на Кавказе. В ней, также впервые, идет речь о крестьянском вопросе на Кавказе.

Материалы корреспондентов из Грузии группировались, в основном, вокруг трех вопросов: борьба против крепостного права, критика колониальной политики русского царизма, обличение злоупотреблений со стороны официальных властей и высших чиновников.

Решительно и настойчиво выступая за освобождение крестьян в России, «Колокол» уделял не меньшее внимание крестьянскому вопросу в Грузии. В статье «Введение крепостного права в Мингрелии Бутковым» рассказывалось о бесправном положении мингрельских крестьян, которое довело их до восстания. Более подробно крестьянский вопрос освещался известным грузинским публицистом и общественным деятелем Нико Николадзе в его статье «Освобождение крестьян в Грузии». Н. Николадзе выступал в ней против реформы, «освобождающей» крестьян без земли, справедливо называя подобную реформу обманом крестьянских масс.

О положении крестьян и проведении реформы в Грузии на страницах «Колокола» рассказывали не только грузинские корреспонденты. В статье Огарева, например, напечатанной 1 апреля 1865 года, отмечалось, что освобождение крестьян в Грузии происходит без глубокого изучения местных условий и что такое освобождение не может принести пользу крестьянству.

Большое внимание уделял «Колокол» и жизни грузинских ремесленников. В номерах от 17 августа и 1 сентября 1865 года были помещены сообщения о выступлении тифлисских ре-

месленников против введения нового налога, а 15 сентября в статьях «Из Тифлиса» (без подписи) и «Июньские дни в Тифлисе» (за подписью Рионели — псевдоним Нико Николадзе) подробно освещался ход борьбы.

«Колоколу», который боролся за национальное равноправие, выступал, в частности, против колониального гнета царских властей на Кавказе, приходилось по этому вопросу полемизировать с некоторыми реакционными газетами России. Выступая против «Московских ведомостей», «Колокол» указывал, что грузины видят свое спасение в присоединении к России, но порядки, насаждаемые официальными властями, настраивают их против нее. «Колокол» последовательно отстаивал эту позицию во всех своих статьях и выступлениях.

С 1865 года в «Колоколе» начинает сотрудничать Нико Николадзе.

В переписке Герцена и Огарева имя Николадзе впервые упоминается в марте 1865 года, но из этой же переписки видно, что их знакомство состоялось значительно раньше. Это подтверждает и неопубликованная записка самого Николадзе: «Осенью 1864 года, — вспоминает он, — мне удалось уехать за границу, в Париж, где я буквально не выходил из библиотек и не отрывался от книг. В конце года меня там, совершенно неожиданно, разыскал А. И. Герцен, появление которого в моей мансарде, в узкой и закопченной улице Латинского квартала, произвело огромную сенсацию».

Николадзе вспоминает далее, что «за ту зиму и весной 1865 года» Герцен навещал его «во время каждого своего проезда через Париж». Кроме того, в том же году Николадзе часто встречался с Герценом в Женеве.

В марте 1865 года Герцен предложил Николадзе написать для «Колокола» статью об освобождении крестьян в Грузии. Николадзе сначала отказывался, ссылаясь на свою неподготовленность, но все же написал эту статью, и она, по словам автора, произвела целую «бурю в рюмке тогдашней печати». Герцен высоко оценил статью молодого грузинского публициста (Николадзе было тогда всего 22 года). «Грузинская статья очень хороша», — писал он Огареву.

Вскоре в «Колоколе» появились и другие статьи Николадзе — «Наши будущие адвокаты перед «Московскими ведомостями», «Июньские дни в Тифлисе».

Между Герценом и Николадзе в тот период установились близкие дружеские отношения.

Однако, высоко оценивая деятельность Герцена в целом, Николадзе нередко высказывал отдельные критиче-

ские замечания по вопросам, в которых они не сходились. Резкое осуждение Николадзе вызвало опубликованное Герценом в «Колоколе» «Письмо императору Александру Второму». По этому поводу Николадзе написал письмо Герцену. Но оно, к сожалению, до нас не дошло. О нем можно судить по письму к Огареву от 12 июня 1865 года, в котором Николадзе пересказывает содержание своего письма к Герцену: «...Я писал, что неужели он не разочаровался еще в е(го) в(еличестве), я ставил этот вопрос, ни мало не подозревая в Герцене такого ослепления; дальше я говорил, что это «письмо» может ввести в заблуждение многих. Один простой факт, что Искандер написал снова письмо Г(осударю), способен вызвать в большинстве следующие размышления: «Уж если Искандер, человек и пр. и пр. не устает надеяться, просить и ждать, так нам и подавно нечего торопиться». Это размышление ни мало не содействует пробуждению общественной **самодеятельности**, на подготовку которой должен был служить «Колокол».

Несмотря на несогласие со статьей Герцена, Николадзе не порывает дружбы ни с издателями, ни с журналом. В том же письме он пишет: «Пожмите от меня руку Г. Герцену за его статью «Письмо к путешественнику». Дайте нам таких статей, Александр Иванович, да почаще».

Но Николадзе, порой, все же недооценивал значение «Колокола». Это стало заметно несколько позже, когда, переехав в Женеву, он сблизился с так называемой «Молодой эмиграцией», отвергавшей заслуги Герцена и Огарева, и особенно после того, как он становится соредктором и одним из самых активных авторов журнала «Современность». Николадзе прямо или косвенно все чаще выступает против Герцена.

Тем не менее, дружба Николадзе с

Герценом и Огаревым несомненно сыграла положительную роль в его дальнейшей деятельности, не говоря уже о том, что статьи Николадзе в «Колоколе» имели определенное значение для идейного сближения передовой части грузинской интеллигенции с герценовской газетой.

Причину сближения Николадзе с Герценом некоторые грузинские литературоведы склонны видеть только в особой одаренности Николадзе. Эти утверждения односторонни. Думается, что заинтересованность Герцена в сотрудничестве Николадзе в «Колоколе» исходила прежде всего из его сочувственного отношения к грузинскому народу, из желания шире освещать на страницах своей газеты жизнь Грузии. Об этом говорит и тот факт, что темой первой статьи Николадзе, заказанной ему Герценом в Париже, было положение грузинского крестьянства.

Как отмечалось выше, «Колокол» помещал довольно много материалов о Грузии. Все они, за исключением трех статей (под которыми стоял псевдоним Николадзе — Рюнели), печатались без подписи. Кто являлся автором остальных статей — неизвестно. Возможно, что некоторые из них также принадлежали перу Николадзе.

В 1865 году в «Колоколе», одновременно со статьями Николадзе, печатались сообщения «Из Тифлиса». Известно, что в 1865 году Николадзе жил в Париже и в Женеве. Значит, «Колокол», кроме Николадзе, имел и других корреспондентов, которые проживали в Тифлисе, в Грузии и были в курсе всех местных событий.

Люди эти, бесспорно, делали большое дело, поднимая на страницах «Колокола» самые актуальные вопросы политической и экономической жизни своей страны.

Технический редактор М. Соселия

Подписано к печати 28 мая 1960 г. 6 печ. лист.

Формат бумаги 70×108^{1/16}.

Заказ № 96/382

Тираж 3.000

УЭ 03123

Цена 4 руб.

ჟურნალი „ლიტერატურნაია გრუზია“

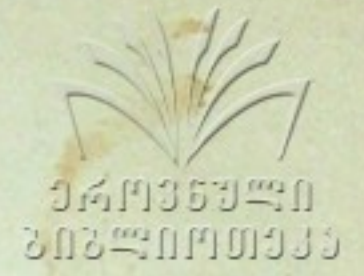
(რუსულ ენაზე)

საქართველოს მწერალთა კავშირის გამომცემლობა „ხარია ვოსტოკა“

Типография «Заря Востока» им. А. Ф. Мясникова издательства
ЦК КП Грузии, Тбилиси, пр. Руставели, № 42.

4 руб.

6 30/144

15